

Иван ЩЁЛОКОВ

ДЫХАНЬЕ ТВОЁ

Избранные стихотворения

Поэма

И В А Н ЩЁЛОКОВ

поэма

избранные стихотворения

ДЫХАНИЕ
ТВОЁ

Воронеж - 2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
Щ 46

Книга издана при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области

Щёлоков И.А.

Щ 46 Дыханье твоё. Избранные стихотворения.
Поэма. – Воронеж: АО «Воронежская областная
типография», 2023. – 432 с.

ISBN 978-5-4420-1052-7

В книгу Ивана Щёлокова «Дыханье твоё» вошли избранные стихотворения и поэма «Роман без знака препинанья», написанные автором на стыке двух столетий. Содержательная драматургия сборника напитана вихрями перестроечных и постиндустриальных перемен вплоть до последних трагических событий на Донбассе. В глобальной игре бытия лирический герой мучительно ищет духовную и нравственную опору в надежде сохранить равновесие и гармонию в отношениях с миром, сберечь целостность родовой памяти, событий и судеб, чтобы верить, любить и быть счастливым.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-4420-1052-7

© Щёлоков И.А., стихотворения, поэма, 2023

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

ВРЕМЯ ПОВОРОТНОЕ

* * *

Ещё поголовно в деревне дома
 под соломенной крышей.
Ещё в нашей хате не выметен пепел
 остывшей войны:
Контуженый дед мой недавно
 в отставку последнюю вышел,
Понянчить внучат не успел
 на десятом году тишины.

Ещё до полёта Гагарина в космос
 почти пятилетка.
И радость великая,
 если половник наваристых щей...
Но что-то большое свершилось,
 раз сталинская статуэтка
Отныне покоится в пыльном шкафу
 среди прочих вещей.

И молод отец мой,
 и мама ещё не больна ревматизмом.
Их мысли о стройке:
 чтоб крыша из жести,
 а счастья – на целых сто лет.
И столько хорошего, светлого,
 кажется, ждёт в этой жизни...
И с яблоком первым,
 созревшим в саду,
 я рождаюсь на свет!

1988

* * *

Куда мне от этих степных берегов
И рощи берёз на зелёном бугре?
Спешу, если что, под родительский кров
Вдохнуть полной грудью на стылой заре.

Там старый скворечник у самой звезды
Качает горластых птенцов после сна.
И яблони, пышно одевшись в цветы,
От пчёл не смолкают в саду допоздна.

Спускается мама устало с крыльца,
За поручни крепко хватаясь рукой:
«Годами, сынок, догоняешь отца,
А кудри сносил до поры молодой...»

Укор не укор, а по сердцу огонь
За вдовью судьбу, за отцовскую смерть...
Ах, мама, струну во мне эту не тронь:
Боюсь, слишком грустно придётся звенеть.

Достаточно грусти нам выдала жизнь.
Сегодня не время, чтоб думать о том.
Прислушайся чутко, вокруг оглянись:
Всё стронулось с мест в переломе крутом.

Несётся, грохочет на тысячи вёрст,
В орбиту свою вовлекает без слов...
А как бы хотелось у наших берёз
Спокойно осмыслить, на что ты готов!

1989

* * *

Плясово-Снежково...
Из конца в конец –
Вдовы, вдовы, вдовы
И один вдовец.

В километре трасса,
Лёгкий бег авто,
А сюда ни разу
Не свернул никто.

Дети разлетелись,
Внукам дико тут.
Ивы в берег въелись,
Охраняют пруд.

Присмирели избы,
Крыши набекрень...
Век двадцатый – изверг
Русских деревень!

1989

* * *

В полночь на дальней станции
Вдруг гроыхнут вагоны.
Жаром дохнёт с дистанции
И холодком с перрона.

Лунным осколком крохотным
Нежно коснись окошка
Под нарастанье грохота,
Женской судьбы ладошка.

Здравствуйте – до свидания,
Спящие околотки!
Мчится без оправдания
Поезд любви короткой.

Жизнь, не сподобься ребусу,
Глупой смешной загадке!
Сердце на стыках рельсовых
Тихо даёт осадку.

1989

* * *

Бьётся чайка крылом безрассудным
В зыбь реки за бетонным мостом,
Где оставлено ржавое судно
Под плакучим ивовым кустом.

Омывает волной и прохладцей
Свежий ветер и плечи, и грудь...
Не настало ли время прощаться,
За речную излучку свернуть?

Там, за плёсом, от солнца нескудным,
Чуть покачиваясь на волнах,
Дождивается новое судно
При параде, на всех парусах.

Я не знаю, останусь ли, нет ли
В той команде, вдруг спишут в запас...
Бьётся чайка... Плескаются ветви...
И качается старый баркас...

1989

ХЛЕБНОЕ

Знак дорожный: «Хлебное».
Было здесь село.
Запахами хлебными
Далеко несло.

Наспех заколочена
Низких окон вязь.
На подворье ключьями
Сено вмёрзло в грязь.

Мечутся над вишнями
Стайкой воробьи:
Чик-чирик, так вышло, мол,
Не уберегли!

Песня воробьиная
Грустно-солоня.
Русь моя невинная,
В чём твоя вина?

Год, как стихло Хлебное.
Кончен долгий путь.
Как, с кого потребовать,
Взятое вернуть?

Грязным снегом стаяли
Речи мудрецов,
Кто взахлёб настраивал
Много лет отцов:

«Для чего селянину
В доме скот и хлев?
Выпишем сполна ему
Мясо, масло, хлеб!»

Помню дни курьёзные,
Как отца влекло:
«Будем пить колхозное
Вволю молоко».

Бабушка, с пристрастием
Осеньясь перстом,
Спорила, несчастная,
До обид с отцом...

Там пошли красивые
Речи за народ.
А неперспективные
Села шли в расход,

Оставаясь в прожитом
Средь российских нив
Знаками дорожными
Чьих-то перспектив.

Золотой краюхою
Месяц вдоль дворов.
Только совы ухают
В пустоту лугов.

1989

* * *

Бросает КамАЗ на сугробах,
Как щепку с волны на волну.
Копится дорожная злоба
На чью непонятно вину.

И дёрнул же чёрт нас, досужих,
Отправиться в степь налегке:
Ни водки – согреться от стужи,
Ни корки сухой в «бардачке».

Водитель, устав трепыхаться,
Лёг грудью на обруч руля,
Топорща затёкшие пальцы,
Богов о пощаде моля...

А может, всё это навечно,
И нет больше края снегам
И их белизне безупречной,
Скользнувшей, как саван, к ногам?

Покуда метель куролесит,
Одно остаётся, браток:
Протяжная русская песня –
Надежды последний глоток.

1989

ДИАЛОГ У КОЛОДЦА

- Далеко ли до трассы?
 - Вёрст двенадцать, милок.
 - Дай, бабуся, в дорогу водицы глоток.
 - Пей, родимый, в колодце вода хороша.
- Смотришь, с пылу остынет больная душа.
- Отчего же она, непонятно, больна?
 - Э-э, такие настали, милок, времена...
А вода хороша... Мой явился с войны –
Ух, горяч был и зол, что с огня чугуны.
Остудился, Бог дал, миновала беда.
Всё твердил мне: «Святая в колодце вода!»
Умер в нонешний год – будь там пухом земля!..
 - Впрямь, бабуся, святая водица твоя.

1989

* * *

Прохлада от низины.
И ранняя заря.
И поздний куст малины
У края пустыря.

И от осенних тягот
Отчаянно чисты
Гирлянды поздних ягод
Среди скупой листвы.

И неспроста усталость,
Тревога неспроста,
Как будто жить осталось,
Как ягоде с куста.

1989

ТРИПТИХ О ВОЗРАСТЕ

1

Память моя первородная,
Сердце моё благородное,
Время моё поворотное –
Я начинаю жить!

2

Память моя окаянная,
Сердце моё покаянное,
Время моё безымянное –
Я продолжаю жить!

3

Память моя изрешеченная,
Сердце моё незалеченное,
Время моё искалеченное –
Стоит ли дальше жить?

1989

* * *

Был вид у местности культурен:
Бахча, река, за ней лесок
И яркий, словно после бури,
От туч очищенный восток.

Пейзаж сменился, точно в фильме,
Когда под зубчатым ковшом
С клеймом богатой инофирмы
Открылся глины вязкий шов.

И вознесла над полем местность
Бетона мощь и крана крест,
Глухой провинции известность
В стенах московских министерств.

Ворчал старик: «Считай, отжились.
Не стало пастбища для коз...
Эх, бабка, плохо, что ль, молились,
Раз иностранцев чёрт принёс!»

В ответ крестилась бабка нервно,
Шепча в согласии: «Молчи!..»
И кран покачивался мерно.
И дух цементный шёл с бахчи.

1989

НА КРАЮ УХОДЯЩЕГО ВЕКА

Что привидится мне
На краю уходящего века?
У заброшенных хат
Одичалая пышет сирень.
По пустому подворью
Забытая тень человека
Обречённо скользит за лучом,
Покидающим день.

Тени, тени толкуются
В подточенных временем срубях.
На пиру ль торжества,
В ожиданье ли судного дня?
Оплывают, как свечи,
Кирпичною крошкой трубы,
Остывая от долгой тщеты
И жилого огня.

А ещё лебеда из щелей,
Как везде по России...
Неужели опять
Снарядимся в заложники зла?
Неужели забудем,
Как души нам с грязью месили
И под дулом сгоняли в этапы
В чем мать родила?

Наломая на память
Букет одичалой сирени –
Дорогим и забытым пахнет,
И расколется грудь.
Из заброшенных хат
Предвечерние выползут тени
На старинный большак,
Заградив к отступлению путь.

1990

* * *

Оставь меня. Хочу побыть один.
Устал от голосов пустых и резких.
Открою окна – лунный серпантин
Усыплет мягким блеском занавески.

Сольётся мир – небесный и земной –
В мерцанье звёзд и трепете душевном,
И что-то вдруг произойдёт со мной,
И образ твой не станет утешеньем.

Какая жизнь! Почти на волоске.
И что ни миг – дыханье вхолостую.
И лунный луч скользит в моей руке,
И я за ним скольжу – не протестую.

1990

* * *

Гори, костёр!
Соседка молода.
И мне морозцем грудь не остудило.
Пусть стынет в лужах мелкая вода,
Пусть горьким пеплом станет лебеда,
Гори, костёр!
Всё остальное было.

Не удивить ни нежностью, ни злом.
Игривый взгляд воспоминанья будит.
Гори, костёр!
Твоим скурым теплом
И осени малиновым крылом
Я обогрет...
Всё остальное – будет!

1990

* * *

Затерялись гудки паровозные
На разъезде, где стайка синиц
Сыплет с веток серёжки морозные,
Словно искры остывших зарниц.

Привела нас тропинка случайная
В эту звонкую зимнюю глушь,
Чтобы музыка жизни печальная
Осыпалась серёжками с душ.

И пока под стальными колёсами
Птичий свист не рассыпался в прах,
Не ступи ни на шаг под берёзами,
Не спугни озабоченных птах!

Можно в горе и радости выстоять,
Можно друга в измене простить,
Но нельзя не продлить нам, не вытеснить
Этот миг, что успели прожить.

Все уйдём: кто дорогой, кто стёжкой –
В гололёд, по морозцу, в пургу...
Осыпают синицы серёжками
Каждый шаг наш на чистом снегу.

1991

* * *

Здравствуй, дед – седая голова!
Жизнь прошла – тебе никак неймётся.
Словно годы, колются дрова,
Звонкие и жаркие от солнца.

Где-то там, за садом, за селом, –
Перестройка, митинги и страсти...
Кто от злобы машет топором,
Кто от предвкушенья новой власти.

Наломали в жуткой суете
Столько дров по нашенской привычке
Левые, и правые, и те,
Кто и вовсе безо всякой клички!

Грудь не греет, не ласкает слух
Эта их топорная работа...
Где же он, сосновый терпкий дух,
Ощущенье лада и полёта?

Милый дед, от зависти сгорю,
Отойду и подobreю сердцем...
Будет дров в достатке к декабрю!
Будет чем вам с бабкой обогреться!

1991

ДИЧКА

Грушу рубили мы – старую дичку –
На огороде до самой зари.
Водки – по стопке,
По горстке – камсички,
Чтоб не остыло и жгло изнутри.

...И повторили ещё раза три.

После пилили.
Сосед матерился:
– Крепкая, стерва! Не режет пила.
Вправду ведь скажут: каким кто родился.
Дичка не баба – стройна, да кисла!

...Вот оно, братцы, какие дела!

Ствол – на поленья,
А ветки – в сторонку,
Пень – вместо столика в сад, в уголок.
Дед под хмельком:
– Заколю поросёнка,
Внуков зову – и за этот пенёк.

...Дед занемог. Кто-то пень уволок.

1991

* * *

В теориях отец был слабоват,
Но атеизма свято чтит заветы.
И в год, когда Леонов-космонавт
Шагнул в пространство смело из ракеты,

Доказывал с крестьянской простотой,
Как будто сам тогда в пророки метил,
Что Бога нет, иначе бы герой
Его следы в той бездне заметил.

Крестились бабки: «Ох, не богохуль!
Не стыдно разве Господа гневить-то?»
Была невзрачной логика бабуль
На фоне всепланетного события.

Теперь кричим с трибун и на углах:
«Всё пусто здесь!» – и тычем пальцем в сердце.
И лебеда растёт на куполах
С космическим размахом – дань наследству.

Пусть Бога нет, не этого боюсь.
Иное жжёт и тяготит признание:
Боюсь, что сын пустой подхватит груз,
Уйдёт на поиск ложных мирозданий.

Пусть Бога нет, но что-то ведь влекло,
Раз звёздный луч светло вливался в души...
А бабушкам, пожалуй, повезло:
От богохульств земля заткнула уши.

1991

* * *

Что случилось со мной, славянином?
Будто чую беду и вину.
Неужели тропой соловьиной
Я назавтра уйду на войну?

Брат на брата на стыке столетий...
Кто толкает нас в тлен забытья?
Словно дробью, от злобы и сплетен
Изрешечена память моя.

Захлебнём ли свинца и от боли
Упадём на снега, чтобы ниц
Преградить обезумевшей воле
Возведение братских гробниц?

Если так – через души пройдите,
Чтоб понять, как, векам вопреки,
Рвутся с треском славянские нити
С чьей-то легкой бесовской руки.

Не тужи, не печалься, родная:
Есть у нас и Россия, и Бог...
Покуражится вьюга шальная
Да и сгинет у древних дорог.

1991

* * *

Что гогочите, гуси, на том берегу,
Где туман да камыш над заброшенным бродом?
Что-то любитя нынче – и всё на бегу,
Что-то плачется – всё мимоходом.

И куда ни взгляни – берега, берега...
Те круты, те пологи, а те – наважденье.
Ищет тверди увязшая в иле нога,
Сердце – дружбы, а ум – воплощенья.

И не радуют милой большие глаза.
Жизнь скользит по теченью, гонима волнами.
И успеть бы мне что-то любимой сказать –
Брод размыт проливными дождями.

Гуси, гуси, горластые братья мои!
От крутых берегов, от пологих откосов
Долетят до меня звуки чистой любви,
Грусть забытых отцовских погостов...

1991

* * *

Постою у фамильного склепа,
Где и бабка, и дед, и отец...
Как бушует в июле сурепка,
Прорываясь огнём из сердец!

Бог ты мой! До чего мы дожили!
Призадуматься – стыд мировой:
Чтобы выжить, мы ходим к могилам
Примеряться под вечный покой.

Ни тогда, ни теперь не убиты
Наши вера, надежда, любовь.
Были б предки на нас не сердиты
За глухую невнятную боль.

Не оттуда ли странная лёгкость?
Не пугает погост и не жжёт.
И душа от печали не склёклась,
И язык над крестами не лжёт.

Рано думать о скорой кончине:
Век к исходу, а нам на подъём.
И звучит, словно песнь при лучине,
Вешний ветер над жёлтым быльём.

1991

* * *

Приходи и садись. И рассказывай.
Пусть тебя не волнует, не жжёт
Нашей встречи скупая фантазия,
Совершив сквозь года перелёт.

Здесь, под старой родительской грушею,
Где в пчелином восторге жужжит
Синий купол пространства воздушного,
Мир окрестный общенью открыт.

Говори без разбора и выбора,
Душу словом и жестом лечи!
Я себя не единожды выпорол
За измену... Лишь ты не молчи!

До листочка, до малой травиночки
Мир озвучен теплом и весной.
Стают глаз твоих синие льдиночки
И прольются дождём надо мной.

1992

ПОСЛАНИЕ ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИИ

В.М.Акаткину

Вы сказали: поэт что бродяга.
Я хотел бы понять: почему?
Пело б сердце – великая тяга
Очага в материнском дому.

Милый доктор, моё вам почтение!
Нет у слова особых дорог.
Жив поэт, как и встарь, вдохновеньем,
А не дюжиной сбитых сапог.

Неизбывны пути человечьи:
Чьи тверды, чьи шатки, как мосток.
...Голос был Иоанна Предтечи.
Был (к распятию!) иуд шепоток.

Дай-то бог им обувку и песню,
Всем блуждающим с музой во мгле!
Не делюсь. Даже счастлив, что вместе,
Кто как может, поём на земле.

1992

* * *

День. Глубинка. Начало апреля.
Буйный ветер – души не сберечь,
Словно где-то резвится Емеля,
Оседлав деревенскую печь.

Вот он скачет – чумной, неподсудный,
Со стеклянным безумством в глазах –
Мимо хат, палисадников скудных,
Мимо баб в разноцветных платках.

Той, что ликом светла, моложава,
Косу русую враз растрепал.
«Хочешь, девка, в царёву державу
Уташщу?..» – хохотнул и пропал.

Лишь остался, как эхо, далёкий,
Серой пылью овейный путь.
Пышут девичьи пухлые щёки,
Молодая волнуется грудь.

1992

* * *

В саду отца ни деревца, ни ветки.
Земля пустая с примесью песка
Да мягкий след от тапочек соседки,
Что угощала кружкой молока.

Босой ногой ступлю на ком горячий,
И жжёт в груди, и отдаёт в виски,
Как будто сам себя переиначил
И выкорчевал, выжег от тоски.

Понять бы всё, как бы взглянуть из детства,
Чтоб сам себе ответить чётко мог,
Когда и кем отцовское наследство
Промотано в рекордно-жуткий срок.

С чего начать? С какого уголочка?
Земля пустая хуже целины.
Сожмись, душа, до ломкого комочка,
В прах обратись под тяжестью вины!

Как часто мы шустры на раскорчёвку!
Щепой по лицам гулкая беда...
В отцовский сад нашкодившим мальчонкой
Вхожу, не зная деть себя куда.

1992

ПЕРЕУЛОК КЛИНИЧЕСКИЙ

Переулок Клинический.
До больницы – рукой...
Чей-то смех истерический
За калиткой глухой.

Чьи-то фразы отборные,
Чья-то жизнь враскосяк.
Сцены – сплошь подзаборные
Совершенно за так.

Магнитола японская,
Надрываясь, хрипит...
Эх ты, Русь растаковская,
Переклиненный быт!

От простынок крахмаленных,
От цветущих садов –
Белизна поминальная
Девяностых годов.

1992

СУМЕРКИ

Нет ни звёзд надо мною, ни тучи.
Вечер рыж, он – как глины шлепок.
Вся, щетинясь стернёю колючей,
Сжалась степь в напряжённый комок.

Ждёт ли что нас в холодном пространстве?
До селенья верста, до огня.
Сколько пятен в осеннем убранстве,
На траве и в душе у меня!..

Стану пьян не от свежести зыбкой
Вечереющих гулких полей,
От твоей непонятной улыбки
И от глупой ухмылки моей.

Вновь поделим себя безыскусно –
Чтоб ни тучи, ни звёзд над собой! –
На безудержность женского чувства
И на сдержанность доли мужской.

1992

* * *

После ливней осенних и грешных,
Когда жизнь – как ненужный товар,
Всласть займётся на ивах прибрежных
Огнекрылый заветный пожар.

Снова хочется жить – не нажиться!
И за сердце хвататься во сне
От боязни, что вдруг отслоится
От груди и уйдёт по стене...

Листопадом нахлынули чувства.
Как бурлив их напористый ход!
Сохранить бы святое искусство –
Быть собой среди удач и невзгод.

И чем дальше мы в осень уходим,
Чем дороже родимая пядь,
Тем желаннее смерть при народе
Под предлогом любим не принять.

1992

ЧУЖАЯ ОСТАНОВКА

Девушка в чёрном платке.
Взгляд обмороженной розы.
Перстень на левой руке
Бел и пушист на морозе.

С Пушкинской сонно толпа
Жмётся, насупясь, к бордюру.
Галка с макушки столба
Весело каркнула сдуру.

Девушка! Что за беда
В час предрассветной тусовки
Вас притащила сюда,
К этой чужой остановке?

Вот и троллейбус. И мат –
Жалкая чья-то надежда.
Двери вагона трещат,
Словно девичьи одежды.

Что им ваш чёрный платок,
Горем увитая чёлка!
Неуправляем поток
Сонной толпы с остановки.

1992

ДВА ЗНАКА

Девятое. Август. При свете
Коптюшки я миру предстал.
Тридцатым числом в сельсовете
В свидетельство кто-то вписал.

Когда ж эту запись осмыслил,
Я взрослый у мамы был сын.
– Как вышло, что спутали числа? –
Спросил в день своих именин.

До этого ль вдовой крестьянке?!
– Ошиблись! – махнула рукой. –
Зато у тебя для гулянки
Всегда будет повод двойной.

Я шутку воспринял без гнева,
Особый в ней смысл усмотрев:
По паспорту – вылитый Дева,
Натурой – отъявленный Лев.

С годами я чью-то оплошность,
Признаться, все больше люблю.
Двухдатыем помеченный в прошлом,
Я дважды за здоровье пью.

Два знака, две страсти, две силы
Расслабиться мне не дают.
Живу, как и весь наш в России
Двужильный, двузнаковый люд.

Кто справа молотит, кто слева.
Друзьям говорю, захмелев:
– Душой непорочен, как Дева,
А сердцем отходчив, как Лев.

Мне некогда космосом грезить.
Одно может душу согреть:
Коль час – под любым из созвездий
Единожды б мне умереть.

1993

В ГОРОДЕ N

В городе N
Без перемен:
Осенью дождь, а зимою мороз.
Дворник с метлой,
Вечно хмельной,
Держит по ветру малиновый нос.

В городе N
Ждут перемен:
Снега – зимою, а летом – дождя.
Дворник с метлой
Умер в запой –
Сутки гудят на поминках друзья.

В городе N
От перемен
Двор не метен уже месяца два.
В ЖЭУ кричат:
«А не хотят
В дворники нынче – такая братва!»

В городе N
Тьма перемен:
Двор на аренду бригада взяла.
Семеро пьют,
Двое метут.
Мат-перемат от угла до угла.

1993

СНЕГ В ЛИСТОПАД

Снег в листопад – редчайшее виденье.
Ты где? Скорей!.. Ах, мы разлучены!
И губы, как мосты, разведены,
Без нежного касанья холодны,
Нечувственны без долгого движенья.

Снег в листопад – и чудо, и напасть.
Представить трудно: за ночь – на полметра...
Как просто вдруг по осени пропасть
В таком снегу, до срока смогшем пасть
На жёлтый лист, на многозвучье ветра!

Снег в листопад – что ковш воды студёной
В костёр любви в её высокий час.
С каких небес обрушился на нас,
Завис туманом на ресницах глаз,
Отяжелил багряный шорох клёнов?

Снег в листопад – судьбы грядущей дух?
Уйдёт – и снова синь над головою...
Для двух сердец, для разлучённых двух
Огонь кленовый, к счастью, не потух,
Под снегом жил и шелестел листвою.

1993

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Есть в Воронеже замечательный архитектурный памятник 17 столетия – Успенская Адмиралтейская церковь. Своды храма помнят поступь Петра Первого и металлический отзвук каблучков хулителей времён воинствующего атеизма.

По преданию, в Великую Отечественную войну красноармейцы, освобождая правобережье Воронежа от фашистов, молились при виде храма.

Город сер от бомбёжек и горя.
Кровь рябин на губах горчит.
Храм Успенский под снежным взгорьем
С довоенных годов молчит.
Ах, куда ж эти годы сгнули!
Помнит Русь, как среди скорбей
Плакал колокол над могилами
Православных своих сыновей.
А ещё ликовал младенцем,
Аки Петр; и на царский зов
Откликался стозвонно, с сердцем –
Турок бить, воевать Азов.

Две вдовы пережитым делятся,
Словно памяти нить прядут:
– Я в Успенской крестила первенца...
– Я с Митрошей венчалась тут...

Город жив. Разгромили фрицев.
В зимнем небе луна светла.
Как охота бойцам молиться
На безглавые купола!
И за тех, кто в донской излучине,
Веря в Сталина и ЦК,
Оставался лежать под кручами

Грязно-глыбого известняка;
И за них, за родных, немного –
Ярославен, Марусь и Лиз,
Кто с рождения верил в Бога
И ничуть не в атеизм.

У бойцов в наступленье нервы –
Звуки тысячи колоколов...
Не успели лишить их веры,
Хоть и сбили кресты с куполов!

1993

* * *

О, звон колокольный
с холма от Покровского храма!
Едва продираясь сквозь шорохи листопада,
Биением сердца стучится в оконную раму
В малиновом зареве клёнов
Кольцовского сада.

Как будто признать,
породниться нас заново просит –
Безбожных потомков
большого людского недуга...
Без этого звона и осень в России – не осень.
Без этого звона не сыщется верного друга.

Без этого звона не сложатся дело и песня
И беды не сгинут, не сгладятся шрамы...
Восходит, возносится он,
как Христос, в поднебесье
И душу мою увлекает в оконную раму.

1993

ПОЛОВОДЬЕ

В никуда бежит вода
По канаве вниз вдоль сада –
Мимо старого следа,
Мимо рая, мимо ада,
Мимо ржавой каланчи,
Мимо шумной новостройки...

Не стыдись, вода, журчи,
Без оглядки мчись, как тройка!

Огородникам – напасть,
Страсть – детишкам, страх – дивчине.
Я готов к тебе припасть
И пропасть в твоей пучине.
Есть высокий тайный смысл:
В никуда уйти с потоком –
В рай ли, в ад ли, вниз ли, ввысь;
К предкам, сверстникам, потомкам...

Как рельеф ни повернёт,
Как ни сложится стремнина,
Всё равно вперёд, вперёд
Вместе с мусором на льдине.
В никуда – так в никуда
От вчерашней мёрзлой прели...

Хлещет талая вода
Через сытый край апреля,
Брызжет, пенится, ворчит,
Размывает суть и сушу,
Точит камень-монолит
И ваяет чью-то душу.

1994

БАЛЛАДА О СТАРОМ ДОМЕ

В старом доме, где всё кое-как,
Поселился сплошной кавардак.
Окликаю хозяина: «Где ты?!»
Улыбаются грустно портреты
Оттого, что нашёлся чужак
Растревожить царящий здесь мрак.

Настороженно пятясь, паук
Замыкает серебряный круг.
И закатное солнце планеты
Бьется тварью, заманенной в сети,
Нагоняя животный испуг
На усевшихся рядышком мух.

Я бывал в этом доме не раз,
Пил с хозяином водку и квас,
Угощала настоем супруга
Из травинки окрестного луга.
До утра за беседой не гас
Блеск хмельных или радостных глаз.

Но однажды случилась беда:
Сотни молний сбежались сюда –
Ненасытно голодные волки,
И хозяин с супругой умолкли.
И остались висеть навсегда
По углам паутинов провода.

Страх ли, ужас отныне во мне?
Бьётся сердце, как солнце в окне
Под серебряной крышей зари.
И растут из земли пустыри,
Чтобы там, где стояли дома,
Сотни молний сходили с ума.

1994

* * *

На просёлках вчерашней империи
Ветер сух и кровав, словно в прерии,
За накатом накат гонит пыль,
Заметает всё-всё, во что верили:
В сказки дедов, в отцовскую быль,
В разлучальную траву ковыль...

Даже память, и та на завалинке
Крепко дремлет, обутая в валенки,
И ничто не тревожит её:
Ни косые от времени ставенки,
Ни поросшее сором жнивье,
Ни прожорливое воронье.

Мимо парни несутся брезгливые,
Мимо девки гарцуют блудливые.
Что им память чужая? Так, старь!
Дай им, Боже, дорогу счастливую,
Ночью – друга плечо и фонарь,
В зной – прохлад родниковых янтарь.

Не поплатится, значит, поплачется,
Не одернётся – сдёрнется платьице.
Что судить и рядить без нужды!
Сердце воском до одури плавится,
Ветер пылью заносит следы,
Доставая крылом до звезды.

1994

СЕНТЯБРЬ

Вслед за песней журавлиной
На пушинке тополиной
Над землёй моей былинной
 Я былинкой пронесусь.
Будешь ты глядеть печально,
Вспоминать наш час венчальный,
Мой усталый взгляд прощальный
 И страну такую – Русь!

Нам винить себя не надо:
Это – время листопада,
Дни великого распада
 Судеб, атомов, сердец.
Сами выбрали такую
Пору пёстро-золотую,
Чтоб нестись напропалую –
 Всё равно один конец!

Дятел в роще поределой
Долбит дуб остервенело,
И летит во все пределы,
 Может, песня, может, жуть.
Эй, сентябрь – лихой возница!
Мчишь куда, меняя лица?
И зачем, к какой границе?
 Где нас в эту осень ждут?

В нашем доме дети плачут,
Наши жёны страх не прячут,
О спасенье Бога клянчат...
 Есть страна такая – Русь!
Снова лада в ней не видно.
Вновь её втянули в битвы
Те, кому ничуть не стыдно
 Сеять смуту, боль и грусть.

Нашим душам рано к звёздам:
К ним успеть всегда не поздно!
Что ж, сентябрь – возница грозный,
Злей гони, гони коней!
Над землёй моей былинной
День ли, год ли, век – не длинны.
Минет всё. За птичьим клином
Даль прозрачней, жизнь видней.

1995

* * *

Я у матери не был давно.
Облетела листва. Закружили метели.
И скудеет душа от недели к неделе
От того, что у матери не был давно.

Все надеялся съездить, но нет:
Заграница... столица... теперь вот больница...
За окном на рябиновых ветках синицы
Что-то тенькают. Выйти б послушать, ан нет!

Что за жизнь день-деньской у окна!
Сколько б я ни кружил по стране, по планете,
Прежде всяческих снов снился дом на рассвете
И две юных рябины поодаль окна.

Помню: ягоды как-то щеглы
До морозов склевали, не дав отвисеться...
И щемит, и тоскует, тревожится сердце:
Не нагрянули б загодя снова щеглы.

Не плодов нам тогда было жаль,
А красы недозрелой. Надеялись выждать...
Всё имеет свой смысл: умереть или выжить,
Иль травой прорасти, по-другому так жаль!

1995

* * *

Скучая, осень ворожила:
Листву по паркам ворошила,
Дышала стылым ветерком
В угрюмый люд. И вечером
Вела по улочке Манежной
Вниз до реки, где у прибрежной
Полоски в первых скобах льда
Томилась ранняя звезда;
И где поодаль, за стремниной,
С тоской почти что журавлиной
Семейство сытых диких крякв
Будила сизый полумрак.
А рядом отражали воды
Монастыря резные своды,
Кресты и кровлю куполов
В подсветке трех прожекторов.
И странно было: в отраженье
Душа искала искупленья,
Как будто нет у ноября
Дорог к божнице алтаря.
И в страхе чуть ли не острожном,
С предощущением тревожным
Туда, где терпкий дым свечей
Напомнит: кто ты есть и чей! –
Ты вновь по улочке знакомой
Спешил, надеждою влекомый,
Вверх по ступеням бытия –
Вернуть в привычный мир себя,
Где осень походя вершила
Игру: снежками порошила
Постройки, стёжек крутизну,
Гордыню чью-то и вину –
И поцелуй влюблённой пары
На бойкой сцене тротуара,
Чтоб завтра новый вышний час
Блажил и вёл куда-то нас
И волновал невыразимо
Явленьем первого зазимья.

1997

* * *

Уйду в поля, и не оставлю памяти,
И буду жить не грешно и неспешно,
Как голуби на шпильях Будапешта
Или как чайки в океанской заводи.

Уйду, чтоб не тревожили досужие
Мыслишки о насущном пропитанье;
Чтобы глаза бесчувственно-бараньи
Политиков не нагоняли ужаса.

Что до друзей – у них проблемы схожие.
Свой крестный ход вершим поодиночке.
Двадцатый век покоится в тенёчке
Дряхлеющим конягой не стреноженным.

Ему-то что! Он роковую борозду
По нашим душам проложил, играя:
Свистят они, как рана сквозовая,
И сиротливо мечутся от хворости.

Уйду, уйду в просторы... Не от слабости,
От пустоты душевной и от дури –
Успеть глотнуть предутренней лазури,
Оплавив сердце в перевозданной радости.

Жена простит, незло вздохнут поклонницы.
Завистникам оставлю на прощанье
Лишь чистый лист и стул для восседанья...
Поклон тебе, в грядущий век околица!

1997

ПЛОТ

Меня уносит на плоту
То в эту сторону, то в ту.

Ни островов, ни берегов,
Ни губ твоих, ни наших слов.

Пройдут вдруг так вот дни, года,
И ни следа – вода, вода...

Плутает плот в волнах как плут.
Тут не встречают, там не ждут!

1998

ЧТОБ КАЖДЫЙ МИГ ВОЗВЫСИЛ

* * *

Устав от роли вольнодумца,
Напялив маску царедворца,
Я веку нашему – безумцу –
Служил с готовностью гасконца.
Какая роль – таков позор!
Чтоб не вступать с минувшим в спор,
Себя в грядущее простёр.

Как жил? Скучал. Себя раздаривал
И раздарил – не стал я донором...
Разочарован ныне Дарвином
И забавляюсь мыслью вздорною:
Пришельцы мы, нас занесли
Сюда с равнин другой земли...
Куда ж из века в век мы шли?

Язвит мне женщина любимая.
Идёт на спад игра любовная.
И замыкает сеть мобильная
И стук сердец, и брань отборную.
Не по сценарию антракт!
И длится, длится первый акт,
Хоть так, не так, но в такт, но в такт...

Хочу вернуть себе свободу!
А если маску снять забуду,
Уход окажется угодой
Тем, кто хотел его до зуда...
Каков мой век – таков и я!
И тщетно шарит пятерня –
В моём грядущем нет меня!

1999

СОВРЕМЕННАЯ МОЛИТВА

Господи, что за напасть – супермены?
Мы непременно все переменны!
В чаше весов Твоих, словно безмены,
Мерим мы души на веру безмерно.
Из Подмоскovie или из-под Берна –
Бренны мы, Господи, загодя бренны!
Века грядущего в горле проблемы,
Словно замкнувшие намертво клеммы,
Жгут и искрятся; и плещется пенно
Суть супермена с душонкой бармена...

Господи! Так ли темно всё и скверно,
Несовершенно, несуперменно?
Я – из Воронежа, сверстник – из Вены.
В нас одинаково вспучены вены.
Душами плавимся медленно, верно,
Словно металл под пучком автогена.
Как беззащитны мы и суеверны,
Суперхрупки, даже сверхубиенны!
Раной открытой кровит сокровенно
Суть супермена от формулы гена.

1999

КРЕЩЕНСКОЕ

1

Есть правда и неправда.
Есть совесть и паскудство.
И есть, как песня барда,
Страны моей искусство.
По струнам нервов рваных
Из нервов струн сочится
Кровавой струйкой правов,
Чтоб в сущность воплотиться.

2

Есть воля и неволе...
Я сам себя возвысил!
Гвоздил к кресту, не воя,
Стопы, ладони, мысли.
А ветер гнал остуду,
Клонил к обочью колос
И оставлял повсюду
Мой глуховатый голос.
И я сходил на землю
И замыкал пятою
Меж светом и меж тьмью
Зияние пустое.

3

Замыслию на Крещенье
Омыть стопы в протоке.
И пусть, как в знак отмщенья,
Несут вразлёт сороки
По снежному раздолью
В толпу худые вести!
Живу, как жил, любовью,
Надеждой, а не мезтью.
А есть ли правда, воля,
Бесстыдство и безверье,
Расскажут ветры в поле
В Центральном Черноземье.

1999

ПОЭТ И ДЕРЖАВА

1

Моя великая Держава
Меня по буковке рожала,
Вживляла в слоги; и за дверью
Всегда держала начеку
Того, кто мог в причудах жанра
Без снисхожденья к подмастерью
Сыскать тлетворную строку,
Чья страсть без пули поражала.

Моя почившая Держава
Зря надо мною так дрожала,
Ревниво метила страницы
И жирный ставила вопрос,
Вонзив его точёным жалом
Перед строфой, где грусть, как птица,
Металась в клетке и всерьёз
Идей властей не выражала.

Меня несчастная Держава
В учениках не удержала!

2

Окончен век. И нет Державы.
Не подмастерье я давно,
А на душе темно и ржаво
И даже хуже, чем дрянно.

И в коммерсантах бывший цензор.
В учётный лист вносить не стал,
Что в текстах он царил, как Цезарь,
И с ходу рукопись черкал.

О, наше время! Что за нравы!
Аудитории страны
Пусты для брeнности и славы.
Кому поэты в них нужны?

Народ давно стихов не просит.
И не до них ему сейчас.
Нет веры в Болдинскую осень,
Нет смысла в ссылках на Кавказ.

Ни озорства и ни задора,
Ни воспитательных бесед
В партийных строгих коридорах
С угрозой выложить билет...

Поэт не звучен, коль не свистан.
Ему, как волку за флажки,
Хотя бы раз ступить на выстрел,
Чтоб цену знать своей строки.

1999

МЧАЛСЯ ПОЕЗД

Мчался поезд с броской вывеской «Держава»
Мимо Курска, мимо Брянска, мимо Ржева...
Мчался, сердце обжигая жгучим жаром
И шампанским пенно пыжась по фужерам.

Мчался, графики ломая и маршруты.
Даже птицы замолкали в околотках.
Щукой хищно мрак глотал, визжал до жути,
Раскаляя до свечения колодки.

И забытыми ветрами пассажиры
Устремлялись за вагонами вдогонку.
И шныряли по перрону старожилы,
Не уехавшим сбывая самогонку...

Ты меня на этот поезд провожала.
Бравым маршем оглашал оркестр вагоны.
И дрожали твои губы, как «Держава»,
Устилая дробью стыков перегоны.

С той разлуки кто я в поезде кошмарном:
Пассажир или заложник? Я не знаю...
И мелькает полустанком долгожданным
Всё, что вспомнить я теперь не успеваю.

1999

* * *

Уже ноябрь на середине.
Просторна степь. Луга пусты.
И осень – словно на картине:
Штрихи рельефны и чисты.

И ярок лист на тонких ветках
Берёз, не сбросивших пока
Одежд на солнечных кокетках
С зелёной строчкой сосняка.

И озабочен мост железный:
Над речкой, с корточек привстав,
В седую пойму, будто в бездну,
Толкает с грохотом состав...

И я стою на косогоре,
Ловлю мгновения свои,
Чтоб удержать в прощальном взоре
Картины милой мне земли.

Как жаль, что я не мастер кисти!
Боюсь, что каждую деталь
В необратимом токе жизни
Замутит пасмурная даль...

О, мой ноябрь – лукавый мистик,
Будь снисходителен ко мне,
Одним мазком волшебной кисти
Увековечь на полотне:

И чувств моих глубинный выплеск,
И мыслей огненный прибор,
Чтоб каждый миг меня возвысил,
Ведь только он владеет мной.

1999

ЧЕТЫРЕ СОНЕТА ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

1

Я первый раз пишу сонет.
Я увлечен таким досугом
В саду, где дым от сигарет
Красиво вьётся – круг за кругом;
Где виноградная лоза
От дыма морщится брезгливо,
Упрятав синие глаза
В вихрах колючих чернослива,
Совсем как милая моя.
Она – капризное создание!
В её очах – хрусталь ручья,
В крови – филфака воспитанье...

Но это к слову и для шика.
Сонет – весома улика!

2

Второй сонет – служенье моде
И форме – дань, но чувству – даль!
Ей-богу, искренне мне жаль,
Что столько лет в его природе
Я видел заданность и блажь.
А попытался – вскрикнул аж
И ощутил я что-то вроде
Восторга детского прилив:
От винограда и от слив,
От хризантем – им по погоде
Приходит время буйно цвести,
С души снимая боль и спесь...

Родная! Я к тебе стремлюсь,
Дымком у сердца сладко вьюсь.

3

И третий мой сонет – тебе.
 Он – добрый знак в моей судьбе.
 Хочу, любовь чтоб вечно длилась!
 Его не мог не написать:
 В груди такая благодать –
 Душа от тела отделилась,
 Виденьем чудным в облака
 Через лозу у чердака
 Легко к зениту устремилась,
 Где Бог, и Дух, и Суций Свет
 Шепнут мне: «Лучше в мире нет
 Той, что во сне тебе явилась!»

Я горд предвестьем, даже празднен
 И свято верю: мир прекрасен!

4

Хвала вам, Данте и Петрарка!
 Хотя Лаур и Беатриче
 Теперь немного, а покличьте:
 Для стихотворного подарка
 Завидный выстроится ряд
 Красавиц, что в сонет навряд
 Вместить и дюжину возможно.
 И я с затеей не спешу:
 Я для одной пока пишу.
 И подступаюсь осторожно,
 И чаще прежнего дымлю
 В надежде вымолвить: люблю!

А после пусть меня осудят:
 Сонет четвёртый чувств не студит!

1999

ОСЕННИЕ МНОГОТОЧИЯ

Не остуди себя: порочно
Гасить любовь, когда леса
Выводят знаки многоточий
На пёстрых прописях листа.

Я их читаю, и от счастья
Их тайный смысл душе знаком:
Соединиться в одночасье
С твоей душою, и тайком

Парить за линией запрета,
Скрепив объятия свои
Чернильной страстностью рассвета
Из двоеточия любви.

От восклицаний стынет вечность.
И вздох вопроса: почему
Любовь – настывшая нечестность,
Когда понятна одному?

Прошу, молю... В твою остуду
Огнём берёзовым вольюсь.
Пусть миг всего с тобой побуду,
Воспламенюсь и прочь умчусь.

И будет миг длинней столетья,
И, не стыдясь, переживёт
Осенний почерк многоцветья
И многоточий вольный ход.

1999

* * *

Танцуй, огонь, в портале каменном!
Вместил классический камин
Два неразрывно жгучих пламени
На швах из термостойких глин.

Глаза любимой как фасолины –
Цветные, в крапинку, а в них
Бушует страсть первоосновная
Из воплощения двоих.

Плесну вина в фужеры-блюдечки;
Подхватит трепетно камин
И звон стекла, и чувства любящих,
И шорох тюлевых гардин.

1999

* * *

Пускай кончается столетье
Тысячелетия второго,
Так хороши на соснах ветви
В снежках пушистых, без сквозного,

Без бременящего нас тока
Веков, годов или мгновений,
Что даже стрёкоты сороки
Душевней всяких откровений!

И я беру тебя под локоть,
Веду легко, как на причастье,
Сквозь снеговую поволоку
В мир зеленеющего счастья.

Иных пределов жизнь не просит.
Где напролом, где вдоль тропинок
С прощальным эхом век пронесит
Чуть горьковатый вкус хвоинок.

Готов за миг такой сгореть я.
Мне тайна голову вскружила:
Как целых два тысячелетья
Ты в душу женскую вживила?

1999

* * *

Наташе

Дом порушен, а берёза
Все ещё цела пока.
И над нею, как стрекозы,
Кружат, кружат облака.

Ни родного голосочка,
Ни лампадки у икон...
Лёгким дымчатым платочком –
Пустота со всех сторон.

От двора до новостроек,
Где в прогорклом сосняке
Дух дневного жара стоек,
Время парится в тоске.

И порхают неприметно
Над обрывом у реки
На прозрачных струях ветра
Прошлой жизни мотыльки.

Лишь берёза за колодцем
Возле бабкиной избы
Вдоволь так и не напьётся
Из источника судьбы.

2000

* * *

В запасе ни водки, ни песен, ни слёз.
И только зима.
И щиплет нас за нос проказник мороз
Да сводит с ума.

Хотели любить, но шалунья метель
Пути замела.
И вьётся по комнате чувств повитель –
К углу от угла.

Где злость и обида? Пугнул бы вину
Звериный их рык.
Ружейным затвором по горлу слюну
Гоняет кадык.

Ни воли в запасе, ни сил, ни добра –
Одна дребедень.
И мёрзнет любовь у чужого двора
Который уж день.

2000

* * *

Красовался я лебедем белым в воде.
Жировал воробьём полевым в лебеде.

А насытился, понял, что время моё
Исклевало с чужой стороны вороньё.

И о чём ни трубили б с небес журавли,
Всё мне слышались горькие сказки земли,

Где и время – не время, и быль – как быльё,
Где и птицы – не птицы, а сплошь вороньё...

2000

* * *

Сохранить бы на миг шум багряной листвы
Поздних вишен в саду, где синички-кокетки,
Из округи слетевшись к кормушке, на ветки
Сыплот прямо с небес шелуху синевы;

Где за садом, к болоту, на соснах зажжён
Новый день от луча в знак широкого жеста;
И где первый мороз из серебряной жести
Ладит маковки смётанных в зиму копён...

Подступает пора уходить, увядать,
Мелкой твари сползаться под пни и под крыши,
Чтоб судьбой отведённую некогда нишу
Без смущенья, покорно, как есть занимать.

И напрасно соседская блеет коза
Возле старой ветёлки – такая чудачка!
Время плотно спрессуется пылью чердачной,
Полоснув через щель синевой по глазам.

Но в последнем наивном порыве своём
Поздней вишней душа встрепенётся над пашней
И синичкой порхнёт от кормушки домашней
За осенним коротким стремительным днём.

2000

* * *

Охраните меня от ненастного,
От залётного ветра ознобного,
Чтобы душу туманом не застило
Из овражного зева утробного...

Чтоб несло костерком еле тлеющим
От осенних деньков над бахчевнею –
Там, где женщиной, огненно млеющей,
Занимается зорька вечерняя...

Я неспешно пройдуь по тропиночке,
Тайну стольких следов чьих-то вызнавшей,
Как щемяще сведёт мне горчиночка
Скулы гроздью рябины невызревшей!

2000

* * *

Эта боль... Эта грусть...
И глухая мольба...
Я с собою борюсь,
подавляю раба.
Выдираю себя
Из телесных застёг,
Выпускаю себя,
Будто тень за порог, –

Встречь докучной судьбе,
Встречь глазливой молве!

Время давит висок.
Племя рубит свой сук.
Тенью наискосок
Ускользаю из рук,
Вытекаю из душ,
Отстаю от ногтей...
Перебитый мой гуж –
Полюса из теней:

Первый – в жар с головой,
Грудью в холод – второй...

Что ты медлишь, восток?
Что уставилась, тень?
Он всего с ноготок,
Мой зачавшийся день.
Он – как корка в горсти
Близ распахнутых ртов:
Мимо – грех пронести,
И отдать не готов...

Гомонит детвора,
Гонит тень со двора!

То ли быть, то ли выть,
Или жить не по лжи...
Надрывается выпь
У болотной межи.
Под лучами звезды
Золочёной копной
Проступают следы
Стороны заревой.

Как чиста, как свежа
После муки душа!

2001

* * *

Вместе с дождями
и пух тополиный сошел незаметно.
Даже сосед не успел прикрепить
к радиатору марлю.
Будто и жизнь не пушилась,
назойливо в ноздри не лезла,
Не досаждала спешащим,
жующим
и любящим в парке
И не клубилась, не вихрилась
в пыльных следах легковушек,
Плюхнулась целыми гроздьями,
чтобы с потоком всосаться
После недавнего ливня
в глухую утробу колодцев,
Булькнув с досадой
о скором конце тополиного пуха.

2001

* * *

Меня моя мысль уведёт, уведёт
Туда, где черёмуха в мае цветёт,
Где юные грозы в степной стороне
Играются резво на свежей стерне,
Где сам я – мальчишка, безусый пацан,
Чуть-чуть шалунишка, чуть-чуть хулиган.
Последнее – к слову, в нём правды на грош,
Но, честно, был многим на сельских похож!
И только ночами украдкой стихи
Писал про друзей, лошадей, лопухи
И в библиотеку ходил в выходной,
Романтикой бредил, конечно, морской...

Зови меня, память! Веди меня, мысль!
В великую глушь мы теперь забрались.
И шуму хватает, и ярких огней,
А души – как улицы без фонарей.
С другими разлад и с собой маета.
И Родина та и как будто не та.
В ней света с напёрсток, в ней тьмы – океан.
И где тот мальчишка – чуть-чуть хулиган?
И где та тетрадка, в которой стихи?
Кругом лопухи, лопухи, лопухи...
И ломятся грозы с высоких небес
В ограду погостов настырно, как бес.

2001

* * *

Безумно бежали, бежали, бежали
Поодаль то горы, то горы, то дали,
За взглядом следили, над ухом жужжали...
И не было в этой картине печали,
А было знакомое сызмальства чувство
Осеннего утра, капустного хруста,
И грядок морозных литое искусство
Без лишних штрихов субъективного вкуса.
И было лицо просветлённым и милым.
И птица кружила над свежей могилой
С неистойвой страстью, с чарующей силой,
Какую бы женщина в чреве носила.
И всё повторялось – во сне, наяву ли.
Скрипели качели, ходили ходули.
И дети играли в песке. И бабули
Скучали в теньке – перезрелые «дули».
И падала с веток листва без намёка
На долгую память, на давние сроки.
И нагло о сущем у чистой протоки
Трещали болтливые слишком сороки.

2001

* * *

Кого-то Бог берёг,
Кому-то Бог давал...
Меня у трёх дорог
Раздумьем осенял.

Читал я письма
На древнем валуне
И понимал: одна
В них суть – мой Бог во мне.

И тем, что не берёг,
И тем, что не давал,
Меня хранил мой Бог,
От тщетного спасал.

2001

ТЕРРА ИНКОГНИТА

И, глядяваясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства...

А. Блок

1

Столб фонарный.
Ночь слепая.
Кулинарный
Дух Китая
Из общаги
Институтской
С русской брагой –
Мир вприкуску.
Бомж с авоськой
У простенка,
Будто Троцкий
Или Стенька...
Эко ж выдал
Куль в пригóршне!
Бомж – не идол,
Он – хороший.
Он – дворовый,
Всем он свойский
В этой новой
Жизни скотской.
Бомж за угол
Шмыг тихонько,
Был и убыл...
Убыль только!
Темь подножкой
За общагой.
Возглас кошки.

Рык дворняги.
Сгинь же, сила
Колдовская:
Вся Россия –
Рвань честная.
Без надежды
Мы бомжами
Рыщем между
Этажками
По общагам
Институтским,
Под напрягом
Проститутским...
Ночь без света.
Путь без веры.
Русь ли это?
Терра... терра...

2

Ни аптеки, ни фонаря.
Только ночь. Далеко заря.

Только ночь да подъёмный кран –
Обесточенный великан.

Территория немоты.
Думы, думы... И с ними ты.

Бомж с подругой поют в кустах.
Песня – стыд, песня – боль и страх...

3

Живу на отшибе. Под боком – дубрава.
Пустынные ветры, как псы при облаве,
В утробе площадки строительной дерзки.
Здесь даже луна над тобою по-зверски

За башенным краном, у лифтовой шахты
Готова к прыжку из заоблачной вахты.

Отшиб – не помойка. И все-таки страшно,
Как в детстве, как в боли,

как в жизни вчерашней.

Залетошный жёлудь с макушки сорвётся –
Растяжкой сердце от звука замкнётся,
Как будто за ближним оврагом замшелым
Пространство Панкисским простёрто ущельем.
И птицею сердце порхнёт за сторожку,
Чтоб в темени гулкой разбиться в лепёшку.

Отшиб – не тюрьма, лишь уклад, ожиданье,
Надежда, что будет достроено зданье,
Где сам ты – конструкций живая частица,
Как в этой недалней дубраве синица...

Живу на отшибе у рая, у ада –
На бывших делянках учебного сада,
Где в пояс бурьян, корневищ терриконы
И где в котлованах осколки, патроны
Минувшей войны и растроченной славы...
Нет вечного даже в масштабах державы!
Лишь сторож на вверенном службой объекте
Хозяйски приносит собакам объедки
И курит ночами, и дверь нараспашку:
Ему наплевать на любую растяжку.

2002

* * *

За мартом случится апрель.
И скворушка в дворике тесном
Распещет над тополем трель
Клубящимся маревом песни.

...Ну, щёлкай! Ну, цокай! Журчи же
Студёной струёй родника!
Свисти, словно суслик, пока
Хмельно улеглись облака

В далёком ненастном Париже.
И здесь, на равнине великой,
Где степь от зари до зари,
Врачуй мою душу и рви,

Цыганкой гадай или ври
В своей неподдельности дикой.
Ничто не покажется лишним:
Ни возраст, ни усталь, ни боль...

Ты только себя не неволь,
Ты только послушать дозволь,
Чтоб стало спокойней и тише.
Чтоб было кого проводить мне,

И встретить, и выпить вина
За тех, кто не дожил, до дна,
И верить: над нами весна
Трепещет связующей нитью...

Случится за мартом апрель!
Я знаю, и жду, и желаю,
И пью птичью трель, как капель,
И чувствую, что оживаю.

2002

* * *

Среди дубрав заметней позолота.
И в пёстрой череде осенних дней
Ты ищешь вновь отчаянно чего-то
И не находишь в памяти своей.

Сверкнула жизнь, как луч безумной мысли,
И высветились в тайнах бытия
Минувший век, Воронеж, крах Отчины
И перестроечная молодость твоя.

Лишь жгучий стыд за слепок от подошвы
На глине у вчерашней колеи,
За век, в котором ты родней не больше,
Чем в Африке донские журавли.

Смешенье улиц, лиц и ощущений,
Смещение дат, и лет круговорот,
И злое чувство перевоплощенья,
Где настоящим прошлое живёт...

2002

* * *

От границы липецкой к ростовской
Здравствуй, путь мой с севера на юг!
По просёлкам стороны отцовской
Совершить успею за день круг.

Путь туда – на солнце до зенита,
Путь обратно – с солнцем на закат.
Вдоль моей наезженной орбиты
Дни и годы вымощены в ряд.

Путь на юг – по Дону, по теченью.
Лодочкой смолёной у костра
Так и плыл бы без сопротивления
День и ночь, с утра и до утра.

Так и жил бы – просто и безопасно,
С каждою былинкою в ладу,
То дымком клубился бы из печки,
То листком кружился бы в саду.

Так и жил бы в этом двадцать первом,
Будто в первом веке от Христа,
Насыщая душу, словно верой,
Шорохом прибрежного куста...

Путь обратно – ожиданье встречи,
Свет в окне, и сладкий сон детей,
И жены усталый взгляд под вечер
С цветом глаз как пара сизарей.

До свиданья, знойный край ростовский,
Ковылей волнистая тоска!
Мне в Воронеж хочется чертовски
До звезды успеть наверняка.

2002

* * *

Жить бы, жить и не быть на виду,
Лебедою цвести у сарая,
Пусть в глуши, но зато не в аду,
А почти возле самого рая.

Что ни день – будто новый исход!
От рожденья до смертного часа
В путешествии за горизонт
Затерялась земли моей трасса.

И напрасно звенит на ветру
Колокольчиком позднее лето,
Я из памяти пыльной сотру
Каждый шаг повседневности этой.

Замечательно быть лебедой –
Нет вернее от тленного средства.
Жаль, останется дивной мечтой
Тот сарай из сиротского детства.

2002

СКАЗАНИЕ О ПЕРВОМАЙСКОМ ПАРКЕ

1

Весна, насыти верой!
В душе сплошной обвал.
Здесь, в Первомайском сквере,
Строительный аврал.
Здесь, за оградой, жарко.
Как поясняют нам,
Что был на месте парка
Давно когда-то храм;
Что искупить пора нам,
Покаяться при всех –
Безбожным горожанам –
За совершенный грех;
Что непременно скоро
Средь тополей и лип
Величие собора
Нам явит Божий лик...
Лишь в городском кадастре
Со зла, как сургучом,
Пришлѣпнут словом: «Здрасьте!
Ну, храм... А мы при чём?!»

2

Я жил, я торопился!
Не замечал я лет!
И в храмах не молился,
И не давал обет.
Лет десять в парке не был
С детьми или без них.
Не помышлял о небе,
Об истинах святых.
Судьба меня носила,
Как океана вал.
Что ж на душе тоскливо,

Как будто что украл...
Пройдусь ли ненароком
Вдоль тропок, мне родных,
Без подлого намёка,
Без помыслов дурных,
Лишь только б взгляд прощальный
Под гомон воронья
Запечатлел детально
Картинку бытия:
Оград чугунных вечность,
Литья восторг и страх
И звёзд пятиконечье
На сталинских гербах –
Полёт монументальный
Фантазии мирской
С диагнозом летальным
Державы мировой...

3

О, память, ты постой-ка!
Я вовсе не в бреде
И мимо парка-стройки
Спокойно не пройду.
Здесь в юности далёкой
Студенческой порой
С девчонкой синеокой
Вдыхал его покой.
Здесь пил с друзьями пиво
У красного ларька.
Жизнь пенилась бурливо
От каждого глотка.
Здесь страшным фактом марта
Пронзил нас нервный шок,
Как африканец Мартин
Стал русским алкашом.
Уганды сын влюблённый,

Здесь он себе сыскал
В тоске неразделённой
Трагический финал.
С весёлой чёрной рожей,
Учтивый, полный сил,
Заезжим и прохожим
Бокалы подносил.
Средь глоданной тарани,
У столиков, где хай,
Мелькал его бараний
Облезлый малахай.
Мы Мартина тащили
В общагу, на этаж.
Бомжи нам вслед вопили:
«Свалите! Мартин наш!»

4

Прощай, социализма
Перебродивший дух.
Остатки атеизма
Как тополиный пух
Горячий ветер в мае
Подхватит, понесёт
В Уганду, к Парагваю,
В Париж или в Вермонт...
И трудный век безбожья
С явлением Христа
Уткнётся в бездорожье,
Как жухлый лист с куста.

2002-2003

* * *

Ничего больше нет из того,
 что тебя вдохновляло,
Будоражило ум твой,
 румянец лепило к щекам,
По дороге из школы
 в сугробы с девчонкой валяло
И смеялось, катилось,
 как эхо по снежным буграм.

Где теперь они, вольные,
 суток на несколько вьюги
С отпечатками губ молодых
 на узорном стекле?
В поменявшемся климате дни,
 как в коварном недуге,
Расползлись, разнеслись каблуками
 по талой земле.

Только дождь в январе, только слякоть,
 простуда и насморк.
И промозглые ветры,
 ощерив звериную пасть,
То примерятся к жертвенной холке,
 то сцепятся насмерть
С пустотой над оврагом,
 чтоб в зарослях гулко пропасть.

Многоснежный мой мир
 из далёкого детского века,
Причитанья бабуси,
 пурги неподступный конвой...
Где же всё? По каким поскрести
 мне однажды сусекам,

Чтоб на миг поместить
 пережитое рядом с собой?

Рвусь из плена компьютерных файлов
 и зим виртуальных,
Из прогнозов погоды
 про хлябь несезонных дождей.
В потепление глобальном
 я сам до костей аномальный
И душою юродивый
 в странной эпохе своей.

Только дождь в январе,
 только слякоть и стонущий ветер.
И над брюхом оврага
 рябиновой крови мазки.
Для чего я живу, существую,
 январь не ответит.
И я сам не пойму,
 лишь продрогну насквозь от тоски.

2003

ЛЕТО НА ДВОИХ

1

Опять я тебя отпущу
Легко и, быть может, беспечно.
И пива поплюю на конечной,
И вдруг осознаю: грущу!
И вдруг обнаружу, что я
В свободе своей несвободен
И что нездоровится вроде
На склоне разлучного дня.
И свет раздражает в окне,
И птичье веселье в дубраве...
Живу по какому-то праву,
И всё не по праву там мне!

2

«Спешим... спешим... спешим...» –
Мне слышен шелест шин.

«Куда?... куда?... куда?» –
Журчит в ключе вода.

«К любви... к любви... к любви...» –
Трезвонят соловьи.

«Горяч... горяч... горяч...» –
Несётся эхо вскачь.

«Остынь... остынь... остынь...» –
Зовёт речная синь.

Но вновь: «Спешим... спешим...» –
Шершавит шорох шин.

«Успеть... успеть... успеть...» –
Дороге вторит степь.

«Непрост... непрост... непрост...» –
Басит бетонный мост.

«Влюблён... влюблён... влюблён...» –
Махает веткой клён.

«Чудак!.. чудак!.. чудак!» –
Мелькнёт дорожный знак.

«Всё так... всё так... всё так...» –
Отвечу знаку в такт.

3

Мы прыгнем в лето на двоих,
С обрыва чувств – в озёрный омут,
Где камыши с восторгом стонут
При отраженье глаз твоих.

А по холмам ковыль – волной.
И в гребнях мы его – две сути,
Две силы, равные до жути,
Сливаемся в судьбе одной...

Макушкой лета зацеплю
Соцветья зрелого июля,
В ковыль обрушусь, как от пули,
От осознанья, что люблю.

Кто запретит, чтоб души рвал
Струной ковыльного искусства
Вихрь обоюдного безумства,
Что с молодости нас питал?

2003

* * *

Жду весны ли, признанья ли, славы –
Тщетны всякие чувства мои.
По садам, по оврагам, канавам
В полночь звонко поют соловьи.

Им легко, им не нужно терзаться,
Душу совестью мучить и рвать
И сквозь заросли лет продираться,
Чтобы верить, любить, вспоминать...

Целый мир без войны, без фугаса
Взорван в сердце, отброшен судьбой.
Будто зори до срока угасли,
Не успев отпылать над рекой.

Будто спешно любовь отзвучала,
Не смахнула с родного лица
Легкомысленный образ Начала
И бессмысленный облик Конца...

Колдовство торжествующей ночи
Давит грустью от прожитых лет.
Соловьям, без сомнения, проще:
Ведь у них нашей памяти нет...

Всё моё настоящее – в прошлом.
Всё грядущее – в нём же опять...
Больно мне в этом пенье истошном
И себя, и других узнавать.

2003

* * *

Ездил к матери... Родина милая
Из лощин, с бугорков, со скамей
Одноклассницею шаловливою
Представала всей статью своей.

То касалась щеки камышинкою,
Щекотала травинкой в носу,
То петляла росистой тропинкою,
На простор увлекая осу.

То к речушке спускалась невестою,
На ветру колыхалась к дождю
И сквозь тучи лучами небесными
Влагу дня собирала в бадью.

То порхала беззвучною молнией,
Беспокойство на крыльях несла
И кроила портнихною модною
Даль степную и в клочья рвала...

Навещал я могилу отцовскую,
Деду с бабкой венки поправлял.
Пел сверчок свою песню сиротскую.
В небе ворон круги нарезал.

И нечастое с домом свидание
Вечер медленно вёл за бугор...
Ездил к матери... Родина давняя
Оставляла на сердце укор.

2003

* * *

Я живу в наших днях без прописки,
Непонятно, откуда, зачем, –
Безымянный потомок российский
Из обрушенных генных систем.

Надо мною дожди обложные,
Холода от излучин речных
И забытые песни родные
Обезродненных предков моих.

Я на клетки разобран и роздан,
По наследству – неведомый сын.
У висков моих чиркают звёзды,
Словно листья багряных осин.

Сквозь меня неприкаянным ветром
Полпланеты навывлет сквозит
Вне доступных уму геометрий
И с табличкой на шее: «Транзит».

Если сдует к большому оврагу
И присыплет листвою, помяни:
Жить, как жил я, – большая отвага
И нелепость, что нам же сродни.

2003

* * *

Соберу про запас себе время,
Наше время, что стало мне – бремя.
Совершило оно оборот,
Не нарушило плавный свой ход.

Не спугнуло синицу на ветке
Возле дачи, где жили мы редко.
Не заклинило стрелки в часах,
Не изъяло из прошлого страх.

Не забыло друзей баламутных
Ради выгоды сиюминутной.
Соберу... Что же станется с ним?
Может быть, пусть течёт, как Гольфстрим?

Пусть зарёю пылает над вишней,
Чтобы худшего позже не вышло.
Для чего оно мне, не пойму.
Лучше отпуск бессрочный возьму.

Лучше прыгну в вагон отходящий.
Я – пока что мужик настоящий.
Я умею подставить плечо.
Я умею любить горячо.

У меня не глаза – два созвездья,
Две галактики, слитые вместе,
Где нет счёта ни дням, ни годам,
Где тебя никому не отдам...

2003

* * *

Наскучила толпа,
Бордюры, тротуары
И тумба у столба
С рекламою товара.

Себе наскучил сам
До умопомраченья.
Стекает по усам
Мёд горьких обретений.

Всё рвусь куда-то я,
Не понимая смысла...
Наскучила заря
С её небесной высью.

И лишь толпе плевать.
Вдоль тротуаров шумно
Идёт себе гулять
Бездумно и безумно.

Сверну за поворот
На улочку в каштанах –
Толпа туда же прёт
И пиво пьёт в стаканах.

2004

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

Зал заседаний. Толкотня.
Элита. Кресла. Штрих с природы:
Вот «крестик» – ты, вот «нолик» – я,
И вместе мы – номенклатура.

С благословенья скукоты
Судьба сыграет в новом туре:
И «крестик» – я, а «нолик» – ты,
Хоть снова мы – номенклатура...

А за окном – весна, весна...
И в сквере – суматоха птичья.
У птиц повестка дня одна:
Свободным быть и петь привычно...

Как давит сердце микрофон!
Докладчик – явный трудоголик.
Тот, во главе стола, кто он?
Наверно «крестик», а не «нолик»!

Но, вопрошая у себя,
Себе ж ответь общеизвестно:
Где «крестик» есть, там нет нуля,
Где «нолик» – там кресту не место!

Плечо в плечо... Не одинок
Сердечный ритм путей искомых.
Скользит скучающий зрачок
По слепкам профилей знакомых,

По полированным столам,
По авторучкам, минералке...
А за окном – весенний гам:
Там воробьи, синицы, галки.

Коляска детская. Скамья.
Влюбленный юноша с цветами...
Он точно – «крестик»! «Нолик» – я.
Не поменяться нам местами...

Сосед смеётся в унисон:
«Мне б тоже в "крестики" ... Сгодится!»
И за окном – весёлый звон:
Там галки, воробьи, синицы...

2004

* * *

Наташе

Платье твоё в горошину.
Нам – двадцать пять.
Сколько всего хорошего
Надо от жизни взять!

Вузы... Распределение...
В звенья одной цепи
Свяжутся впечатления
От городка в степи.

В парке на край скамеечки
Сядем – два голубка,
Чтобы полузгать семечки
Жареные, из кулька.

Рядом, на тихой улочке,
Местные – подшофе.
Хлебом несёт от булочной,
Вермутом – от кафе.

Мимо пройдут знакомые,
Скажут тихонько: «Здрасьт!..»
Молча улыбки скромные
С нами разделят страсть.

Мы до того влюблённые –
Нет других на земле!..
Будни наши районные
В городе Эргиле.

2004

* * *

Ранняя птица летит на восток.
Поздняя птица – на запад...
«Где твоя родина? Кликни, сынок!»
«Я позабыл её запах!»

Ранняя птица стремится на юг.
Поздняя птица – на север...
«Где твой надёжный и преданный друг?»
«В отчих просёлках затерян!»

Ранняя птица всем волю несёт.
Поздняя птица – неволю...
«Чем твоё сердце доныне живёт?»
«Верой. Надеждой. Любовью!»

2004

* * *

Печали нет, есть грусть невоплощенья!
И дождь, и шаг с опаской – за бордюр,
И в свежих лужах неба отраженьё
Шикарней, чем у модниц маникюр.

И старый тополь – кучерявый пудель,
Взъерошенный, испуганный и злой,
Осыпан весь пушинками, как пудрой,
На фоне церкви светло-голубой...

Я зря спешил, не принимая сути
Явлений, лет и собственного «я»,
То сердцем окунаясь в лужи мути,
То грех смывая струями дождя.

И был ли рядом, кто во мне нуждался?
И чувствовали женщины спиной,
Как к ним по лужам взгляд мой устремлялся,
Застигнутый лавиной дождевой.

Был неуклюж мой выход к соучастью.
Томилась влагой летняя земля.
И солнца луч невоплощённым счастьем
Едва из туч вытаскивал себя.

2004

* * *

С дороги звонить я не стану,
Пошлю эсмээску – прочти!
Пока доберусь до Кубани,
Роман сочинится почти.

Не будет в нём пылких признаний,
Как в юности – клятв на крови,
А будет всего лишь познание
Земли как начала любви.

И будет в нём ветер с простора
Донского, и скука станиц,
И страх от горластого хора
Вдоль трассы жирующих птиц...

Пожалуй, подробней не стоит.
Об этом не в письмах. Зачем?
Пусть будет любовь наша стоять
Иных сообщений и тем!

Захочется если, ответишь,
А если и нет, потерплю.
Мужчине дороги – как фетиш,
И в каждой тебя я люблю.

Сегодня она – до Кубани.
А значит, так надо судьбе.
Есть всё в моём новом романе.
И главное – грусть о тебе!

2004

* * *

Ничто не вечно, кроме суеты.
...Вот комната, а в комнате цветы.
...Вот женщина, верней, её портрет.
Мила собой в расцвете средних лет.
Детали остального опушу.
По женщине (нет-нет!) я не грущу.
Я с нею, если честно, не знаком.
Мы просто обменялись с ней звонком.
(Чёрт знает что бывает на уме!
Но наше с ней в порядке реноме.)
Хожу, смотрю... Ни капли пустоты!
...Вот стол, вот стул. И вновь цветы, цветы...
...Вот женщина с портрета, как с небес,
Сошла ко мне без видимых чудес,
Шарф глубоко откинув за плечо:
«Беседовать готова, но... о чём?!»
Дышал теплом и холодом диван.
На женщину смотрел я – истукан,
С ней, настоящей, сравнивал портрет,
Чтоб легче шла беседа тет-а-тет.
За окнами закат без суеты
Сжигал дотла недавние мечты.
И отражал с улыбкою портрет
Зари вечерней неуместный свет.

2005

* * *

Душа давным-давно в покое,
Верней, бесцельна, чуть жива.
И на свершение какое
Её подвигну ль я едва.

Она на летнем солнцепёке,
В глубокой сумрачной тени,
Не соблазняясь, без намёка
Проводит в скуке свои дни.

А я её и не тревожу,
Я до сих пор не разберусь,
Зачем в себе упрямо множу
Сомненья собственного груз.

Мне без неё бывает плохо,
И это вовсе не каприз:
В скелете нынешней эпохи
Душа почти как атавизм.

Порой зову её, но тщетно:
Мой неурочный голос нем.
И грустно мне, и безответно.
Иду – куда? Живу – зачем?

2005

* * *

Может, жизнь – только прах,
Серый дым над жнивьем,
Порождающий страх –
Стать всего-то быльем?

Следом дети без слёз
К пепелицу придут.
«Это, – скажут, – под снос!»
Новый дом возведут.

Но и в новых стенах,
И в каминном огне
Трепетать будет прах
С вешним днём наравне.

Повторится ли что
Или канет навек,
Не ответит никто,
Ни один человек!

Лишь синичка в саду
Будет тенькать всегда.
И в осеннем пруду
Отражаться звезда...

2005

* * *

Я родился, где степи и балки,
Рукотворные всюду пруды.
Возводили их деды и бабки
Сразу после войны и беды.

А вдоль речки на семь километров
Протянулось село Красный Лог
От востока на запад, чтоб ветры
Гнали мимо холодный поток.

За домами – сады, огороды,
Луговина, лоза, камыши.
Там, сменяя друг друга, восходы
И закаты дремали в тиши,

Чтобы днём наступающим снова
Загораться и вновь отгорать...
В этом – всей нашей жизни основа,
Её горечь, её благодать!

Я теперь по чуть-чуть забываю
Край ромашек, картошки и верб,
Будто вере отцов изменяю
И меняю фамильный свой герб.

Только память сигнальной ракетой
В тёмный час озарит без огня:
Здесь мечтал быть советским поэтом,
Жаль, что поздно родили меня.

Нет Советского больше Союза!
Рвутся в новых страданиях сердца.
Собачонкой вчерашняя муза
Сиротливо скулит у крыльца.

Высоки у безвременья ставки:
Обдерут, не оставив гроша.
И российским поэтом не стал я –
Где-то в прошлом осталась душа!

Только ветры на запад с востока,
А частенько и наоборот
Гонят время вдоль Красного Лога –
Век за веком, вперёд и вперёд!

2005

В ГОСТЯХ

В деревню ездил, где рождён.
Едва пробрался – снега в пояс.
...Вот тётка Маша, беспокоясь,
Что в печке жар не разведён,
Ворчит, ворчит на дядю Ваню:
«До полдня дрыхнешь на диване,
А двор от снега не метён!

И овцы блеют – прям поют,
Из хлева морды, вишь, наружу.
Бараны! Что возьмешь с яружных?
Из свёклы пойло вот варю...
Травы давала... Всё одно же!
Хучь пару б к Рождеству под ножик:
Сожрут, скотины, к февралю...»

Залаял Шарик, и в окно
Всем телом – тётка, занавеску
Отводит. «Чёрт несёт невестку, –
Мне шепчет. – Вот ишо глумно!
Вчерась орала: ни за тыщу
К нам с дедом... Петьку, мужа, ищет...
А тот, поди, уж жрёт вино!»

За разговором день как час.
И про паи, и Кремль, и льготы...
А зимний сумрак шустрый – вот он!
«Дак ты у город, аль у нас?
Заночевай, а то уж поздно!
С Иваном вышей граммов по сто.
Мой первачок-то, знаешь, класс!»

Но чует: зряшный уговор.
Не обижается. Косынкой
Трет уголки у губ. «Маринке
Поклон от нас...» Прогрет мотор...
Во всю метёт... Тут дядя Ваня
Поднялся, наконец, с дивана.
«Ну, с Богом!» – проводил во двор.

2005

ЗА АРБУЗАМИ

За арбузами! За арбузами!
С Димкой Тюриным, зоотехником,
На колхозные базы ехали
На гнедом его рысаке.
«Эх, ребятки, вернётесь с пузами
Вот такущими карапузами,
Каждый – с семечком на щеке!»

Мы поверили Димке Тюрину.
Новый год. И у нас каникулы!
И бесились в санях, и гикали.
Конь пустился в галоп, как в пляс.
Лишь бы только ребята с Юровки
Наш гостинец вкусный не стюрили
И не слопали вместо нас.

От копыт по накату – вмятины.
Кышь с дороги, петух и курица!
И глазеет из окон улица:
Что за черти подняли гам?
Щёки пышут арбузной мякотью...
Димка Тюрин с отцом – приятели.
Ну не мог же наврать он нам!

Пусть зима, и в груди сомнения
Шевелятся арбузной завязью,
Если правда – умрут от зависти
Все концецкие пацаны!
От желания, от хотения
Съесть арбуза – в желудке жжение,
Даже пряники не нужны.

Вот и кузня... Арбузной корочкой
Дым висит над крышей соломенной.
«Митрич! – Тюрин кричит. – С подковами
Как? Угробим ведь лошадей!»
А кузнец почесал тихонечко
Свой затылок: «А рази нонеча?
Ты про это не вёл речей!»

Димка Тюрин моргает Митричу:
«Дай-ка ключ на амбар с арбузами!
Я схожу туда с карапузами». —
«Председатель унес с собой!»
«Чур, разбойники, без обидчиков! –
Шепчет Тюрин нам. – Ключ отыщем как,
Снова съездим... А щас – домой!»

.....

За арбузами... Так заманчиво
В январе, на коне, по замяти,
По сугробам далекой памяти,
Понарошку пусть, но опять
С Димкой Тюриным, с ним, обманщиком,
Лишь бы тем же наивным мальчиком
К детству дальнему ускакать!

2005

* * *

Юрию Полякову

Приезжайте! Мы поедem
В Хреновое, к лошадям.
И, довольные как дети,
Целый день пробудем там.

По осенним мерзлым лужам,
С хворостинками в руках
Покатаемся на лучших,
На орловских рысаках.

Там, во власти грив вихрастых,
В светлой грусти конских глаз,
Время вырулит со страстью
В степь свой старый тарантас.

И трусцой, рысцой, галопом,
Над седёлкой с бунчуком
По России, по Европе
Понесется пряником.

Подождут Берлин, и Ницца,
И Москва – родимый дом.
Сердцу русскому столица
Не в столицах – в Хреновом.

2005

* * *

В затянувшейся непогоде
Среди дальней и близкой глуши
Дай в дорогу немного свободы,
Неустроенность русской души!

То люблю тебя, то ненавижу,
То с тобою суюсь в полынью,
То к себе подпускаю поближе,
То в сторонке с опаской курю.

Чем всё кончится, толком не знаю!
Но по вздоху, по шагу сужу:
Что-то кровное в сердце теряю,
Чем-то зряшным в дороге дышу.

То люблю, то сильнее ненавижу,
То спасаюсь, как от полыни,
От свободы, что где-то в Париже
Проедает родные рубли.

2005

* * *

Старина, времена неважные.
Мы – бесснежные зимы, влажные,
Не морозные, просто скверные,
Для России не характерные.
Рассопачены и захлюстаны
От Воронежа и до Хьюстона.
Обживаем, почти как личную,
Территорию заграничную.
И не космополиты вроде бы,
Но с потрепанным чувством Родины.
При погоде такой в истерике
То обрушимся на Америку,
А то высадимся вне графика
В раскалённых саваннах Африки,
Чтоб побаловать снежной крупкою
Истомлённую зелень хрупкую.
Лишь от страха ночами лунными,
Просыпаемся как безумные
С осознанием ясным вроде бы:
В нас утеряно чувство Родины!
Неужель метелями жёсткими
Не свистать над степями волжскими?
И в Сибири по следу трактора
Не тащиться глухими трактами?
Не беситься пургой по-чёрному
Над Мещёрою, над Печорою?..
Размороженные клубничины,
Мы оттаяны, обезличены,
Переменами обезвьюжены...
Но не верю я, что не сдюжили!

2005

ВЫБИРАЮ СЕРДЦЕ

* * *

Уживитесь, даль и ветры,
Без межи и без вожжи
На одной десятой метра
Моей страждущей души.

Дело вовсе не в размере
И не в том, какая прыть.
Ковылями ходят нервы,
Значит, трудно просто жить.

Просто слышать, просто видеть,
Просто длить остаток лет,
Не любить и не обидеть,
Не слететь хоть раз в кювет.

И живёт, судьбой играя,
День за днём на сердце страсть:
Примирить, не примиряя,
Время, судьбы, лица, власть.

2006

* * *

В частной коллекции чьей-то души,
Жизнь, экспонаты менять не спеши!

Частая смена –
дурная манера
Для не окрепшей
в сомнениях веры.

Даже на ветках деревьев листва
В год обновляется лишь одна.

Частая смена –
плохая одежда
Для не рождённой
в исканьях надежды.

Чтобы светиться душе изнутри,
Разве снаружи нужны фонари?

Частая смена –
прямая угроза:
С ней для любви
не свиваются гнёзда!

2006

* * *

Сокрушаясь от собственных дат,
От накопленных швов и рубцов,
Сердце прыгнуло в свой самокат,
Чтоб вернуться зачем-то назад –
В колыбель изначальных годов.

Там мальчишки не знали ещё
Интернета и прочей муры.
Там Никита Сергеич Хрущёв
К кукурузе народ горячо
Приобщал – от Ухты до Куры.

Долго-долго катил самокат...
Из Афгана, потом из Чечни
Не везли ещё наших ребят,
Как подстреленных влёт журавлят,
В обстановке циничной брехни.

Спелым яблоком пахло в саду
Однорукого деда Кузьмы.
И бродили вразвалку по льду
В середине села на пруду
Чьи-то гуси в начале зимы.

Сердце мчалось... Густые вихры
Развевались на свежем ветру.
От Ухты и до горной Куры
Детворою кишели дворы,
Отворяя ворота добру.

И цвела на меже конопля,
И без умысла сеялся мак.
Сердце билось, как крик журавля,
Рядом с той, что всю ночь у ручья
Ворковала с тобой просто так.

Путь назад – это путь в никуда!
И, не выдержав стресса в пути,
Сердце рухнуло, словно звезда,
В том краю, где его никогда
С самокатом своим не найти!

2006

* * *

Устав от стыда – не рыбалки –
И славою не тяготясь,
Душа надоедливой галкой
Порхнёт и умчится от нас.

В её неизящном полёте
И в крике, что режет нам слух,
Узрим себя в птичьем помёте
На площади возле пивнух.

Не мраморны, не бронзоваты –
Сварганены из арматур
Эпохи большого разврата
И самых крутых авантюр.

Там будет шумливый, как галки,
Сдувать с кружек пену народ...
И будем стоять мы вразвалку –
Вчерашнего мира оплот.

1998, 2006

* * *

Е.А. Исаеву

А где оно, это Коршево?
А там, где весной Битюг
Несёт ледяное крошево –
Творение зимних вьюг.

То ёршики, то карасики
Резвятся в волне речной.
Девчонки играют в «классики»
На солнышке за избой.

Мальчишки знакомой тропкою
Спускаются на улов...
Даль памяти – над пригорками!
Суд памяти – от крестов!

Воткнув посредине улицы
Для коз деревянный штырь,
Весна, от света сощурившись,
Выходит в степную ширь.

Играйте, девчонки, в «классики»!
Мальчишки, готовьте сеть!..
Тут раньше рождались классики,
А хочется, чтоб и впредь.

2006

* * *

Твой липовый город,
где липы – лепниной на фоне фасадов,
Где сам ты, как липка, ободран,
пропитан асфальтовым чадом;
И где у фонтана студентки
напротив университета
Пьют пиво из пластика в тёмных аллеях
вне зон этикета
И смачно плюют на окурки
горчащей суспензией пену
Минуты за три
до окончания самой большой перемены.

Твой липовый город,
где цвет прилипает к щекам тротуара,
Где ты без любимой –
как ветка в руке незнакомки с базара,
Затискан, залапан
липучими пальцами на солнцепёке
И вышвырнут
вместе с обрывком страницы из доктора Спока.
Лишь губы лепечут куплет
о деревьях с названием скверным...
И нет у истории этой конца.
И не будет, наверно!

2006

* * *

Памяти Вячеслава Дёгтева

Понимаешь не всех,
А себя и тем паче.
С неба падает снег,
Словно угли, горячий.

Он – не сон, не мираж,
А солёная быль,
Что легла на стеллаж
Под архивную пыль.

Слава рядом прошла,
Зацепила легонько.
Лишь отметилась мгла
На том месте и только.

Не в ответе за всех –
За себя, за себя! –
С неба падает снег,
Никого не любя.

Отчего он горяч,
Не понять нам, поверьте!
Время, хоть оно врач,
Не спасает от смерти.

Каждый прожитый миг –
Электрический шок...
Ты себя не постиг.
И на том хорошо!

2006

* * *

Почему уходят люди
О таких же нас, людей,
И в толпе бесцельно блудят
В невозвратности своей?

Почему они не злятся,
Не дерутся за себя,
К одиночеству стремятся,
Даже если знают: зря?

Почему и я такой же?
Почему такая ж ты?
И никто нам не поможет,
Не спасёт от маеты.

Носят люди по планете
Неприкаянность свою.
И никто им не ответит
И не вымолвит: люблю!

Почему они уходят
От себя и от других?
Только память тенью бродит,
Не оставить чтоб одних.

2006

* * *

Второю натурой субъекта
Живёт объективно в нас Некто.
По форме второю, не боле.
Он – первый по важности роли!
Взбравшись на шаткие козлы,
Чинит нам различные козни
И правит конём равнодушно
В поездке туда, куда нужно.
Он вроде никто, этот Некто,
На трудном пути до объекта.
Ткни пальцем – останется нечто:
Пустое, невзрачное место.
Но нет от объекта к объекту
Пути без такого субъекта.
Сверяем с ним пульс, и дыханье,
И радость, и даже страданье...
Возницей по имени Некто
Довольны другие субъекты.
Лишь вечная сердцу тревога –
Дорога, дорога, дорога.

2006

* * *

Ты не предложишь с гордостью:
– Всё что послал Господь:
Гречневых зёрен горсточку,
Вызревшей ржи щепоть...

Я не приму их с радостным
Чувством: – Благодарю!
И не обижусь, разве что
Лишний раз покурю.

Как-нибудь с этим свыкнусь я,
Губ не совью я в жгут...
Душу не дарят в сытости!
В сытости сердцем лгут!

2006

* * *

Уйти бы, уехать, умчаться –
Пешком, пароходом, в такси,
Чтоб ты, моё нудное счастье,
Рыдало от горькой тоски.

Не часто бывал с тобой нежным,
Зато был надёжным всегда:
И в редкостный час безмятежный,
И если случалась беда.

За нашу взаимную верность,
За клятву на общей крови
Опять машет веточкой вербной
Апрель на просёлках любви.

Ну что ж, никуда не уехал,
Не пробовал даже уйти.
Как будто для пущего смеха
Провел свою жизнь взаперти.

Ты спишь, драгоценное счастье,
Несметное горе моё?
А может быть, всё же умчаться?
В окно, по верёвке – и всё!

2006

* * *

О чём ты, скрипка, плачешь на бульваре?
Листвой опавшей плавится заря.
Твой музыкант, подобно сталевару,
Смычком вздувает пламя октября.

Приткнуться негде звуку на манеже:
Оркестр бульвара – домны жаркий гул,
Твоей струны отточенную нежность
Он языком пылающим слизнул.

Ты, скрипка, плачь, не оставляя муки,
Октябрьской сценой зрителей конфуз!
Всё переплавит осязанье звука,
Кипящей сталью влившегося в пульс.

2006

* * *

В цветной накидке формы паруса,
В высокой шляпке перьевой
Вплывёшь ты в переулочек Штрауса,
Где в нотах всяк – ни в зуб ногой.
Там, за штaketником некрашенным,
Перед чувихами вальсируя,
Толпа обритых однокашников
Попсою молодость насилует.

Минуя их, свернёшь на Пестеля...
А над кирпичною трубой,
Беззвучной песней небо пестуя,
Старинный флюгер жестяной
В предназначении общественном,
Столетней ржавчиной источенный,
Себя не чувствует ответственным
За направленье ветра точное...

За иностранными и странными
Пойдут (и вовсе уж чудны!)
С оттенками провинциальными
Названья местной старины.
Плутая в них, из перьев страуса
В высокой шляпке, неуместная,
Забудешь прелесть вальсов Штрауса
И вдохновенный образ Пестеля.

2006

В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА ЕСЕНИНУ

Скажи, Есенин, почему – Воронеж?
Твоих кудрей наш ветер не трепал.
В аллее лип под выкрики вороньи
Ты не признался, как сюда попал.

В донской волне не остужался сердцем,
Не тёр в ладонях сытый чернозём,
И под тальянку местные невесты
Тебе не пели песен над ручьём...

Врастёшь ли статью в твердь степного края?
Вместишь ли грудью даль его и ширь?
Здесь тоже нет желаемого рая,
Есть только удаль страждущей души!

Транзитный пункт опальным вольнодумцам,
Попутный след отеческим певцам,
Воронеж, чаем напоив из блюдца,
Всех дальше гнал – к кавказским небесам...

Ты не менял почтовых и двуколки
В краю кольцовском – на стальном коне
Прогарцевал соседскою сторонкой
На встречу с ненаглядной Шаганэ...

И если вновь, Есенин, крикнет строго
С небесных врат тебе святая рать,
Останься здесь, и вдохновляй, и трогай,
Осенней веткой прикрывая прядь!

2006

* * *

В три петельки – роспись,
В пять крючков – судьба...
Над избой – как роскошь
В завитках труба.

Жестяное чудо,
Волшебство души...
Мы всегда отсюда,
Из родной глуши.

В веке несчастливом
В кровь разбиты лбы.
Вылетели дымом
Судьбы из трубы.

2006

* * *

Здесь покоится Валюха –
Забубённая деваха,
Городских окраин шлюха
И невинных скромниц сваха.

Лет прошло, а помнят Вальку.
Кто осудит, кто поплачет:
– Непутёвая, а жалко!
Не могла, видать, иначе...

Над могилой – чёрный мрамор,
А на нём – точёный профиль.
– И не пьётся вот ни грамма,
И не любитя дурёхе!

Чёрный мрамор – словно плаха
Для души, спалённой в жажде...
Мрамор тот последний хахаль
Притащил сюда однажды.

2006

* * *

Вот и зима неожиданно рано
Каплет рябиной в открытую рану –
С веток на снежную марлю оврага
После проявленной вьюгой отваги.

Вот и любовь неожиданно поздно
Следом сгребает морозные гроздья
Старой лопатой из тонкой фанеры
В час пробужденья священной Венеры.

Всё неожиданно – счастье, разлука,
Тёплые губы, холодные руки,
Слава до звёзд и забвенье до мрака...
... Жалостно лает от стужи собака.

2006

* * *

В пророки не гожусь... И не беда!
Свободен от ответственного груза.
Предвиденье – совсем ведь не еда,
Чем ежедневно набивают пузо.
Быть хорошо таким, какой ты есть:
Смешным, серьёзным, трепетным и грустным...
А если вдруг захочется поесть,
Достаточно и квашеной капусты.

Не прихотлив, не похотлив... Уверен:
В пороках и достоинствах умерен.

Завидуй, друг, и сердцем не ленись!
На свой портрет я не жалею краски.
Дополнить хочешь – приготовлю кисть:
Иди, малюй, не чувствуя опаски.
Портрет не может зависть вызывать,
Ему чужды дрожащие колени.
Пророков – чуть, тревогодных – рать.
Нет равновесья в списке поколений.

Я всматриваюсь в лица. Вот обуза:
Не вижу лиц – одно сплошное пузо!

2006

* * *

Тихо. Спокойно. Звёзды
Выпятились во тьму.
Жить никогда не поздно,
Вместе, по-одному.

Лучше – под этим небом
И на своей земле,
Хуже – в краю, где не был,
Птицей – в чужом дупле...

Время не верит слову,
Время меняет смысл...
Что же мы снова, снова
Головы тянем ввысь?

Злыдни больного века,
Нам ли до этих звёзд?
Тенью от человека
Тлен в наши души вмёрз.

Время проходит мимо,
Выплеснув свет до дна.
Звёзды в себя незримо
Всасывает пелена.

2007

СЛУШАЮ БЕТХОВЕНА

Вьюга метёт – волнуется.
Дышит сквозняк в дюраль.
Школьницами кучкуются
Улица и фонарь.

Чист ли душой, греховен ли,
Вечному присно быть...
Музыкою Бетховена
Вихрится неба зыбь.

За переулком, к пристани,
В краешек бытия
Душу, как гамму, втиснула
Партия февраля.

Снежная мгла пуховая,
В каждую щель входи!
Слушаю я Бетховена –
Буря в моей груди.

2007

* * *

Черноземье! Даль и солнце,
А ещё голубизна.
Отчего так сердце бьётся
И не чует рядом дна?

Отчего люблю дорогу
В поле, где страда идёт,
Где девчонка возле стога
Погадать ромашку рвёт?

Коростель в траве смеётся,
Плачет чибис в небесах.
Отовсюду солнце, солнце
Мёдом липнет на губах.

Были дни, когда в тревоге
По щекам чертополох
Так хлестал, что еле ноги
Уносили через лог.

И с околицей свинцовой
Взгляд смыкался в час беды
Над могилою отцовой
В тёмном царстве лебеды.

И холодный ветер резкий
По степи пылищу гнал,
И срывал фату с невесты,
И рубаху парню рвал...

Черноземье! В счастье, в горе,
В лени, в буйстве, ночью, днём
Мы стоим с тобой в дозоре,
Пол-России стережём.

2007

* * *

Подхватчу в охалку ветер,
Полечу... Земля моя!
Так никто тобой не бредил,
Не любил тебя, как я!

И насколько хватит глаза,
Места в собственной груди
Ты – во мне: и вся и сразу,
Позади и впереди.

От холма до перелеска,
От избы и до избы –
Самый главный, самый веский
Оселок моей судьбы.

От звезды на обелиске
До погоста за селом
Дальней памятью и близкой
Населяешь каждый дом.

На лугу росинку тронешь –
Отразишься в капле вся:
Гордым именем Воронеж
И метёлкой ковыля,

Меловым откосом Дона,
Зычным ржаньем стригунка,
Тёплым звоном в дно бидона
Струй парного молока...

Быть в любви к земле нескромным
И навязчивым боюсь.
Я, земля, твоим просторам
Лучше в пояс поклонюсь!

2007

РЕЧКА КРАСНАЯ

«...выходить и селиться особливими слободами не только в Сибири, но и в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях на порожних и выгодных землях... и жить им и детям их как здесь в России имянными блаженными».

Из указа Екатерины II от 1762 года

1

Край мой с речкой и лощинами,
С поймой в маковках копён.
Настоящими мужчинами
Триста лет как заселён.
Был указ екатерининский
По-имперски мудр для слуг:
Сердцу русскому раздвинуться
В степь – за Дон и за Битюг.
Но от правды не схоронишься!
Тайный смысл не огласим:
Вместе жить им в Подворонежье –
Староверам и мирским...

2

Мужики нижегородские –
Бородатые раскольники
По степям первопроходцами
Обживали суходольники.

И туда ж за долей лучшею,
Исполняя волю царскую,
Шли можайские, калужские,
С ними тульские, рязанские...

По-крестьянски мускулистая,
От степных ключей скуластая,
Голосистая и чистая,
Их селила речка Красная.

Левый берег – кущи донника,
Правый – тальники настырные.
Слева – мрачные раскольники,
Справа – челядь монастырская...

3

Край мой с речкой и лощинами
В горе всех перемешал.
Настоящими мужчинами
Век наш сильно обнищал.
Дед Гаврюшка спился начисто,
У Сыся съехал ум...
В жизни их давно не значатся
Никон, также Аввакум.

4

Времена послевоенные.
Нет богов для победителей!
Люди в вере – это пленные
В недорешенных обителях.

Свист и хохот по окрестности.
В буйстве молодость шпанастая
С шей своих срывала крестики
И швыряла в речку Красную.

Эй, а церковь с колокольной чья?
Сдёрнут крест колхозным мерином.
И смешалась кровь раскольничья
С кровью той, с другого берега.

Ворковали гули-гулюшки
На крыльце у тётки Верочки.
Приставал на играх-гульбищах
Парень к девке-староверочке.

В православной церкви первенца
Окрестила... Только всячески
Стыд грызёт... И чтоб увериться,
Крестит и в старообрядческой...

5

Край мой с речкой и лощинами!
Рыщет волком человек.
С настоящими мужчинами
Порешил безбожный век.
Над заброшенными хатами
Ветер кружит прах-печаль,
Будто новыми сарматами
Обуяна с юга даль...
Доля-долюшка неясная,
Всю испей, да не отравись!
Отчего ж ты, речка Красная,
За камыш водой цепляешься?
Отчего же тиной-ряскою
Затянулись родники?
Лишь торчат живыми распрями
Из трясины топляки.
Берег левый – глушь пустынная,
Правый – тишь от большака...
Сторона моя старинная,
Больно рана глубока!

6

Я спросил: «Ответь на главное:
Дважды был крещён я матушкой...»
«Всё едино: православные!» –
Успокоил в церкви батюшка.

2007

ПРОЩАНИЕ С ДОМОМ

Лает и лает Джек.
Снимки в альбомы отщёлканы.
Здесь завершился век
Кондусовых и Щёлоковых.

С улицы – три окна,
Берёза, сирень, акация...
Что это – боль, вина?
Душ родных эвакуация?

Скуп на снега февраль.
Мёрзлая, чёрная, голая
Липнет к ресницам даль
Памятью, будто половиною.

Ветер чужую речь
К дому приносит с излучины.
Долго ль тебе стеречь
Двор, проволока колючая?

Кадр из сада – до слёз.
Будто себе неугоден ты...
Да помолчи ты, пёс!
Дай попрощаемся с родиной!

2007

* * *

Может, Бог создал землю зря:
Что-то тяжело тут, на земле...
Догорает вдали заря,
Уступая пространство тьме.

Я б хотел по-другому, но...
Был на Пасху в родном селе:
Из моих – никого давно,
И другие – в сырой земле.

Жил сосед – пять десятков лет.
Сквозняки полонили дом.
Вот приехал – соседа нет:
Лёг навек под могильный холм.

Проще – спился. Безбожно пил.
Был двужилым бобыль-добряк.
Не хватило ни сил, ни жил,
Чтобы сжатым держать кулак.

А бывает ли лёгкой жизнь?
Так втыкается в бок, как нож.
Ты, душа, себя стерегись:
Зачерпнув, больше меры пьёшь!

2007

* * *

Неужели снится?
Страшно, хоть кричи.
Над погостом птицы –
Чёрные грачи.

За оградой память –
Бабка, дед, отец...
Хватит душу маять:
Есть всему конец!

У крестов начала
Не было, и нет.
Птицы зря кричали,
Всполошили свет.

На весенней льдине
Сплавлен груз сердец:
Хата у плотины,
Бабка, дед, отец...

И ничто не снится.
И не страшно, нет.
Просто криком птицы
Всполошили свет.

2007

* * *

Сам себе я открылся не сразу,
Жил как гвоздь под раствором в стене:
Вбит по шляпку, упрятан от глаза
На покато́м сучкастом бревне.

Гвоздоде́ром пошарив по сруб́у,
С мясом выдрали – назе́мь бревно.
Мне трухо́ю осыпало губы,
А в слюне забродило вино.

Свет в проёме – душе оживленье.
Сдуло пыль сквозняками с ресниц.
И моё проступило явленье
Среди глиной замазанных лиц.

Кто искусно играл со мной в жмурки,
Проявлял нездоровый кураж?
Из шершавых слоёв штукатурки
Соскребаю со скул макияж.

2007

* * *

Когда и как я стал не отличимым
От улицы с народом суетливым,
С сосульками, с реформой ЖКХ,
С растерянной улыбкой жениха?

И это – я?! Досадно и обидно!
Моих шагов средь башмаков не видно,
Средь глаз холодных остудился взгляд...
Куда они? На чей спешат парад?

Не думаю, чтоб только из каприза
Душа сосулькой ринулась с карниза.
За ленту, за предел, как за флажки,
Летит душа... Куда? Под башмаки?

2007

* * *

Могильная тишь околотка.
Похмельное чувство вины.
И булькает в юные глотки
Палёное зелье страны.

Немые и ржавые рельсы.
Ушли в никуда поезда.
Как эхо новейших репрессий –
Некошенная лебеда.

Об этом ли разве мечтали?
Про это ли видели сны?
И каркает ворон печали
С макушки корявой сосны.

2007

КАТЕРОК

Пыхти, пыхти, мой катерок,
Отцов библейское творенье!
Наш путь с тобою не далёк –
Всего до первого селенья.

Знакомый с юности маршрут
Как лучший компас мироздания,
Чтоб убедиться: ждут, не ждут,
С желаньем или без желанья.

Косится день с отвесных гор,
Подпудрив мелом луч заката.
Каким я был до этих пор?
И чем теперь душа богата?

Зачем же та, кого любил,
Волной по берегу плеснула?..
Пыхти, родимый! Больших сил
В тебя эпоха не вдохнула.

Наверно, не было нужды,
И прыти той на всех хватало...
Недолог пенный след воды,
Длинна лишь тень от краснотала.

Пыхти, любимый катерок!
Пльви, душа, против теченья!
Не всякий пройденный урок
Нам ценен поздним повтореньем.

И не маршрут привычный плох,
Тревожит мощный ток стремнины...
Молю, чтоб только не заглох,
Едва доплыв до середины.

2007

* * *

Не к месту дождь. Не вовремя гроза.
Жестокий ветер. Спутанные космы
Берёз и клёнов. Женские глаза
О чём-то с грустью вопрошают космос.

Под зонтиком ажурных фонарей
Аэропорт – обманутый любовник –
В буфетном мраке к горечи своей
Бетонным локтем давит подоконник.

Зал ожидания. Кофе. Леденцы.
Тут север с югом поневоле братья.
И лайнеры – небесные птенцы –
Полещут крылья в лужах на асфальте.

2007

* * *

Мои стихи – толпа моих ровесниц
Неопределённых с виду лет, –
Как белые вороны среди сверстниц:
Не пьют вина, не курят сигарет.

Их кавалеры в бизнесе, в гулянке,
На пляжах мира – здесь быть не в чести.
За жгучий взгляд хорошенькой испанке
Готовы состоянье отвезти.

Мои стихи не ездят на Канары,
Как лучшую из всех земных удач
Воспринимают порцию загара
На сорных грядках загородных дач.

Им не нужна излишняя опека.
Ни от чего я их не стерегу.
Они текут, свободные, как реки,
Спокойно вместе нам на берегу.

Родные сердобольные копуши
Не рвутся в рейтинг авангардных ню,
Зато врачуют страждущие души
В хворающем отеческом краю.

2007

* * *

Наше время хворает, не ест и не пьёт.
Под язык из ладони лекарств не кладёт.

Не гуляет под ручку за речку и лес,
Не садится, как птица, на ветки с небес.

Мы его понимаем, не злим, не браним.
Далеко не отходим в пригляде за ним.

Что поделаешь, если у наших времён
Есть болячки страшнее, чем распри племён.

Для кого эти хвори – надежда и свет,
Обагрённые славой знамёна побед.

Для кого-то они – это плен и рабы,
Кубометры досок на родные гробы...

Неужели потерян надёжный рецепт
В том краю, где здорового времени нет?

2007

БЕЛЫЙ БОК И ЧЁРНОЕ КРЫЛО

Я тебя изъял из подреберья,
Где когда-то золотились перья.
Им на смену ветром принесло
Белый бок и чёрное крыло.

Птица моя странная – сорока.
Что мне от тебя? Одна морока!
Выболтала рощам и лугам
Всё, что полагалось только нам.

Этот голос подхватило время,
В нём созрело брошенное семя.
Чуда нет, и семя проросло
В белый бок и в чёрное крыло.

И летят, от двух начал зачаты,
Бело-чёрной масти сорочата.
Где темно от них, а где светло.
Белый бок, что чёрное крыло.

Кто не любит, пусть живёт надеждой,
А кто любит, верит, как и прежде.
Источают вечное тепло
Белый бок и чёрное крыло.

2007

ЗОНТИКИ

Никто из нас доподлинно не знает,
На чьём кто месте и кто больший гость.
Опять вот дождь. Мой зонтик снова занят.
Где зонт висел – скучает ржавый гвоздь.

Гвоздей свободных, приглядишься позорче,
Всем, кто с дождя, достанет без хлопот,
Чтоб зонтиком был каждый приторочен,
Как будто возведён на эшафот.

Суши себя до новой непогоды,
Виси покорно, нравится – балдей!
Дождей всё больше в нынешней природе.
И больше всё пустующих гвоздей.

Из-под друг друга выбивая струи,
Секут дожди в наклад или внахлёт.
Мы – зонтики, мы – часть походной сбруи,
Без нас не брызжет грязь из-под колёс.

2007

* * *

Уходим не мы, а уходит эпоха.
Уходит тихонько, не хлопая дверью,
Как трёпаный жизнью сосед-выпивоха
И как деревушка в болотах под Тверью.

Ей наших напутствий в дорогу не надо,
Она не сторонница людных прощаний.
Уходит и всё! Как пора листопада,
Как девушка в женщину после венчанья.

Никто не помашет с порога платочком,
Никто не узнает про дату ухода.
Холодное пиво в тени по глоточку
Хлебает беспечная масса народа.

Пока я с народом на пляже под Сочи
Согретому морю восторженно внемлю,
Эпоха с подножки вагона соскочит
И скупо дождемкой впитается в землю.

2007

* * *

– Покурим! Покурим! Покурим!
А слышу: – По коням! По коням!
Живём на Руси – бедокурим,
Лишая друг друга покоя.

Вот век проскочили – и что же!
Другой под копытом – а, чёрт с ним!
– Покурим? – вдруг кто-то предложит.
– По коням! – аукнется чёрство.

2007

* * *

– Ты откуда, народ?
– Из тесовых ворот.
– Знать, намыкался там, как нигде ещё?
– Коль признать, будто так,
Правды – ровно с пятак,
Не признать, то и вовсе с копеечку!

– А куда ты, народ?
– За крутой поворот,
Дальше уж – куда вынесут ноженьки.
– А не станешь жалеть?
– Так жалеть – не болеть:
Оклемаемся, глядь, понемноженьку.

– Что ты помнишь, народ?
– Помню щель у ворот:
В неё волюшку видели глазоньки.
– Воля душу пьянит.
– В пьяном горяшкo спит
И тоска между рёбер не лазает.

2007

* * *

Выхожу из игры.
 Это даже труднее, чем выйти из боя.
Там хоть враг – это враг,
 он не прячется перед тобою,
Не лукавит, не лыбится
 и не расшаркивается в поклоне.
Его правда в свинце, а свинец-молодец,
 как известно, в патроне.
А на этой игре не сойдёшься ни с кем –
 грудь на грудь – в рукопашной.
Как от ладана черти, бегут здесь
 от схватки мужской, бесшабашной.
И откуда удар, и откуда подножка,
 ну кто тебе скажет!
И не кровь из сопатки –
 здесь сердце рубцом поперёк перевяжет.
Выхожу из игры каждый день, каждый миг.
 Непосильна затея!
Я – Сизиф, я – живой экспонат
 из хранилищ людского музея.

2007

* * *

Из рощи всей берёзы две в поре.
На остальных, как блики на заре,
Горит листва, позолотив концы,
Позванивает с ветром в бубенцы
То здесь, то там, то около реки...
Пока ещё мы на подъём легки,
Давай с тобою, осень, убежим
За перелесок, и, вдыхая дым
Туманной поймы, забредём в поля
И всё начнём с нуля, с нуля, с нуля!
С нуля любить и ненавидеть тоже.
С нуля творить, былого не итожа.
И что за прелесть эта цифра ноль!
В ней – всё и ничего. И даже боль
Как будто есть, а тронешь свой висок –
Ушла волною сквозь речной песок.
Скорее, осень! Ожиданье – смерть.
Нам надо многое с тобой успеть.
Прислушайся, как страстно бубенцы
Звонят, зовут – такие молодцы!

2007

* * *

Я отсюда – из земных глубин.
Я уйду туда опять один.

Это здесь мы – общество, народ,
Вечные шатанья и разброд.

То вожди ведут нас на костёр,
То вождей кладём мы под топор.

Не живём, а отбываем срок.
Нам не впрок потомственный урок.

Но обратно – в рай или во тьму –
Пропускают лишь по одному.

Мерки возвращенья высоки,
Чтоб толпой не лезли дураки.

2007

* * *

Я весь ещё спросонья, весь не свой,
А ты уже наигранно лукавишь,
Зовёшь с собой и колдовски рукой
Крадёшь мой сон, как музыку у клавиш.

Ну что ж, веди! Для счастья важен миг.
Удел натур скучающе-созвучных –
Бежать подальше от себя самих,
Хотя б на Дон, на меловые кручи...

Припомнится давнишних лет апрель
И ледоход торжественно-басистый:
Он строгим маршем заглушал свирель
Сухой травы на склоне каменистом.

В нас тоже пребывает ледоход,
Хотя бы раз – в конце или в начале,
Когда хоралы пробуждённых вод
Пути торят к сердечному причалу.

Вновь требуется клавишам настрой.
Искусней нет речного камертона.
И то, что сон был кратким, – Бог с тобой,
Такая мелочь в партитуре Дона!

2007

* * *

А. Попову

Ты жди меня в гости! Как выдастся случай
И будет погода приемлемой, то,
Поношенный свитер поверх нахлобучив,
Приеду на старом советском авто.

В дорогу возьму настоящей водяры:
Приятель с «ликёрки» пяток пузырей
Подкинёт без марок акцизных и тары,
Зато угостить не опасно друзей.

Червей приготовь и немного перловки!
И лодку... Понятно, без лодки – ни-ни!
Рыбак никудышный, натурой я ловкий
И быстро учусь, лишь чуть-чуть намеки.

Карась, краснопёрка, плотва или щука –
В названьях ли дело? Пусть в них я профан,
Рыбалка, надеюсь, – отличная штука
От всяких сердечных болячек и ран.

Добавлю к походному скарбу в багажник
Тетрадку и ручку – бесценную снасть:
Вдруг клонет такое, что нужно, что важно,
Чего не найти, не купить, не украсть!

2007

* * *

Эта птица не машет крылами,
Только душу скребёт
Изнутри роковыми когтями,
Зная всё наперёд.

Специально не жди, не досадуй,
Не узришь всё равно
Тонкой грани меж раем и адом,
Значит, так суждено.

Поутру, как ни в чём не бывало,
Просыпайся, живи.
Что упало с души, то пропало,
Рассосалось в крови.

Даже зеркало следа не выдаст
От незримой борьбы.
Носим в душах, как платье на вырост,
Эту птицу судьбы.

2007

* * *

Часы под шпилем башни
Торопят полдень в тень.
Карниз многоэтажный
Сполз кепкой набекрень.

Под оком телевышки,
Хлебнув частотный вар,
Асфальтовой одышкой
Страдает тротуар.

На улицах от пекла
Любая настежь дверь,
Скребёт с подошв проспекта
Гарь летних атмосфер...

Хоть сыт, хоть свят, хоть грешен,
У знойных сил в плену,
На хрупкий стан аптекарш
Переложил вину.

2007

* * *

Старый город. Вертявые улочки.
Неподстриженных лип золотые чубы.
Запах сдобы из крохотной булочной,
Как подарок из детства для взрослой судьбы.

Медный колокол медленно вызвонит
Мелодичного строя сентябрьский покой.
Вечер яблоком солнце над избами
Перекатит в корзину зари за рекой.

Стройной девушкой в праздничной кофточке
Воскресенская церковь мила и светла.
И у Бога прохожий тихонечко
Просит град убережь от гордыни и зла.

2007

И с неба обрушился дождевой вал
со снежной крупой,
На редкость ядрёной,
больно секущей по щекам.
Непогода выручила профессора:
Ему не пришлось отвечать на мои вопросы.
Непогода выручила и меня:
Я не услышал заумного ответа
от знакомого профессора.
Мы попрощались,
каждый отправился по своим делам.

2007

Мой выбор

Ничего не хочу.
Не хочу есть, не хочу пить, любить не хочу...
Друг говорит:
– Устал!
Наверное, так.
Но это будет не вся правда.
...В Воронеже, как и в стране, снова выборы.
Кандидаты чуют
и поливают друг друга грязью.
Партии ищут национальную идею
И национального лидера,
Выводят на улицы толпы,
И те идут с флагами и транспарантами.
Жалко видеть мальчишек и девчонок
в цветных курточках:
За пару сотен рублей им засоряют души.
Площадной мусор – самый разъедающий.
Поколение оранжевых революций
устанет раньше нашего.
Нас опустошили гласностью и перестройкой,
Но это было романтическое опустошение –

По взаимному согласию.
Нынешнее циничней:
Оно – системная часть пиар-технологий...
Пройдёт время,
И эти мальчишки и девчонки
 тоже ничего не захотят.
Настоящий выбор сердца не на площадях,
Не в шелесте флагов
 и не в лозунгах транспарантов.
Настоящий выбор в шёпote берёзовых веток,
В желтоглазой луне
 над ночной августовской степью,
Пахнущей яблоками, дынями и пылью,
В пирожках мамы,
 которые она пекла на день рождения.
В этом – мой выбор!
Бог не дал мне денег,
 но одарил правом выбора –
Самым главным богатством человека.
И я не хочу его терять!
Не хочу, чтобы у меня его отнимали!
Да, моё усталое сердце ничего не хочет.
Но оно ещё умеет сострадать и помнить добро.
...Я выбираю сердце!

2007

На одном дыхании

Я умею жить на одном дыхании.
Ты умеешь любить на одном дыхании.
Мы оба это знаем,
 но об этом не говорим друг другу.
Разве так правильно?
Вчера я поинтересовался у первого встречного,
Как научиться быть счастливым.

Первый встречный
оказался человеком с юмором.
Он посоветовал
никогда не жить на одном дыхании,
Никогда не любить на одном дыхании.
Почему, он не уточнил,
отвернулся и пошёл прочь.
Может, и правда:
жить на одном дыхании нелепо,
А любить на одном дыхании глупо?
Когда живёшь на одном дыхании,
быстрее выдохнешься.
Когда любишь на одном дыхании,
быстрее возненавидишь.
Пусть так!
Пусть первый встречный прав!
Зато как красиво: вместе –
на одном дыхании...
Но почему мы не говорим об этом друг другу?

2007

Жди

Жди, точно так же жди, как ты ждала его,
Когда меня лунный свет
ещё не вынес на гребень облака
И ты не могла сравнить две любви.
Жди. Я ничего говорить не буду.
Словом не убеждают,
Словом рушат,
Словно крылатыми ракетами
города Югославии и Ирака.
Словом ссорят сербов с косоварами,
Шиитов с суннитами,
А позже рассорят
всех христиан со всеми мусульманами...

Словом раздвигают даже континенты,
Если те мешают
 в достижении корыстных целей.
Жди и не говори. Просто жди и молчи.
Мы не должны
 разъединить континенты наших душ.
Я объявлюсь,
Как только луна
 бабочкой выпорхнет из-за облака,
Такого же лёгкого, лучистого,
Как мой взгляд
 в первое мгновение знакомства.
Зачем слова?
От слов тяжелеет сердце.
Слова – не ожерелье на шее любимой.
Слова – камень души,
 его не каждый может нести.
Лучше молча жди.
 Для женщины это надёжнее.
И я приду!

2007

Твой голос

Мне нравится слышать твой голос.
В нём звуки ручья.
Тонюсенькой, звонкой струйкой
 журчит он в яруге
Вдоль извилистого берега Дона
И впадает в мутные речные воды
 сразу за меловой кручей.
И твой голос, и ручей –
 хрустальная песня земли и неба.
Они рождены из одного звука.
Это он когда-то
 оповестил мир о начале жизни.

Я слышу твой голос –
И вольный ветер над холмом,
 между облаком и Доном,
Подхватывает меня тополиной пушинкой,
Несёт плавно и нежно на твой голос.
Несёт над полем, над лесополосой,
 над садом, над домом:
В нём жил я давным-давно,
Когда ещё был росточком
 с тополиную пушинку,
И где теперь по тёмным,
 сырым углам прячется память,
Она до сих пор хранит отзвуки
 маминоного голоса...
Мне нравится слышать твой голос!
Слыщу его – и живу.
Перестану слышать твой голос –
 ветер над холмом умрёт,
И я тополиной пушинкой опущусь
 в быстротечные воды Дона,
Чтоб не оставить уже о себе
 ни малейшего звука.

2007

Снежки

Когда-то мы тоже играли с тобой в снежки.
Снежок – в меня,
Снежок – в тебя
И один снежок – в небо...
Он улетал за облака и не возвращался,
Наверное, таял по дороге к Солнцу,
Не оставляя следа...
И вот прошло столько лет!
Снова зима.

Влюблённые, как и мы когда-то,
играют в снежки.
Снежок – в него,
Снежок – в неё
И один снежок – в небо...
Они играют, и нам с тобой хорошо.
Мы знаем,
Что последний снежок улетит за облака
и не возвратится,
Растает по дороге к Солнцу, не оставив следа.
Вдохвлённая молодой забавой,
ты спросишь:
– Помнишь?
– Помню! – отвечу я: –
Снежок – в меня,
Снежок – в тебя
И один снежок – в небо...

2007

Агриппина

Агриппина продала дом в деревне
И переехала жить в город,
к двоюродной сестре.
Та упорно и долго звала её к себе,
Говорила, что такова была
последняя воля Игнаши, покойного мужа.
Умер Игнаша прошлым летом,
в самый июльский жар.
В Агриппине он, действительно,
души не чаял,
Приезжал с супругой к ней просто в гости,
Чаще – помочь выкопать картошку...
Сыновья отговаривали Агриппину
продавать дом,
Но она их не послушала.

Она была убеждена:
 все её житейские беды из-за дома.
Это он обрёл её на раннее вдовство,
Оставил одну
 с тремя малолетними сорванцами на руках,
Начинил сердце болезнями и одиночеством.
За последние годы чувство обиды
 только усугубилось:
Дети и другие близкие – в городе,
Большинство товаров давно помёрло,
Вместо них в домах хозяйничали цыгане,
Наводя страх на оставшихся стариков и старух,
А она, как прокажённая,
 брошена всеми на произвол судьбы,
Чтобы доживать свой бабий век
 в этом ненавистном доме.
Она надеялась, что в городе,
 рядом с родственниками,
Реже будет болеть
 и меньше ощущать себя одинокой.
Страсть – навсегда покинуть свой дом –
 воткнулась в сердце, как заноза:
Пока не расковыряешь, не вырвешь с мясом,
 так и будет свербеть...
Покупатель на дом долго не находился.
Не всем нравилось,
 что стоит он у проулка, о бок плотины,
Чересчур открыт ветрам
 и постороннему глазу.
Старший сын всю зиму рассылал в газеты
 объявления.
Люди названивали,
 интересовались усадьбой, приценивались
И, обнадёжив, больше не появлялись.
Ближе к весне сыновья с невестками
 успокоились,

Понадеялись, что охота к переезду
у матери улеглась.
Но вдруг в канун Женского дня
Агриппина огорошила вестью:
Покупатель нашёлся –
местная незамужняя девка с двумя детьми.
Месяца три Агриппина
окрылённой моталась в райцентр,
Оформляла «зелёнку» на участок и дом,
Простаивая день-деньской в очередях,
Вечерами паковала вещи,
банки с соленьями, вареньями и компотами,
Укладывала аккуратно в ящики
платяные мешочки муки, сахара, круп,
Уплотняла крышки бидонов с постным маслом –
Всем наивным деревенским сердцем
она искренне верила,
Что своими запасами порадует
детей, невесток, внуков,
А также двоюродную сестру.
И уже где-то в июне Агриппина окончательно
переселилась в город.
Она бодрилась,
не открываясь никому в своих чувствах,
И всё-таки они у неё были
изрядно размётаны,
Будто пучки сена
по крестьянскому подворью.
Еженедельно ездила она проведать
то одних, то других,
Скликкала собраться вместе,
как там, в её доме,
Однако дети сутками работали,
внуки учились.
Отсутствие лишних денег,
бесконечные городские заботы

Не располагали к общению,
делали всех нервными и замкнутыми.
Агриппина не могла,
не хотела понять, почему так.
Она жила в своём доме,
и дом был для всех родником.
К нему съезжались в праздники и в будни,
В радостные мгновения удач
и в хмурые дни неурядиц,
Черпали его живительную силу,
И нутряная жажда покорно затихала,
смирялась,
Недуги безропотно отступали,
А сердца наполнялись
новыми мощными токами...
Агриппина не просто видела это,
она это чувствовала,
До тончайших оттенков
улавливая движение родных душ.
И от этого ей было хорошо!
Ближе к выходным она варила из курицы
наваристую лапшу,
Пекла сдобные пышки,
густо посыпанные сверху мукой,
По вечерам судачила
о приятных ожиданиях с соседками,
И на душе было всё рядком и по уму.
Дети заявлялись,
их глаза светились живым огнём,
И этот огонь наполнял её изнутри
чуждым светом и теплом...
Теперь же она примечала в ихних глазах
одну мутную, холодную гладь,
Будто кто по морозу опрокинул в них
кувшин с молоком.
Как же могло случиться так,
что здесь, в городе,

Письмо потомку в бессонную ночь октября

«Тебе,
Родившемуся лет через сто
 после моей смерти,
Знакомому с пеньем щеглов и синиц
 лишь через микрофон в ухе,
Срывающему лепестки ромашек
 на мониторе компьютера,
Чтоб погадать на девушку
 из виртуальной страны Интернета;
Тебе,
Зачатому из пробирки
 и с чипом на запястье руки,
Со спутниковой антенной в ямке шеи
 около мозжечка,
С клёвой прядкой волос
 на облысевой планете черепа,
С розовой кожей на пятках,
 ни разу не наступивших
На мягкий, свежевспаханный ком
 весенней земли
Или на росистый шёлк заливного луга;
Тебе,
Рывшемуся в архивах своих предков
И случайно наткнувшемуся
 на книжку стихов прапрадеда,
Поэта с шипучей фамилией
 и с буквой «Ё» в первом слого,
Поэта, который самозабвенно
 любил твою прапрабабушку
И на студенческих каникулах
 тайно гадал на ромашках
(Они цвели тогда тысячами
 в бескрайних полях Черноземья),
Гадал и радовался,
 потом злился и даже топтал их,

Из соседнего десятого «А»,
где и своих девчонок хоть пруд пруди,
Тонкие, нежные, слегка влажные от волнения
пальцы рук,
И беспечно, радостно срывающей на бегу
желтоглазую ромашку,
И громко хохочущей,
если гадание совпало с её желанием, –
Тебе,
У кого вдруг что-то в груди
встрепенётся подобно птице,
Выпорхнувшей из мерцающих дюймов
монитора-очков
И устремившейся в небо,
лихорадочно машущей крыльями,
И чип опрокинет пучки информации,
как ребёнок кружку с молоком,
И антенна уловит
закодированный сигнал странного чувства,
Которое у нас в конце 20-го – начале 21-го века
называлось любовью, –
Тебе,
Моему потомку,
я пишу это письмо в бессонную ночь ноября...»

2007

* * *

Ничто тебя не сделает счастливым:
Ни куча денег, ни высокий пост.
Чины – полова среди сжатой нивы,
Богатству путь заказан на погост.

Милее сердцу золотые слитки
Берёз осенних рядом с большаком
Не с Чичиковым в сумрачной кибитке –
С доверчивым в телеге мужиком.

С ним не с руки трепаться по безделью.
Он сам себе вожжа, дуга и гуж.
Навоза дух честней, чем запах денег:
В нём плоть земли – там тлен от мёртвых душ.

2008

* * *

Я от собственной мысли отрину,
Чтоб меня откровеньем не жгла:
Редкий ворон над русской равниной
Пролетит, не умаяв крыла!

Вдохновлённый внезапным открытием,
Вспомню Гоголя и устыжусь.
Но прорвётся с обочин и рытвин
В синь небес васильковая Русь.

Сколько помню, не часто я плакал.
Так сияйте, слезинки в глазах!
Ворон к нам торопился на падаль
И запутал крыла в васильках.

2008

ЦАРЬ-КОЛОКОЛ

Окликните меня – я отзовусь
На голос ваш, как звонкий колокольчик,
Как колокол, царь-колокол, как Русь,
Всем многозвучьем из последней мочи.

Подхватит ветер – ветра на Руси
Хватает нам для буйства и для песни...
Живи – не верь, не бойся, не проси.
Ты – колокол, царь-колокол... Мы вместе!

2008

ПРОЩАНИЕ С КОЛОССОМ

Колосс, ты уходишь... Зачем же так сразу?
У ног твоих глиняных зыби веков
Утоптаны в почву толпой несуразной,
Где каждый второй – из числа дураков.

Всему есть конец. И, наверно, колоссам.
Они беззащитней, чем хрупкий цветок.
И если не камнем, не пулей, не тросом,
То чьей-то подсечкой сбивают их с ног.

2008

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПРОЛОГ

Провинциальной нет сюжета:
Февраль, на улице плюс пять...
Зима по жанру – оперетта,
Где главным автором планета
В который раз решила стать.

Конфликт пролога с эпилогом,
Зажатый замыслом в тиски,
Диктует выбор формы строгой:
Песок – на скользкие дороги,
Горстями соль – под каблуки...

Где грань меж истиной и фальшью?
В прогнозах правды часто нет.
До гор Уральских от Ла-Манша
Погода в авторском демарше
Творит невиданный сюжет.

Весь согласуясь с протоколом
Киотским, рвёт с лица вуаль
Дипломатическим проколом
И климатическим приколом
Ручьями фыркнувший февраль.

Плыви, провинция!.. Провидцы
Земных глобальных катастроф
Сенсационных проходимцев
Играют роль в больших столицах...
Вот будущих стихий пролог!

2008

* * *

Сторона моя глухая –
Летом пыль, весной грязь.
Что же ты, себя охаяв,
Спьяну в кровь изодралась!

За избой, с карнизом вровень,
Полдень, пекла нацедив,
Жжёт бока на ржавой кровле
Гольшам лиловых слив.

У забора пёс ленивый,
Облинялый весь, как чёрт,
В службе долгой и тоскливой
Дрыхнет сутки напролёт.

Бабки в стоптанных калошах
Про земной судачат грех...
Как они на мам похожи –
На мою, твою и всех!

Сторона моя глухая –
Сбитый камушек с Кремля,
День и ночь с тобой бухаем
До последнего рубля.

2008

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ
В ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Завершается май
 тополино-метельным разгулом.
Ни вздохнуть, ни моргнуть,
 не смахнуть раздраженья с лица.
Зазевался –
 тебя подхватило пушинкой и сдуло,
Опустив на фуражку
 хмельного с утра погранца.

Может, парень –
 герой с безымянной российской заставы,
Молодецкая кровь в нём клокочет
 не только в год раз.
Но нигде, никогда
 не напишут в армейском уставе,
Что граница важнее пушинкам,
 чем людям сейчас.

Это мы испокон
 нашу землю в раздорах междуем:
По хребтам, по стремнинам,
 по полным тревоги сердцам.
А пушинки,
 что в Питере с Минском, что в Киеве с Шуей,
Путешествуя,
 липнут назойливо к потным щекам.

2008

* * *

Увези меня, молодость, в Прагу,
Но сперва погости со мной в Брно.
Там студенческой шумной ватагой
Пили мы золотое вино.

Милку с Яркой найди – я скучаю.
И с акцентом на дружбу в речах
Память струйками терпкого чая
Заиграет в вечерних лучах.

Симпатяги, лицо универа,
Гиды сверстников из СССР...
Заблудилась славянская вера
В плотных сумерках брненских пещер.

Мы поедem за город купаться,
Рвать черешню вдоль сельских дорог.
Время косточкой выплюнет братство
За автобусный узкий порог.

Нет ни стран у нас прежних, ни флагов.
В погребках пьют другие вино...
Всё равно увези меня в Прагу
И сначала, конечно же, в Брно!

2008

* * *

Ближе к ночи прояснится небо,
В пристань льдинкой уткнётся вода.
Зря решил ты, что будто тут не был.
Отчего же взволнован тогда?

Словно льды, растопи эти мысли.
У обид не бывает мостов.
Как цепляется сердце за мгlistый
Берег ветками голых кустов!

Даже если прояснится небо
И дохнёт над водою мороз,
Ты не думай, что будто тут не был
И не гладил стволы у берёз.

Сплошь усыпала осень дорожки
Пёстрым бархатом поздней листвы...
Ну ещё, ну чуть-чуть, ну немножко
Вдохновенней наклон головы!

Это позднее звёздное небо –
Не причина, не следствие, всё...
Убеждай себя, будто тут не был,
А дыханье от речки – твоё!

2008

ЗАЧЕМ

Дойду до атома, до кванта,
Нащупав глазом микромир
На мониторе, и про Данте
Не вспомню даже, полным франтом
Спущусь туда, где адов пир.

Зачем ищу, что не искомо?
Зачем под шорохи листвы
Осенней жгучую истому
Своей души несу из дома
В толпу – под лезвие молвы?

Не лучше ль жить легко и просто,
Без трудной доли мудреца,
И ночью видеть в небе звёзды –
Не макромир, чужой и грозный,
С извечным таинством Творца?

Не упрекни, что я невежда,
Что любознательность во мне
Сошла листвы осенней прежде
И в час вечерний без надежды
Сгорела с ворохом в огне.

Дойти до сути, до основы
Кто нам позволит? Разве мы
Собой заменим Божье Слово?
Прочны у Господа засовы
На воротах от царства тьмы...

2008

ЗАМОК ИЗ ПЕСКА

Смастерил я чудный замок
Из песка.
Водрузил на башню знамя
В два вершка.

Я не спал четыре ночи
И пять дней,
Весь песок переворочал
До корней.

От восторга даже выпил
За успех.
На дверях повесил вымпел:
«Вход для всех!»

Я проделал в окнах щёлки
Для зари
И на память замок щёлкнул
Раза три.

Для архива. Для потомков.
Кто – в Кремле...
Для блуждающих с котомкой
По Земле.

Не пройдите, загляните.
Вход – для всех!
Добрым словом помяните
Мой успех.

Я старался очень-очень
Для людей.
Я не спал четыре ночи
И пять дней.

На шестой – с грозой страшной
Дождь, резвясь,
Зная смысл с высокой башни,
Плюхнув в грязь.

Где ж мой замок, окна, двери?!.
Всё во мгле...
Крах один у всех империй
На Земле.

2008

* * *

Лупоглазые дни мои, сущие,
Среди знойных и стылых погод
С неба в пригоршнях солнце несущие,
Не наскучило ль так круглый год?!

Бесполезная, злая, нелепая
Жажда жертвенности невпопад...
Солнца хватит на всех! Только в небо пусть
Ходят сами за ним и назад.

Всё жующее, пьющее, лгущее
Самое выбирало стезю,
Где от сущего даже грядущее
В прошлом прятало душу свою.

2008

* * *

Давай с тобой решимся на игру
В снежки, в рулетку, в собственное «я»,
В былинки трав на ледяном ветру
Средь скудного степного бытия.

Весь мир – игра: с утра и до утра,
От первых звёзд и до последних звёзд.
И нам давно задуматься пора:
Здесь всё в игре случается всерьёз.

Пусть кто-то свят в поступках на миру,
А кто-то грешен – ниц уже не пасть.
Но оба, сотворив свою игру,
Потом над нею упустили власть.

Давай сыграем... В плен себя не брать:
У невезучих души не добры...
Так здорово былинкой трепетать,
Забыв на миг о правилах игры!

2009

* * *

Неприменно с тобою мы выпьем,
А на чьём дне рожденья – не важно.
Был бы повод ко времени выбран,
Тосты – к месту на фоне пейзажа.

А о чём ещё думать нам, если
Мы оставили с возрастом ясли,
Над которыми образ небесный
Проступает звездой неясной?

Время ждёт возвращенья мессии.
Остальное – обман и лукавство.
Как желательно, чтобы в Россию
Он явился на вечное царство...

Лучший повод, конечно, рожденье.
Воскрешенье не в нашенской воле.
Жизнь – великое Божье творенье
В лабиринтах планетной юдоли.

Ждать до завтра бессмысленно долго.
Дней рождений по кругу десятки.
Только нынче! А завтра – на Волгу.
Там – друзья и уха со стерлядкой.

2009

* * *

На ветру, на снегу, на морозе,
Тихим вечером, в звонкую рань
С обронённой рябиновой гроздью,
Чтоб не чувствовать сердцем угрозы
Дней грядущих, прими их как рай.

Можно выдумать всё, что угодно,
Только правду придумать нельзя.
Не рядится она по погоде,
Повинуясь изменчивой моде,
И не кутается во что зря.

Это мы многолики в натурах,
Часто путаем яд или мёд
И по жизни несёмся, как фуры,
С безоглядным, надменным до дури
Убежденьем: авось пронесёт!

На ветру, на снегу, на морозе,
В пору оттепели, в полный штиль
Мы – с рябин обронённые гроздья...
Как торопят нас от угрозы
Дней грядущих отправить в утиль!

2009

* * *

В Воронеже февраль. Ещё морозно.
Ещё снежок коварен, словно враг.
Он вынуждает дёргаться нервозно
Крутые «тачки» и толпу зевак
Вдоль набережной, там, где автогонки
На льду водохранилища, к мосту,
И где девицы, словно амазонки,
На иномарках ввозят красоту
Моднючих стрижек, кремов и помады,
Духов и курток, тоненьких бровей
И сигарет – сто миллиметров смрада
Меж кончиков наращенных ногтей.

А что февраль? Февраль – всего лишь повод
Для слухов, сплетен, прочей ерунды,
Чем наряду со снегом дышит город
В преддверии тепла, большой воды...
На площади вождя в бетонной рамке
Каток – как аргумент в чужой игре:
Не допустить здесь митингов и драки
Ни в феврале, ни позже, в сентябре;
И если что, туда всех, к автогонкам,
Где девочки, зеваки и азарт:
Пускай у речки надрывают глотки,
Призывным эхом вдохновляя старт.

Февраль таков! Конец или начало?
Никто не знает. И опять – снежок.
И «тачку» занесло – не избежала...
Зиме каюк, но строится каток...
Февраль, февраль... Предчувствие большого.

И шевеленье клеток там, внутри.
И рёв моторов с поймы: автошоу –
Прикольный отдых, что ни говори.
Там всё живёт по правилам азарта,
Захватывает дух и рвёт сердца...
И хочется до наступленья марта
Бутылку водки, с чесноком сальца.

2009

* * *

Андрею Шацкову

Малины куст жирует на задворках.
Чуть солнце ввысь – и вот они, соски
Весенних почек на лучах-оборках,
Выпячивают нежные листки.

И шевелится целое пространство
В неслышном токе соков озорных,
Напоминая нам о постоянстве
Сменяющихся радостей земных.

Вслед за лучом, вблизи сухой травинки,
Комар вонзает хобот в рыхлый бок
Чумазой, поздреватой, поздней льдинки,
Вцепившейся отчаянно в песок.

Рожденье, смерть... От перемены места
Не рухнул мир и не убавил ход
Перед лицом житейского протеста,
Чтоб, торжествуя, продолжался род.

И потому в малиннике привычно,
От стебля к стеблю замыкая круг,
Хлопочет муравей как закадычный
И деловито-беспокойный друг.

На корточки присев, я с замираньем
Душой включаюсь в игры бытия.
И куст малины, раздвигая грани
Миров тончайших, в гости ждёт меня.

2009

МОЙ КОЛЬЦОВ

По берегам степной речушки Красной,
Где тальники, обрывы, резеда,
Зачем ищу, спустя два века, страстно
Следы того, кто здесь гонял стада?

Можайское, Запрудское... А выше,
Туда, к истоку, птицей из-под ног
Степного ветра в травяном затишье –
Село моё родное Красный Лог.

Простор, простор течёт под роговицу
И вдохновеньем обжигает грудь.
Хоть пей и пей его, а не напиток,
А коль напьюсь – мне больше не вздохнуть!

Что если правда: от Смычкова лога
К Дурному логу он, сам-друг Кольцов,
Околицей, нехоженой дорогой
Шагами мерил край моих отцов?!

Ночь бугаём сопела в зыби мрачной.
И языком костра с горячих губ
Стада созвездий слизывали смачно
Кольцовских песен неземную глубь.

Прими, Воронеж, дальний свет с востока
И звуки песен из степных глубин,
Ведь то не ветер над речной осокой –
Поэта голос с дремлющих равнин.

2009

* * *

В том краю, где меня не увидишь,
Не коснёшься губами щеки,
Зацветают старинные вишни
Над обрывом у самой реки.

Даже ветер залётный, пацански
Демонстрируя юную стать,
В лепестково-вишнёвое царство
Прокрадётся тебя целовать.

В том краю ты меня не узнаешь,
Обойдёшь этот сад стороной.
И устелет вишнёвая завязь
Завитушки тропинки пустой.

Следом ветер, пацан-забияка,
Зря блудивший в густом вишняке,
Из цветущего вырвется мрака
И с обрыва сорвётся к реке.

2009

* * *

Я не хочу, но подчиняюсь воле
То зла чужого, то своих страстей...
Как быть свободным, словно тропка в поле –
С ромашкой, с пылью, с клином журавлей?..

Как быть свободным? Хватит ли запала?..
За косогор, под гущи лозняка
Бежала тропка и себя теряла,
Подхваченная мощью большака.

Весь сотканный из сотен юрких тропок,
Большак – нескладный, пылкий хулиган –
Врезался огулом в шоссейный рокот,
Обочиной ныряя под кардан.

Чем скорости сильнее, тем меньше смысла,
Тем неразборчивей мелькающая даль...
В потоке том, стремительном и мгlistом,
Угадывалась только магистраль.

2009

* * *

Бреди по лужам, шлёпай по грязи,
Сгребай листву штанинами ветров,
Не ощущая слякоти вблизи
И вдалеке – дыханья холодов.

Не эта грязь, что под ногами, зла,
Не та, что въелась в трещины подошв,
А та, что разъедает нас дотла,
Просачиваясь в души словом: ложь.

Пока возможно, радуйся листку:
Как мастерский по воле ветерка
Он, накреньясь, на золотом боку
Скользит изящно мимо каблука!

Вот нам бы так – чтоб хляби в пух и прах!
Но мы, в лодчонках осени гнездясь,
Ныряем в лужи жизни, как впотьмах,
И через край зачерпываем грязь.

2009

АКВАРЕЛЬНЫЙ ПРИБОЙ

В.В. Тулупову

Море кисти Тулупова
Из гостиничного окна.
Бирюзовая глубь-волна
С акварельного полотна.

Будто снова под парусом,
Исполняя любой каприз,
Веселящейся парочке
В лица свежестью дышит бриз.

В царстве пляжей и пристаней,
Без житейских хлопот-забот
Дни свершают неистовый,
Неземной во мне оборот.

Облаками летучими,
Жаром крыш и созревших слив
Дагомыс по излучине
Гонит к сердцу большой прилив...

И в квартире с метелями
В акварельный цветной прибой
Устремляюсь не телом я –
Всею восторженною душой.

2009

* * *

О, жизнь – влюблённая особа,
Как долго ты меня ждала,
Однажды клятву дав: до гроба
Быть рядом, вместе, в два крыла!

Мне всё позволено отныне:
Стать бунтарём, поводырём,
Красой твоей, твоей гордыней
И с трона свергнутым царём.

Мечта близка. Теперь попробуй
Нас разлучить, разъять союз.
Впервые я моей особе
В высоких чувствах признаюсь.

Быть оставаясь верным клятве,
Свободной птицей со стрехи
Пою ромашкам, кашке, мяте
Простые, нежные стихи.

Всё неудобное и злое,
Чем не престоало дорожить,
Осталось где-то в мезозое
И в прочих эрах, может быть.

2009

* * *

Домик Буниных, вяз, виноград,
Куст шиповника сбоку окна...
Я, наверное, этому рад,
Как дитя после долгого сна.

Вот дорожка сбегает во двор,
Поздним яблоком катится в сад...
Дворик тесен, а сердцу – простор:
Нет душевных незримых преград.

Домик Буниных – случай, мечта?
Чей-то зов, переключка времён?
И сирень обронила с листа
В эхо лет золотой медальон.

2009

В САДУ В МЕЖСЕЗОНЬЕ

Старинный сад – заброшенная сотка
Земли, питавшей чудными дарами
Не где-нибудь, в краю глухих селений,
А в двух шагах от улицы центральной,
Где каждый метр земли буквально дышит
Историей Воронежа...

На зависть

Редчайшими представлен сад сортами,
Таких на рынке в наши дни не купишь...
Здесь всё в едином торжестве и страсти
Переплелось, срослось и совместилось
В ветвях, сучках, побегах, сухостое;
Здесь сливы, вишни, бузина, шиповник,
И яблони, и груши вместе с вязом
И с клёном, с диким виноградом даже
Миролюбиво устремились к солнцу...
Рассказывают: этот сад ничейный
Сажали вновь в войну, когда изгнали
Из города фашистов в сорок третьем,
За исключением двух кавказских сосен:
Их раньше, в девятнадцатом столетье,
Взрастили сами Бунины...

Вот так-то!

Старинный сад...

Октябрь, покликнув ветер
В проулках, с вяза, клёна, винограда,
Со слив и вишен, с бузины и яблонь,
С шиповника и груш листву стрясает,
Чтоб всё это цветастое убранство
В мгновениях родства земли и неба,
Устав от бесконечной тяги к солнцу,
Нашло приют в большущей рыхлой куче –
Под соснами кавказскими, к забору...

Старинный сад...

Дом Буниных...

Как странно

Себя здесь ощущать среди запустенья,

Среди окаянных будней межсезонья...

И лишь трона в густой листве приметна.

2009

* * *

За трепетной гранью
Архивной любви –
Окошко с геранью,
Ладонки твои.

Насквозь пропылились,
Срослись со стеклом...
Мы в нём отразились –
Два неба в одном.

Хожу, не вступаю
Ни в спор, ни в борьбу.
Я знаю, я знаю,
Что память – табу.

У памяти много
Таких же, как я.
Любовь и тревога –
Одна колея.

Покой не нарушу...
Сквозь тонкую грань
Ладонками в душу
Свисает герань.

2010

* * *

Ты скажи мне, какое нам время по вкусу
И бывает ли вкус вообще у времён,
Если люди, подобно болотному гнусу,
Облепляют его изнутри испокон?

Я давно усомнился в своих ощущениях.
От любви – лишь тоска, от восторга –
лишь вздох.

Виновато ли время в моих превращениях?
По-другому хотел, но, наверно, не смог!

Я себя отдаю на потребу то дням, то годинам.
Перемешано всё, и утерян отточенный вкус.
И гуляет луна по отглаженным фалдам
гардины,
Будто пробует сердце на новый искус.

И гнусавит по телеку поздний ведущий.
Надрывается в песне любви соловей...
В этом времени кто я – зовущий, поющий,
Или просто бредущий дорогой своей?

2010

СЕБЯ ПОСТИГАЕМ ПО КАПЛЕ РОСИНКИ

* * *

Ты возникнешь ниоткуда
И исчезнешь в никуда –
Не звезда из Голливуда,
Даже просто не звезда.

Вспыхнет чёлка на морозе
Перламутром хрустала.
Не звезда... Ты лучше – роза
В снежной вазе февраля.

На ресницах – лёгкий иней,
И уста – как лепестки.
Роза – юная богиня
И лекарство от тоски.

Я на миг про всё забуду
И замру, как ледяной.
Мне не важно: ты – откуда,
Важно мне: кто я такой?

2011

* * *

Не наважденье, а вождизм
Больших снегов к исходу марта.
И прячет солнце оптимизм
Луча в небесной мгле Монмартра.

Мы у погоды все – рабы.
С времён былинных и доньне
Над страшной тайной морщим лбы,
Блуждая в жизненной пустыне.

Наверно, с века суждено,
Чтоб нас участливо водили:
С мечом в Колхиду – красть руно,
Сжигать сердца – на Пикадилли.

Душа – прибежище вождей,
Тебя не гложет стыд извечный
За след кровавый от вожжей
На потных спинах человеческих?

2011

* * *

Стервенеем, черствеем, звереем.
Чем цивилизней живём, тем подлей.
И друг друга прощать не умеем,
И стыдимся казаться милей.

Пропадаем, мельчаем... По краю
Ходим, гоним, играем с судьбой.
Страшно мне, что и сам пропадаю,
И тебя волоку за собой.

Понимаю умом своим трезвым,
Сердцем чутко эпоху ловлю
И капризным ребёнком прогресса
Ненавижу его и люблю.

2011

* * *

Мне какому крыльцу помолиться?
У того, что построил отец,
Незнакомые юные лица –
Две девчушки и брат их, малец.

Ну а тот, что теперь доживает
Вместе с мамой остаток судьбы,
Не встречает и не провожает,
Будто пасынок он у избы.

Вот и вся наша жизнь человечья –
Неказистая серая даль...
Уместились под тенью крылечной
Двух столетий любовь и печаль.

2011

* * *

Суд небесный, суд земной...
Первомайский парк. Прохлада
Стелет первою листвою
Две дорожки у ограды.

Эта – к храму, к Богу, в рай.
Эта – смутною тревогой
Наполняет через край,
Не приблизив душу к Богу.

Взгромоздившийся на сук,
Мерит ворон зорким оком:
В светлой блажи божий суд
И людской – в тщете глубокой.

Колокольный медный звон.
Сладок утренника ладан.
Суд небесный – радость, сон.
Парк. Начало листопада.

2011

* * *

Ничего я не имею против –
Против солнца, против тишины.
В жизненном суровом обороте
Нам они по-прежнему важны.

Важен день, чтоб вырваться на дачу,
Важен час – побыть наедине.
И бредут удача с неудачей
Под ручку с судьбою наравне.

Каркнет ворон – встрепенётся сердце,
Дрогнет ветка – обомрёт душа.
С неба осень в золотую дверцу
Выйдет, словно пар из шалаша.

И зажгутся в зарослях напротив
Листья в крапах первой желтизны...
Значит, и на позднем повороте
Мы ещё кому-нибудь нужны.

2011

* * *

Дмитрию Мизгулину

Балтийская чайка на мокром песке.
Прохладное утро, туманные дали.
У этой нехитрой житейской спирали
Себя обозначу на новом витке.

Ленивой волною причалят в ладонь
Докучные токи недавних сомнений
И вновь удалятся в пучину, как тени,
Наткнувшись на скрытый сердечный огонь.

И чайка вспорхнёт. И затащит песок
Следы этой долго скучавшей здесь птицы.
И крик её эхом раз пять повторится
У сосен и в новый совьётся виток.

2011

* * *

Созревает шиповник – в разгаре сентябрь.
Первый лист золотится по дачнымделянкам.
Я ещё не остыл от горячей поры, не озяб
От прохлады осенней с ночным полустанком.

Я ещё поклоняюсь мгновеньям любви,
Как шиповник, впиваюсь колючками страсти
В полустаночный сумрак, в объятия твои
И в плацкартное место с билетом на счастье.

И пускай мне кричит уходящий состав:
Полустанок – всего лишь минутное чудо,
Упаду я шиповником в заросли трав,
Чтоб уже никуда не уехать отсюда.

2011

* * *

Молодо-зелено, зелено-молодо...
Требуют чувства морозного холода.
Лыжи под мышку, рюкзак за плечо...
Дружбе просторно, сердцам горячо!

Было, да сплыло, следов не оставило.
В памяти всё уложилось по правилам:
Лыжи, рюкзак и тебя на плечо...
И от любви – горячо, горячо!

С русым колечком под вязаной шапочкой
Сняты с дистанции юные шалости.
Жизнь зацепилась плечом за плечо...
И – горячо, горячо, горячо!

2011

* * *

Друзья мои, я вышел из игры,
Из ваших душ, из ваших слов и снов,
Сменив подтексты истин и основ
На терпкий запах ёлочной коры.

Брожу себе с оттаявшей душой,
Грызу травинку в позднем октябре.
Не надо мне ни злата в серебре,
Ни серебра в оправе золотой.

Они прекрасны – хвойные друзья.
Не предают, хоть колют иногда.
И кажется: такая ерунда –
Играть умом, красуясь и язвя.

В замену прежним новые придут –
Природа не потерпит пустоты.
И ёлочек пушистые кусты
К зиме иголки старые стряхнут.

2011

* * *

Мой город пробуждается легко,
Снимает сон, как маску лицедей,
И пьёт взахлёб речное молоко
Среди прохлад умытых площадей.

Ночной спектакль порядком утомил
Игрой в рекламу, пабы, фонари...
По куполам, по кружевам перил
Мой город скачет на лучах зари.

Он в этот миг похож на сорванца,
На юношу влюблённого...

Мосты

Соединяют, как любовь сердца,
Двух берегов знакомые черты.

Сверну к холмам с Чернавского моста.
Лебяжьим пухом льнёт к воде рассвет...
Воронеж мой, ты – счастье и мечта,
Иной судьбы у нас в запасе нет!

2011

СНЕГ

Здесь шёл мой снег... Шёл только для меня,
Томил небесным выдохом и чувством.
Душа на голос в холод из огня
Брела монахом в снеговую пустынь.

Всё путалось: сегодня и вчера,
Любовь и страсть, разлука и прощенье...
Снег шёл и шёл на поиски добра,
В орбитах зла заполучив вращенье.

Снег мною был: он смахивал лицом,
Осанкой, взглядом и, конечно, духом.
Снег Богом был – я был ему Отцом,
Всевидным Оком и Всеслышным Ухом.

Спал мир многоэтажный в белизне,
Ни стон, ни вздох не отпустив наружу.
Снег шёл и шёл... Он шёл сейчас во мне
С надеждой тайной успокоить душу.

2011

* * *

Не волнуйте мне душу словами сердечными:
В них мне слышится чистая песня ручья
Среди ив серебристых с лугами приречными
И такая большая, вся в солнце земля.

Не травите мне душу дымами пушистыми,
Теплым духом бревенчатых низеньких хат
И смешливой девчонкой с глазами лучистыми,
С кем ходил целоваться в пустующий сад.

Не жалейте мне душу за долю сиротскую:
Я совсем не в обиде на злую судьбу.
Жизнь прошла, слава богу, ни в чём
не юродствуя,
Всё ненужное вынесло с дымом в трубу.

Не лишайте мне душу свершившейся памяти:
Не могу, не хочу повториться, как впредь...
Повторенье – греховней прошенья на паперти,
Повторенье для сердца страшнее, чем смерть.

2011

* * *

На фоне чахлого разлива
И затянувшейся весны
Качают вербы терпеливо
Клоки лохматой тишины.

Гогочут гуси у соседа.
Толпятся зори у болот.
И я чуть свет куда-то еду,
Миная нужный поворот.

Короткий сон, смешная трата
Ума и сердца... В колесе
Звучит гусиная соната
И глохнет в лесополосе.

2012

* * *

Нарисую тебя акварелью, гуашью
Или тушью, а лучше бы – собственной кровью.
Ты – не женщина, нет, ты, наверно, монашка,
Не из нашего блудного, плотского крова.

Ты – не женщина, нет, ты – скорей наважденье
Или ветка сирени из райского сада,
Всю неделю пленённая для наслажденья
В бледно-серой баклажке из-под лимонада.

Я уже подступаюсь, волнуясь, робею,
Я смешал акварель и гуашь вместе с тушью.
Но портрет не идёт, и ломаются перья,
И в запасе остались лишь кровь да удушье.

Я тебя нарисую как ветку, как чашу:
С полутенью, в масштабе, в пропорциях,
в штрихе...
Ты – не женщина, нет, ты – восторг без гуаши...
Жаль, но в жизни везёт на портреты чувихам!

2012

* * *

Родина стареет вместе с нами,
Вместе с ульем в дедовом саду.
Ей не спится зимними ночами,
Долгими и злыми, как в аду.

Жить бы, ничего не опасаться,
Не зависеть сердцем от беды...
Вьюга за окошком скачет зайцем,
Путая от времени следы.

Родина стареет, как и мама
С мыслями: у всех она в долгу...
До последней клеточки до самой
Горько, что ничем не помогу.

Лучше бы не видеть, не терзаться,
Зоркий глаз не пялить в зеркала.
Что там может в сумрак отражаться,
Кроме мглы от чёрного крыла?

От Камчатки до балтийской чайки,
До кремлёвских башен и зубцов
Я – свидетель и живой участник
Всех её случившихся рубцов.

2012

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ЛЕРМОНТОВА НА КАВКАЗ. 1841 ГОД

Пусты дороги Черноземья.
Печален юноша-гусар.
В походном скарбе – груз презренья,
В душе – священный неба дар.

Ужель поэт в России – странник?
Иль званья все в одном сошлись:
Избранник – то же, что изгнанник?..
Иных судеб не терпит жизнь!

Неспешна музыка степная.
И далеко ещё Кавказ.
И в небе тучка золотая
Торопит к югу тарантас.

«Прощай, немытая Россия...»
И степь лазурная, прощай!
Донской волной плеснул над синью
И скрылся в дымке милый край.

«Монго, Монго, мой друг прелестный!
Тоска на сердце, как свинец...
Ужели тучкою безвестной
Мелькну в лазури – и конец?!»

Весна не лечит ран душевных,
И даль теснит тревогой грудь...
«Монго, я – брат сих тучек бранных!»
Воронеж... Степь... Последний путь...

2012

* * *

Владимиру Новохатскому

Таких сентябрей я давно не припомню,
Чтоб солнце – охапкой и синь – через край.
И даже ромашка цветёт по Придонью:
В ладошку возьми и на счастье гадай!

Гадай на любовь и беспечную юность,
На звёздные ночи и лунную грусть...
И будто бы с возрастом вдруг соревнуюсь,
За поздней ромашкой из города рвусь.

Безумный порыв оцените, равнины!
Я знаю, что время нельзя обыграть
И проще нарвать под окном сентябрины,
Чем позднюю где-то ромашку искать.

Но сердцу не мил мой расчётливый разум,
Его календарный отстроенный рай.
Я к поздним ромашкам спешу, чтобы сразу
На всё погадать, а зачем – угадай!

2012

ДИВНОГОРЬЕ

Дивногорье, монастырь,
Дон в разливе.
Голубых равнин псалтирь
В переплёте нивы.

Божьи агнцы на юру –
Меловые горы.
Кто я в вере? Кто в миру?
В радости и горе?

Всюду свет и благодать
Над бескрайней степью.
До небес рукой подать
В чудном благолепии.

Там, за дымкой, за рекой,
В сонме человечьем,
Мы пасёмся суетой –
Алчной, быстротечной.

Ты прими меня, мой Дон,
И вплесни мне в душу
Золотых мгновений сон
В благодати пастушьей.

Всё пройдёт: и суета,
И гордыня с ленью...
Дивногорье – красота
Божьего творенья.

2012

* * *

Не будем говорить о вечном, о великом –
В тех землях и без нас хватает мастеров
Словесной пустоты, богоподобных ликов,
Ниспровергателей кумиров и шутов.

Нам некого свергать – мы боги и пигмеи
По собственной судьбе среди ноябрьской мглы,
Где нет конца дождям, их вязкой эпопее
С героем-воробьем под кроною ветлы.

Здесь громоздятся дни и скучные эпохи.
Все на одно лицо – не разгадать легко,
Где правда, а где ложь, где хорошо, где плохо,
Где ты всего лишь нить, пряденая в ушко.

Затворники сердца не просят сцен батальных.
Теперь не время битв. В геройстве важен раж...
Спасибо воробью: чириканьем нахальным
Чуть оживил унылый в естестве пейзаж.

2012

* * *

Перезвоны, перезвончики,
Первых заморозков звень.
Росных льдинок колокольчики
Выкликают новый день.

Из-за ёлки солнце радугой
Липнет к травам и кустам.
Две синицы, утру радуясь,
Превращают песню в гам.

Перезвоны, перезвончики
Слева, справа, от реки...
Сердце бьётся заговорчески
Всем рассудкам вопреки.

Что случилось с ним, что деется?
Из каких глубин восторг?
Не мороз в округе стелется –
Звёздно-крупчатый творог.

Перезвоны, перезвончики...
Слышит чуткая душа,
Как хрустальные вагончики
Громяхают в камышах.

Ворох зимней амуниции
Тащат лугом в стылый край.
А за ними вереницею –
Гуси, овцы, сад, сарай...

2012

* * *

Мы себя постигаем по капле росинки,
Пьём утрами её серебрящийся морс,
Чтобы каждый из нас до кровиночки врос
В эту твердь, в чернозёмы её и суглинки,
Унаследовав гибкую стойкость былинки
И надёжность шипа в хрупкой прелести роз.

Постигаем по звёздам на вечном, на Млечном,
На пути, где в родстве наши корни сплелись,
Где дороги, тропинки и стёжки сошлись
На зверином следу, на следу человечесьем,
На высоком, струящемся птичьем наречье
В эту даль, в эту ширь, в эту глубину, в эту высь.

Кто-то путает шаг и теряет надежду,
Кто-то ищет любовь – обретает тщету.
Эту землю с росой мы храним, как мечту,
И, смежая в тревожном предчувствии вежды,
Выпадаем росинками в зыби прибрежной,
Подхватив в небесах звёздный свет на лету.

Разве можно в корысти расчётливо-тонкой
Это всё разграфить по таблицам-столбцам?!
Постигаем себя по инфарктным рубцам,
По могильным крестам, материнским иконкам:
В трудный час мы о них вспоминаем, поскольку
Устоять невозможно без веры сердцам.

2012

ПЕСНЬ О ЖИВОЙ ЗЕМЛЕ

Послушай: она еще бьётся и бьётся
На уровне сердца, на взлёте бровей,
Под огненным обручем позднего солнца,
В клубящейся плазме небесных кровей.
Жива после ливня, жива после выюги...
А вдали: мертва, как космический тлен,
Силком волокли за заборы от плуга
Подобно наложнице в собственный плен.

Смотри: не она ли крадётся беглянкой –
Укуталась в шаль тополиных ветвей?
Противится быть подневольной делянкой,
Привыкла быть полем для русских людей.
Жива после распрей и смут неурочных...
От сабель ордынских, тевтонских крестов,
От разных мастей самозванцев и прочих
Посконных иуд сберегала свой кров.

Пока наша память голубкою вьётся
Над Волгой, над Доном, над ширью степей,
Живая земля никому не сдаётся
И верит в надёжность своих сыновей...
Я слушаю чутко, гляжусь в неё зорко:
Жива – обещанной, нищей, больной!
А то, что покрылась предательской коркой,
Так мы её миром, как деда, – сохой...

2012

* * *

А болото – всего лишь болото.
А речушка – вода да вода...
Только мне всё тревожнее что-то,
Будто к нам подступилась беда.

Будто с первой проталиной вместе
Мы плутаем в пространствах немых,
Где фату не примерит невеста
И не спляшет на свадьбе жених.

Не по сердцу живём, не по солнцу –
Кто как хочет и кто как привык...
Иссушаем себя, как болотца,
Глушим душу, как в речке родник.

И о чём твоя песня, синица?
И о чём твои думы, ветла?
Неуёмная глупая птица
У кормушки не ведает зла.

2012

* * *

Не вышло родиться святым, непорочным,
А вышло родиться обычным, урочным:
Ветлой, чернозёмом, ромашкой, ручьём,
Засевшим по брюхо в грязи тягачом...

С меня не напишут монахи иконы,
Хоры не исполнят на Пасху каноны.
Зато без меня не мерцает свеча,
И в небе звезда Вифлеема – ничья.

Мне страшно представить, что все будут святы
И вслед за Христом изуверски распяты.
Кому будут петь воробьи у стрехи?
Кому искупать перед Богом грехи?

2013

СЛОВО

Это слово меня выводило
с обочин на твердь столбовую,
По сердцам опускалось
в глубины племён и времён.
Возносило меня,
как волшебное облако,
в выси
Нежных чувств,
не остывших от сладкой июльской жары.

Это слово зачем-то рождалось,
молилось,
мужало
И зачем-то под свод собирало
сородичей с разных краёв:
Плечом к плечу...
рукой к руке,
Глазами к глазам,
сердцем к сердцу...
И от первого крика до последнего вздоха –
устами к устам...

Это слово меня берегло от стрелы,
от пистолети,
ракеты...
Неужель завтра может убить
джентльменским набором IT
Где-нибудь на Тверской,
у Останкино,
у Эрмитажа,
На газопроводе
с равнодушно-холодным дыханьем:
поток?

Мы росли,
мы мужали,
мы мир наполняли гармонией братства,
Мы надежду в любовь облекали;
как в Господа, верили в слово.
А теперь наше слово изжёвано,
сплюнуто заживо с губ.
Бессловесными дикарями проносимся мимо...
Куда?

2013

КАШТАНЫ

Плюхнись, сентябрьская спелость, каштанами,
Выкатись с гиканьем на тротуар,
Будто чумазая и голоштанная
Сотня малюсеньких Килиманджар.

Все мы корнями оттуда, из Африки...
Все мы каштаны – сдери кожуру,
И обнаружится без географии
Близость по духу и крой по нутру.

Знает нас осень, мудрейшая тётенька:
С ветки стряхнёт, не посмотрит на сан –
И кто родился плюгавым и крótеньким,
И кто в дородный сложился каштан.

Радуюсь чуду наивно и искренне.
Дни урожайные – срок, а не страх.
Лучше ли разве каштаны парижские
Тех, что в воронежских зреют садах?

В тайном родстве, как язычник для суженой,
На обереги сую их в карман...
Зрелость сентябрьская – правда досужая:
Падает, падает спелый каштан.

2013

* * *

Как всё в этом мире бывает случайно!
Случайно признание, случайно презренье,
Внезапной любви закипающий чайник
Вприкуску с клубничным на блюде вареньем...

Случаен твой взгляд и намёки на возраст.
И сердце стыдится возможных предательств.
И нервы пылают, как высохший хворост,
Смешав в ощущениях тревогу и радость.

Нет смысла себя изводить и итожить:
Страшнее, чем годы, мгновенья нас рушат...
Случайно эпоха впиталась нам в кожу
И вряд ли случайно захочет наружу.

2013

ЖИЗНЬ НАРАСХВАТ

* * *

Когда не бывает дождя,
Мы устаём от солнца,
Когда не бывает солнца,
Мы проклинаем дожди...
Когда я не вижу тебя,
Я ощущаю сердце,
А если я чую сердце,
Значит, и боль впереди.

Когда не бывает войны,
Мы забываем о мире,
Когда нас лишают мира,
Мы жить привыкаем войной...
Я крайностей этих раб,
А ты им – весы и мера...
Мы оба по высшей мере
Несём этот груз с тобой.

2014

* * *

Тополиное, звериное
Торжество жары.
Жалят ночи комариные
Потные дворы.

Меркнут в душных палисадниках
Ирисы и мак.
Пропади оно, надсадное,
Что пошло не так.

И за рамками приличия
Колобродит дух
От тебя, такой прилипчивой,
Будто белый пух.

Первобытно-тополёвая,
Плёвая игра...
Сылет ватой непутёвая
Летняя пора!

2014

* * *

Спрячь солнца луч за пазуху
Холма, Ахун-гора!
Мы стали болью, спазмами,
А думали – игра.

В неё с разбегу, резко так
Нырнули с головой
И обернулись всплесками
Пучины огневой.

От Сочи и до Адлера,
Переплывая мыс,
Искали мы украденный
Вчерашний здравый смысл.

В растрёпанные волосы
Вплетался лунный свет.
Серебряные полосы
Чертили пенный след.

Над побережьем гроздьями
Свисали огоньки.
И разряжались грозами
Сердца, уста, зрачки...

2014

* * *

Служение пуще охоты...
Поэты – народец такой.
Не скажешь о них: из пехоты,
Но каждый – на передовой.

Ни в танке, ни в шахте ракетной,
Ни в лодке среди мёртвых пучин,
Они – из других, неприметных,
Но живородящих глубин.

Они от особого фронта,
От мирных резервных полков:
Не бьют из эсминцев по фортам,
Напалмом не жгут городов.

Бойцы благородного толка,
По воле небес и творца
Строкой, а не дулом винтовки
В полон собирают сердца.

От хладных полярных предместий,
До вечных хоривских купин
Сдаются им розно и вместе
Германец, еврей, славянин.

Ни в пошлой войне дилетантов,
Ни в марше глобальных свобод
Поэты, подобно десанту,
Своих не оставят высот.

2014

* * *

Валентину Нервину

Где он, город колокольный
С колокольчиком-луной?
Был привольный, стал прикольный,
В лёд закованный зимой.

Шиком зданий несуразных,
Пёстрым бликом витражей
Он в меня вместился разом
Без углов и этажей.

В этот миг, забыв о быте,
Выйду в люди, не бузя.
Я его не худший житель,
Без меня ему нельзя.

Где-то поле, где-то воля,
Синь и солнце без конца...
В небоскрёбах ветром воют
Пеноблочные сердца.

Сквер Петровский, Первомайский,
Башня, храм и Детский парк...
Воровской ли век, бунтарский –
Всякий пыл выходит в пар.

Души к душам льдинкой липнут.
В полночь девой в створ окна
В верхотуре стеклоликой
Виснет страстная луна.

2015

СТИХИ У КАРТИНЫ

С.П. Гулевскому

Синий куст и небо синее,
И из сини бытия
Что-то вечное и сильное
Растревожило, клубя.

Как во что-то неизбежное,
Обронил художник кисть,
И пошли гулять мятежные
Краски, еле улеглись.

Их сменили ветры звучные,
Оживил их синий край
С речкой, берегом и тучею,
С голосами птичьих стай...

И томилась акварелево,
Свет и тень перемешав,
В этом зыбком, синем времени
Чья-то чуткая душа.

2015

ТРИ ДНЯ В ЯЛТЕ

1. Прогулка под дождём

(Первые впечатления)

Встречает Ялта сеющим дождём
И цепью гор с барашками тумана.
Мы под дождём вдоль пристани идём,
Забыв, что счастье – тоже часть обмана.

Когда чего-то очень сильно ждёшь,
А душу пылко забавляешь чувством,
Всегда и вдруг её остудит дождь
По правилам небесного искусства.

На фоне яхт не смотрится печаль.
Расправив зонтиков цветные крылья,
В тончайшую любовную вуаль
Вплетает дождь всё побережье Крыма.

И каждый шаг – как молния в грозу...
И всплеск волны – дыхание вулкана...
Тебя я тоже в Ялту привезу,
Пусть даже в дождь, пусть счастье –
часть обмана!

2. Песня армянской девушки

(На фестивале национальных культур
народов Крыма)

Армянская девушка, кто ты?
Как будто родник Арарата
Струится из юной аорты
В артерии русского брата.

Мне голос твой чистый приятен,
Мне грусть твоей песни знакома.
Здесь, в Ялте, ты дома, в театре,
И я из Воронежа – дома.

Я только что вышел из боя
За этот мой край каменистый
Под зычные зовы гобоя,
Под русскую пляску со свистом.

В пластичных татарских движениях
И в плачущей скрипке еврея
Душа ощутила рождение
Второе за краткое время...

Пока твои звуки тревожат,
Пока я их сердцем приемлю,
Нам крымское море поможет
Сберечь эту общую землю.

3. Поздняя крымская любовь (Странствуя по улочкам Гурзуфа)

Это вчера ты бродил
восторженным недотёпой
По душным гурзуфским улочкам,
ныряя в тень
С такими же,
отправленными по школьной путёвке
С холодных краёв Союза
в крымский прогретый день.

Не волновали дача Чехова,
пушкинский камень
(С него поэт с Раевским
следил купанье девиц)...

Из тесных двори­ков
черешневыми губами
Лето на фото липло
к улыбка­м счастливых лиц.

Всё укатилось,
как луна за Аю-Даг с «Артеком»,
С пионерским галстуком
и со страной СССР...
В поздней любви
что-то пугающее есть,
как в чеке
Отеля «Интурист»
с сервисом на чужой манер.

Прощаешься, и не отпускает,
как сон, как клятва...
Время – искусный шкипер –
в шторм ведёт корабли.
На палубе ты
или на берегу Непрядвы,
Крым –
ожидание чуда в поздней твоей любви.

4. По дороге в аэропорт (Монолог таксиста)

– «Ялта – Аэропорт» – родной маршрут.
Нравится мне... Пассажи­р – целый мир...
Отдыхали?... Конференция... Тут
Теперь совеща­ний, хоть ставь в ранжир.

Жаль: не купались... Неделю дожди.
И всё побережье – сплошной туман.
Надеюсь, что Крым у вас впереди.
В России каждый ему – Магеллан.

А я такую... Военный моряк.
Сменил на баранку эсминца трап...
Мать сумская, отец сибиряк.
Кто я, скажите: хохол, кацап?

Там объединяются, мы – вразлад,
Как будто вчера спустились со скал.
Смешно, ей-богу: «укроп», «колорад»,
Кто-то свидомый, а кто-то москаль.

Я вот – крымчанин, горжусь, чёрт возьми,
И рад, что в Россию вернулся Крым,
Иначе б кровавый смрад от возни
Не только Донбасс – Европу накрыл...

Аэропорт – наш главный оплот...
Визитку возьмите, мало ли что...
Такую-тоскую: эх, мне бы во флот
Сейчас, да время моё ушло!

2015

* * *

Мы не племя – мы пламя, мы пламя:
От морщинки на лбу до ногтя...
Жжёным щебнем присыпано знамя
На древке, а древко – как культя.

Срокам зла ещё длиться и длиться.
Срокам братства – курок у виска.
И досрочно гаагские лица
Для России готовят срока́.

Мы не племя – мы имя пожарищ.
Мы – донецкие в аэропорту.
Каждый павший при штурме товарищ
Сталь конструкций сложил по хребту.

Но по высшему праву, по зову
Сквозь огонь и бетонный каркас
Русской речью заморское слово
Вышибает восставший Донбасс.

Дух войны – не сиреневый запах.
И у всякого тлена свой срок.
Смертный смрад отползает на запад,
Зыбкой свежестью дышит восток.

2015

* * *

Запросто мог бы на дно опуститься,
Бомжем на лавке лежать в подворотне,
Но твоё платье в горошек из ситца
Чар колдовских во сто крат приворотней.

Как и откуда волшебные ветки
Вызрели в девичьих нежных изгибах,
Чтобы нести мои мёртвые клетки
К солнцу за голую плату: спасибо!

Двор клокотал от порочных соблазнов,
Лихо вытряхивал медные гроши...
Ты выручала меня сообразно
Сказке, где вырос до неба горошек.

Время откупоришь – ортодоксальным
Страхом террора скорёжатся лица.
Быть бы и мне бородатым и сальным,
Если б не платье из яркого ситца.

В жизненной драке есть повод напиться
Либо скатиться по скользкой дорожке...
Но, затревожившись, платье из ситца
Ссыплется под ноги горьким горошком.

2015

* * *

Бабушка Елена,
Дедушка Иван...
Время горше плена,
Память глубже ран.

Вы давно у Бога
В неге и тепле.
Не судите строго
Тех, кто на земле.

Не щуняйте внука,
Пусть он – редкий гость...
Чем длинней разлука,
Тем нужней погост.

Тем потребней жажда
В вере и любви...
Все придут однажды
В этот край земли.

Лишь бы, с грустью сладив,
Во всю даль и близь
Никогда, ни на день
Не кончалась жизнь.

2015

* * *

Ясность ночи шальная.
Минус двадцать мороз.
Как звезда золотая,
Я к окошку прирос.

Под присмотром Венеры
Двух Медведиц ковши
Зачерпнули сверх меры
Огонька из души.

И пошло, и смешалось
В звездопаде чудес...
То, что в тайне рождалось,
Стало явью небес.

Даже в полночь, звеняще
Вырываясь из уст,
В тихом скверике спящем
Откликается куст.

Для нужды, для потребности
Или так, с кондачка,
Опрокинулось небо
И легло у виска.

2016

* * *

Красный паук на чёрной земле.
Лето в разгаре – от края до края.
Солнце букашкой на пыльном стекле
Радугу чертит, лучами играя.

Что это – страсть или грусть ни о ком:
Сроки сдвигать, словно шторы из тюля,
Чтобы букашкой с красным брюшком
Ползать в весёлых соцветьях июля?

Лето уйдёт – ни следа, ни тепла,
Лишь сохранится от целого частью
Радуга в раме на месте стекла
С красным брюшком от паучьего счастья.

2016

* * *

Забить того, кто был тобой,
Родиться заново по воле
Больницы с башней и трубой,
С тропой берёзовой вдоль поля.

Там, в прошлом, свет и красота,
Любовь, надежды, голос мамы...
А здесь – черта, черта, черта
Из чётких очертаний рамы.

И всё, что выхватит зрачок,
Вмиг станет жертвой перекрестья...
И память давит на висок:
Коль погибать, так только вместе.

Сличив и стыки, и слои
Вре́мён минувших и текущих,
Скомкаешь образы свои
И в форточку – на сон грядущий.

2016

* * *

Ловите бабочек, друзья.
К чему ненужные дебаты,
Что можно нам и что нельзя,
В чём правы мы, в чём виноваты.

Купите махонький сачок
В ближайшем маркете для деток,
Пока на спусковой крючок
Прохладой не нажало лето.

Сходите на приречный луг,
Где одуванчики с ромашкой,
И, может быть, поймёте вдруг:
Вы тоже бабочка-порхашка.

Под колпаком вы, под сачком,
Добыча лёгкая под солнцем...
Ловите бабочек с внучком,
А всё другое перебьётся.

2016

* * *

Море. Полночь. Вертолёт
Виснет над пучиной.
Сочи, видно, в гости ждёт
Непростого чина.

Всякий блик – у тьмы в тисках.
Зыбок мир с балкона.
Вертолёт у виска
Бьётся жилка, тонет.

Поздний бархатный сезон.
Третий день дождищи...
Вертолётный кружит сон
И где сесть не ищет.

Растревоженный, слежу
За небесным танцем.
Что душе своей скажу?
Как с тоской расстаться?

К вертолёту – два ещё,
В шесть лучей – по суше...
Ночь спустилась на плечо
И цепляет душу.

2016

* * *

Они наступают – не дни, а мгновенья.
Я к ним не готов: закопался в веках,
В больших измерениях, где доблесть и страх –
Всего лишь развеянный сон вдохновенья.

Застали врасплох перед выбором здоровым
Владельцы сердец, обольстители душ.
Они не играют торжественный туш,
Пиликают гнусную песню расправы.

Упрямая память скребётся ногтями
В корявые наросты дат и висков...
Они наступают – я к ним не готов.
И мира, пожалуй, не будет меж нами.

2016

* * *

Ещё до Святков больше, чем неделя,
И с суетой справляешься едва,
А во дворе весёлые метели
Уже поют во славу Рождества.

И тенькают синицы за окошком
Беспечно и без грусти о весне,
С крыльца таская булочные крошки
То к яблоне и груше, то к сосне.

И лёгкое – до радости – волненье...
К метелям, птицам, в заметённый сад
Торопишься на звуки обновленья,
Не понимая, а чему же рад.

2016

* * *

Назад обернусь – докучно,
Вперёд загляну – тревожно.
Высокая дремлет тучка,
Ей всё в этом небе можно.

Ей можно дождём пролиться,
А можно и в речку кануть...
В ней прошлое не толпится
Мгновеньями и веками.

В ней будущее туманно,
Как звёздная пыль над дачей...
И кажется очень странным,
Что всё у людей иначе.

2017

* * *

Ну что ты всё тревожишь,
Лишая крепких снов,
Степное бездорожье –
Край дедов и отцов?

Не мальчик я, опасны
Волнений мятежи.
Что ни морщина – паспорт
С отметкою души.

Погостов тишь былинна
Вдали от автострад...
Спи, мама Агрипина!
Спи, папа Александр!

У памяти нет тлена.
Удел нам свыше дан...
Спи, бабушка Елена!
Спи, дедушка Иван!

Среди земной юдоли
Извилист путь и рван...
Спи, баба моя Поля!
Спи, дед мой Митрофан!

Не обойму, как солнце,
Околицу зрачком:
Ни даль с рекой Икорцем,
Ни близь в логу Дурном...

От сада, от порога,
С метёлок камыша
Парит над Красным Логом
Не время, а душа.

2017

* * *

Век мой белый, век мой красный,
Весь в бореньях поседелый,
Ты ужасный ли, прекрасный
Или просто обалделый.

Просто душу потрепавший,
Просто сердце простреливший...
Брат, в чужом краю пропавший,
Сват, в тайге сибирской сгнивший...

Кто ты мне, мой век-разбойник,
Резких красок злой метатель?
Прадед был кулак-раскольник,
Дед – партийный, председатель.

Красит лист октябрь подённо
В красный, в белый, в серебро ли...
Красный – с конницей Будённый,
Белый – Мамонтов, Шкуро ли...

Ты, Воронеж, в переливах
Цвета пёстр, в былое канул
Вихрем белого прорыва,
Маршем с красными полками.

В революцию, как в небо,
Вместе с памятью всплываю...
Век прошёл, а мне бы, мне бы
Примириться как – не знаю.

2017

* * *

Грачиный грай, дворовый плач,
И в горле комом день.
Кто был пророк, а кто палач,
И ты – венец их дел.

Впитав в себя, как листопад,
Оттенки их, тона,
Душа, цветастый тот наряд
Напялив, не видна.

В подъездах дум и в лифтах чувств
Искал лазейку в рай.
Был рядом куст рябины пуст
И глух собачий лай.

Пророк молчал, потупив взгляд,
Палач не прятал дрожь...
Рай – морок, а морóка – ад;
Друг с другом каждый схож.

Протиснись между или нет,
Какой кому в том прок!
Пророк от дум вздремнёт в обед,
Палач взведёт курок.

Карнизов зубы стиснув, день
В витринах сморщит лоб...
И первый снег, сдувая тень,
Вдруг наметёт сугроб.

2017

* * *

Дачный сюжет с виноградной лозой.
Скручены плети дымков от кострища...
Новый сезон открываем с тобой
В круговороте земной колготищи.

Радуюсь людям, галдят воробьи,
Облюбовали корявую грушу.
Что ещё нужно для поздней любви?
Чем оживить зимовавшую душу?

Годы для сердца – ни рай и ни ад.
Март раздувает от важности ноздри...
Ладим к опорным прутам виноград,
Чтобы продлить себя в солнечной грозди.

2017

* * *

Ходит по берегу чайка.
Плещутся волны у ног.
Чайка одна здесь хозяйка
Радостей всех и тревог.

В солнечный лик Светлогорска
Август вдыхает любовь
С рыжей песчаной полоской
В линии береговой...

В парке, под сенью вуальной
Сосен, кафе, фонарей,
Блеска пурпур виртуальный
Брызжет в сто глаз и бровей.

За санаторной оградой
Оздоровляемый люд...
Чёрное море – отрада,
Балтика – сердцу приют.

Голос услышав, неспешно
Чайка взлетает с песка.
Вечер курортником грешным
Двигается вглубь городка.

2017

* * *

Я в море Чёрное влюблённый,
Ты от Балтийского – с ума...
И наших чувств разъединённых
Не примирит никак зима.

О предпочтениях жарко спорим
На фоне теленовостей...
А за окном бурливым морем
Шумит прибой людских страстей.

От счастья светится невеста,
Хмельной старик ругает власть,
И дворник в поручень подъезда
Вцепился, чтобы не упасть.

Ноябрь играет гололёдом,
Как телом зреющий юнец...
До моря час всего-то лёта,
Но нет стремленья у сердец.

И надо ж так сосулькам свиться
В хрустальный терем на трубе!
Мне море Чёрное приснится,
Ну а Балтийское – тебе...

2017

БЛИНЫ

*Масленица, масленица!
Девкой к сердцу ластится...
Напеки-ка, тёща,
Сто блинов потолще!*

Здесь блинов не печётся румяных –
Отбродили в эмалях кастрюль.
Никого... Свищут ветры в бурьянах,
Будто тысячи вражеских пуль.

Жил тут Прошка – с Гражданской без глаза,
Глеб – с Отечественной без руки...
Жизнь опарой бежала, зараза,
С пылу с жару – и в бой мужики.

Бабка Доня пекла из пшеничной,
А сноха – из овсяной муки...
Ноздреватым блином горемычный
Век уплёл их за обе щеки.

А потом и отцов с матерями,
С пятистенками с кровлею в жель...
На картошке вприкуску с блинами
Мы росли, а чего ещё есть!

В перестроечном хмеле блудливый
Век на модных заморских дрожжах
Склёк, как блин у жены нерадивой,
Аж дыханье в зобу пережал...

Похожу по двору. Из сарая
Щели прошлым лицо обожгут...
– Замеси-ка блинов, дорогая:
Скуден что-то цивильный фастфут!

*Масленица, масленица!
Больно сердце кáзнится...
На закваске старой
Не встаёт опара.*

2017

* * *

Коснёшься в раздумье щекою коры
Шершавой от древности дедовой груши,
И память солдатом пойдёт на прорыв,
И сроки, и ритмы, и лица обрушив.

Бог с ними, что янки грозятся войной,
Что где-то в бегах всех мастей нувориши...
До неба над ширью и далью степной
Возносится груша от дедушки Гриши.

Стекаются к сердцу без пафосных слов
По колким щетинкам все токи земные.
Окрестные ветры, не тронув плодов,
Прносятся мимо, как силы чужие.

Спасибо, дедуля! Не жалко сжечь щёк
В шершавости той без огня и картечи...
Ты грушей мне сызмальства душу берёг
И в вере крепил, как монах, перед сечей.

2018

* * *

У юности есть имя и судьба,
У памяти есть образ поклоненья.
От одного к другому поколению
В сердцах не прекращается борьба.

Найдите мне иные времена,
Где счастье сплошь и отступили беды.
У юности всегдашний вкус победы,
А память ей для мужества дана.

2018

* * *

Пройди точку роста дневного сна
С четырнадцати до пятнадцати сорока,
И тогда поймёшь, какова она –
Жизнь, где сороки накликают сорока́.

Не в провинциальной убогой мгле
От миллионника в двух сотнях звериных вёрст,
А здесь, у крана с бадьёй на стреле,
С кучами мусора в ней вразброс и внахлёт.

Тут же – крест-накрест и запросто сквозь
Среди рубероида с щебнем – душа в тросах,
Чтоб не болталась от прочего врозь
И не срывалась, прогуливаясь в небесах.

Ей бы жить ниже, поближе к земле,
К собакам, кошкам, кузнечикам, даже червям,
Она ж рвётся вверх, чтоб пропасть во мгле
Космической агонии на радость чертям.

Раньше роща была – теперь вот дом
В двадцать три этажа, котелкой, как колбаса,
Двадцать четвёртый – безумцами неба слом
В мозгу с сорочьей песней на все голоса.

2018

* * *

Белым днём у всего на виду
В тщетных поисках сытного времени
Ходят дикие утки по льду,
По прозрачному,
скользкому,
первому...

На мосту легковушек затор,
В любопытстве сердца сочленяются.
Чьи-то губы рождают восторг,
Чьи со страха ледками ломаются.

Полдень гадким утёнком с тоски
Поспешает на выручку с берега –
Тенью зыбкою лечь у реки
Через лёд
молодой,
неуверенный...

Я от зрелища прочь не уйду,
Совершая, как птицы, скольжение...
Чудо чудное – утки на льду
Щиплют собственное отражение.

Пыль с холмов на версту. Ни снежка.
И морозов напасть несезонная.
Но сквозь лёд диким уткам река
Отдаёт голоса колокольные.

2018

* * *

Минута слабости – как вечность,
Минута силы – яркий миг.
Я эти дни сомкну в колечко
Счастливых разностей моих.

И будет в них февраль-проказник,
Смешав оттенки и тона,
Готовить масленицы праздник
С округлой щедростью блина.

И будут тонко петь капли,
Не заглушая птичий гам,
Чтоб мы быть сильными умели
И светлым верили слезам...

Минута слабости – что гостья,
Минута радости – жена.
Наверно, жить всегда непросто,
Но жизнь и в слабости сильна.

2019

* * *

Как тонко, как нежно и чуточку нервно
На сером, что свитер, клочке тротуара
Пиликают скрипками около сквера
Кленовые ветки – влюблённые пары.

Ещё до цветенья – недели, недели.
Утрами трава серебрится рогожей.
Но клёны предчувственно не утерпели –
Играют, играют до дрожи на коже.

Народ поспешает не к речке, не к плёсу –
К вокзалу ж/д и Петровскому саду.
Им вслед ненавязчиво льётся и льётся
Кленовая музыка вешнего лада.

2019

* * *

Сенокос на авиазаводе...
По краям бетонной полосы
Рой бензокосилок хороводит
Под жалейки шмеля и осы.

Лайнером из мотыльковых крыльев –
Без пилотов, стюардесс, ремней –
Запах трав бежит всё торопливей
За пунктир посадочных огней.

Над тоннелем, улицей, киоском,
Над толпой из любопытных глаз
Он взмывает в небо по-геройски
Для миров посланником от нас.

В настроенье слаженно-куражном
В утренние майские часы
Небу, видно, тоже очень важно
Окропиться капелькой росы.

Ничего в том сенокосе вроде...
Отчего же всякий раз потом
Вопреки погоде и природе
Сердце в выси рвётся мотыльком?

2019

* * *

Смятенье... И листья метут и метут
То ветры, то дворники здесь и повсюду.
Смятенье – рубеж, непокорный редут.
Смуценье... Смещение... Смешение люда...

Ты в гуще – затылок в затылок, рот в рот,
Не где-то поодаль, не сбоку, не с краю...
Орёт благим матом крутой поворот:
«Тут нет порубежного выхода к раю!»

Надрывное сердце кленовым листом
Впивается в глотку мятежного ряда:
«Мы все тут рождённые в муках Христом,
А ты нас толкаешь на поиски ада!»

Редут за редутом, рубеж к рубежу...
То ветры, то дворники... Скученно, ржаво.
Не осень – смятенье и пёстрая жуть...
А раньше тут просто дорога бежала.

2019

* * *

Я уеду от прошлого дальше,
Дальше детства, реки и излук,
Дальше дат и букетов из фальши,
Даже дальше любви и разлук.

Разве это потеря – уехать?!
Неизбывная память души,
Облачившись, как рыцарь, в доспехи,
Подвиг вечного смысла вершит.

Мир живёт напоказ, на потеху
И не терпит вокруг пустоту,
Отзываясь о прожитом эхом,
Окликая в грядущем мечту.

Лишь бы только пылила дорога,
Донник цвёл и щемило в груди
От всего, что так мало и много
Где-то в прошлом и там, впереди.

2019

* * *

Гадать – привычка скверная,
Загадывать – излишняя...
Давайте будем вербами,
Рябинами да вишнями.

Листвой с весны до осени
Пошепчем без истерики
У речки ли, у просеки
Или в цивильном скверике...

Давайте будем рыбами,
Молчащими и плоскими,
Чтоб страсти не могли бы мы
Сердечные выплёскивать.

Наверное, так проще нам
Себя с судьбою сращивать:
Любить в себе всё прошлое,
Ругать всё настоящее...

2019

РЕКА И РЕЧЬ

Александрю Нестругину

Река разбудит плеском зори.
И, эху утреннему в тон
Перекликаясь, осокори
Рыбачить позовут на Дон.

Не одного, ни с кем придётся,
Не в разобщённости пустой,
А вместе с далью, синью, солнцем
И с петушиной хрипотцой.

И в этой страсти пустяковой,
Когда полвека будто с плеч,
Взыграет рябью сквозняковой
Реки живительная речь.

Её чуть слышно над волною
Стремнин гортанный говорок
Подхватит с лодкой надувную
И отнесёт за поворот.

Под лёгкий шёпот краснотала,
Под журавлиный трубный зов
Не смолкнет речь: в ней нет начала
И нет конца средь голосов.

2019

* * *

Много ветра и мало любви
В гребнях снежно-сиреновой воли
Дней февральских, где чувства мои
Леденели и сердце кололи.

Я искал их на складках земель –
Незнакомых, знакомых и диких.
И клубился чудно, как метель
Над лепниной карнизов безликих.

Я по дебрям бежал напролом
Ради встреч, чтоб срастись или слиться.
Только снежно-сиреневый ком
Рассыпался на хмурые лица.

Я губами выкрикивал боль –
Гасла боль за пролётом ларёчным...
Чья-то ветрено-злая любовь
Завывала смешком неурочным.

Я лепил из снежинок тебя,
И клубились позёмкою нервы.
Ветер всхлипывал, словно дитя:
– Ну зачем... Ну зачем... Ну зачем вы?!

2020

* * *

Волосы треплет, волосы треплет
Ветер в периметрах парка Трёптов.
Сердце немеет. Томится душа.
В потных ладонях – будто цевьё ППШ...

Дети в сторонке. С натуры рисунки.
Девочка-немка с советским бойцом...
А у меня под рубахою струйки
Дедовой крови напополам со свинцом.

Вчера ещё жил легко, без запарки.
Что ж нынче зябко мне в Трёптов парке?
Дети рисуют смешных пап и мам...
Стоит ли расстраиваться по пустякам?

Ветер утихнет – не вечная ж сила,
Хоть и рвёт со статуй-коней уздцы...
А на Дону май... Победа в России.
На вражьих дотах проклюнулись воронцы.

Волосы треплет, волосы треплет
Ветер берлинский... Не злость и не лепет –
Трепет и боль от времён, от имён.
Кто замыкающий в шелесте русских знамён?

2020

ЗВОНОК

С.И. Рудакову

Знакомый профессор звонил на мобильник.
Профессор – философ, а в жизни политик:
Три срока уже депутат в местной думе,
Он духом советский, партийный,
со стержнем,
И взглядов своих не меняет с годами.

Морозец. Декабрь. Вместо снега – пылица.
Погодка, однако! Сюрпризы, капризы...
С чего же ещё начинать нам беседу?!
Погода – она и в Париже погода
И повод отличный винить потепление
Глобальное... В детстве ведь было иначе:
Сугробы до крыши, мороз на Крещение,
В апреле разлив, дня на три ледоходы.
Река, просыпаясь, гудела, как трактор,
Себя очищала в потоках от хлама,
И всё, что вмерзало, огромные льдины
От русла несли по воде к луговинам.
Сегодня не встретишь уже ледохода,
Где луг был – болото, камыш да осока...
Рельеф потепленья – оскал глобализма,
Калечит природу, меняет пейзажи,
Рвёт в клочья традиции, память и души.
Какая культура? Какое искусство?
Они не помощники в поисках смыслов.
И нет объективной реальности больше
В поэзии, прозе, театре и фильмах,
Лишь едкая пыль постмодерна и скуки.
Везде во главе пирамиды творящей –
Ваятели квестов, пороков, бесстыдства

С мошонкой,
прибитой к кремлёвской брусчатке...

Профессор расстроен, как древняя арфа:
«Однажды коллеге из Санкт-Петербурга
Показывал город. Мы шли по проспекту.
– А это не Бим Троепольского* разве?!
Гость долго крутил головой, изучая
Пустынную площадь напротив театра.
– А автору памятник где же? – спросил он.
И я ступешался, представь, как мальчишка,
Твердил: Бим – детишкам подарок, но скоро,
Возможно, откроют писателю тоже...
Гость с юмором был и заметил с улыбкой:
– Типичный сюжет, когда помним героев,
А кто их придумал, спроси – не ответим.
Для автора – это вершина признанья!»
Профессор ругнулся не то чтоб отборно,
С оглядкой на статус, и вдруг: «А ты слышал:
За хлебозавод Шаргунов** заступился...
Жаль, поздно схватились: трубу развалили
И мельницу тоже – остались руины».

Во время беседы с профессором грустно
Смотрел я в окно, наблюдая за стройкой.
Плевать на мороз – громоздили высотку
На месте, где раньше была мыловарня:
Её возвели в девятнадцатом веке.
Я помню те зданья: кирпичное чудо
Фасадов, фронтонов, узорчатой кладки –
Пример мастерства, обращённый в искусство

* Белый Бим Чёрное Ухо – имя собаки из одноимённой повести Г.Н. Троепольского.

** С.А. Шаргунов – российский писатель, депутат Государственной Думы России.

На радость живую для глаза и сердца...
Теперь же тут кран одноногий топтался –
Оловянный солдатик эпохи наживы.
Поодаль, за краном, у кромки этажной,
Опасно крутился вихрастый парнишка
С мобильником, делая селфи на память.
Он тоже творящий, ваятель, пуп мира...

...Зачем же звонил мне сегодня профессор?!

2020

* * *

Бабочка пальцекрылка – как Христос.
Крылья-руки распяла – знать, к чему бы?
Клён из-под прядей багряных волос
К небу-евангелию тянет губы.

Колокол грянул – гордыня прошла.
Что-то не так или так, как не надо!
Бабочка на коре – вразброс душа.
Ищет ли что у церковной ограды?

Сколько живу, не могу я понять
Смысл переменчивых пёстрых мгновений,
Где тебя бабочкой могут распять
Без обязательства на воскрешенье.

2020

* * *

Быстробегее время,
Быстролюбая плоть...
Верим или не верим,
Как себя побороть?

Ни в наём, ни в угоду
Нарезают круги
Быстрохожие годы –
То друзья, то враги.

Жизнь вращает свой джойстик
С ускореньем в сто крат.
Погодите, постойте ж,
Дайте сделать стоп-кадр!

Мы ж как лодки на суше,
На задворках в порту:
В щелеватые души
Гонит шторм пустоту.

Память – радость и бремя,
Опыт – груз и почёт...
Быстрозрелое племя
Лепит новый черёд.

Но и в плотном соседстве
Дней и судеб – гляди! –
Стародавнее сердце
Бьётся, бьётся в груди!

2020

* * *

Когда-то был я октябрёнком,
Носил на пóмочах штаны.
Зато желанным рос ребёнком
У мамы, папы и страны.

Когда-то был я пионером –
К добру и помощи готов.
Для малышей служил примером,
Надеждою – для стариков.

Когда-то был я комсомольцем.
Нас юность к подвигам звала.
И верил я, что жизнь даётся –
Вершить великие дела.

Когда-то был я коммунистом.
Ум, честь и совесть – всё при мне.
Шагал под знаменем лучистым
С мечтой о счастье и стране.

Когда-то был я тем и этим,
С реальным именем, судьбой.
Теперь я ник в глобальной Сети,
Мне никогда не стать собой.

2021

* * *

Смотрю я за окошко,
Считаю этажи.
Ещё совсем немножко,
И небо – где, скажи?

Рос тополь – ветка к ветке,
Поодаль – бузина.
Цементной пылью едкой
Их сень поглощена.

На сук не сядет ворон,
На ветку – воробей...
Душа крадётся воров
Среди сквозных теней.

Пройдёт ещё лет тридцать,
И удивится внук:
«А что такое – птица?
И для чего ей сук?»

2021

* * *

Не сгорал над костром мотыльком на лету,
От соблазнов хвостом не вилял, словно пёс,
Просто жил, даже если и не вмоготу,
Жил, с чем вырос и что через годы пронёс.

Не селился пичугой у гнёзд воронья
И зерна не таскал из кормушек чужих...
Это здорово – жить, никого не вина,
И себя не винить заодно среди них.

Я свободно и прямо хожу по земле.
Весь открыт для ветров из любой стороны...
Не вздувается пламя в остывшей золе,
Затухают сердца, если души больны.

Солнце дарит мне свет, звёзды – ночи красу.
Освежаюсь в грозу, а в метели грущу.
Мотылька пожалею, и птаху спасу,
Незлобиво на волю и пса отпущу.

Для того и дано имя мне – человек.
Остальное – всё ложь с погруженьем в молву.
Дни идут и идут, не кончается век...
Я живу на земле, я любовью живу.

2021

* * *

Давно не целовал твоей руки,
Как будто в этом не было резона.
Прогнозы лет, как в юности снежки,
Летят в окно по правилам сезона.

Пусть даже буду несколько смешон
На фоне дня, бульвара, снегопада,
Лицо по брови спрячу в капюшон,
Чтоб избежать взыскующего взгляда.

Шаги скользнут по линиям судьбы,
Споткнутся на запястье о морщины...
Прогнозы не спасают от мольбы,
А правила стареют, как мужчины.

Прости меня, что много-много лет
К твоей руке я не слетал, как птица.
Причин серьёзных оправдаться нет,
Есть повод в чём-то просто повиниться.

Как прах вчерашний, капюшон смахну,
И хлынет мир весёлый и цветастый
В мои зрачки. К твоей руке прильну
И тихо прошепчу: «Владей и царствуй!»

2021

* * *

Она бушевала манерно, как дамочка,
Вгоняла пространство в озябшую плоть,
Рыдала и тут же смеялась, когда ещё
Эмоций в себе не могла побороть.

Бросалась волчицей с холма по валежнику,
Почуяв добычу у поймы реки,
Затем возвращалась на прежнее лежбище
И в мёрзлую землю вонзала клыки.

Минуя бульвар с переулком по конусу,
Клубилась, как дым, и стелилась, как пух,
И пела волшебным, пронзительным голосом,
Лаская отчаянным путникам слух.

Она рисовала ромашки и лилии,
Лепила фигурки, чертила круги...
И не было в мире мгновений счастливее,
Чем женская шалость февральской пурги.

2021

* * *

В.Д. Лютому

Книга новая на тачке.
Типография. Мороз.
Осторожно носим пачки,
Как букеты хрупких роз.

Парень в шапочке – завскладом,
И водитель – давний друг.
Запах краски хоть не ладан,
Всё равно целебный дух.

Будто мы на шаг, но ближе
К Богу, истине, земле...
Нам бы больше умных книжек,
Не блуждали бы во мгле.

Души чаще б крепи в вере,
И в сердцах царил бы лад...
Распахнулись настежь двери –
Озарило солнце склад.

Грузим пачки – жар по телу.
И куда пропал мороз?
Не помеха холод делу,
Если в книге всё всерьёз!

2021

* * *

Е.Г. Новичихину

Внучка просит деда – огоньки из глаз:
– Можно я поеду тоже на Кавказ?

Дед – поэт на деле. Смеет ли претить?!
И не жалко денег внучку прокатить.

Самым скорым-скорым поездом с руки
Через степи, горы – и в Ессентуки.

Кисловодск, Минводы... Даже не гадай!
Этот край природы – для поэтов рай.

Спуски да подъёмы, неба окоём...
В веке неуёмном так ли все живём?

Вон Эльбрус в папахе, в бурке вон Машук.
Лермонтову прахом камень каждый тут.

Гениям же пули не страшней, чем ложь...
Что ж, взгрустни, лапуля, вырастешь –
поймёшь...

И, пока глядели, были солнце, зной,
Вдруг, как в день дуэли, дождь с небес стеной.

Знак или примета? Кто же разберёт!
Здесь душа поэта в вечности живёт.

Мчит по небу тучка – божий тарантас...
Съездит с дедом внучка на Кавказ не раз.

2021

* * *

Для Пушкина – Чёрная речка,
Для Лермонтова – Машук...
Сквозь дуло смерть без осечки
Проложит к сердцам маршрут.

Потомкам – память и речи,
Вершинам – снегов мундштук...
От пули на Чёрной речке
Качнётся седой Машук.

Не все из поэтов вечны,
Но ради того живём...
От эха на Чёрной речке
Заплачет Машук дождём.

Дуэлей скорбь скоротечна...
До крови скреби, рука
Певца, и лёд Чёрной речки,
И камушки Машука!

От давних трагедий не легче,
Рвут души и посейчас...
Машук и Чёрная речка
Спасут от беспамятства нас.

2021

* * *

Годы торопят, и жизнь нарасхват –
Оптом, в рассрочку и просто поштучно.
Разве из нас кто-нибудь виноват,
Что оказался в цивильной толкучке?

Хочется солнца, рыбалки, реки,
Книжки хорошей и женщины верной,
Но задыхаются в пульсе виски,
Словно матросы от дыма в таверне.

Жизнь – не базар, только разницы нет:
Кто продаёт, кто скупает с азартом
В чередовании смыслов и лет
Наше стремленье к небесному старту...

Воздух вдыхаю до хруста в хребте,
Вихрям противлюсь, как дедова кровля,
И на пути от мытарства к мечте
Не принимаю такую торговлю.

2021

* * *

Узкий двор. Дом-музей Никитина.
Снег неспешный и птичий след...
Если можете, объясните мне,
Нужен ли в век IT поэт?

Тишина, как в святой обители.
Нет тут времени. Сон. Игра.
Галки шлёпают в серых кителях
По былью в глубине двора.

Кружит снег... На граните надписи.
Жаль, не скажут они о том,
Как спасти себя от напастей нам
И себе же не стать врагом.

Ель склонилась к Ивану Саввичу,
Шепчет, будто бы жив поэт...
У Никитина я и сам хочу
Всё понять и узнать ответ.

2021

* * *

Храм Покровский. На морозце
День в сугроб румянцем влит.
Снегири как богомольцы –
В липах с песнями молитв.

Я и сам, подобно птицам,
Слыша звон колоколов,
Целый день готов молиться
В искупление грехов.

От земных недугов средство –
Небо в росписях лучей...
Знаю, легче станет сердцу
От молитв и снегирей.

И над всем житейским прошлым,
Над грядущим вешним днём
Кружит лёгкая пороша
Красногрудым снегирём.

2022

* * *

С крыш на солнышке – кап, кап, кап...
А в тенёчке снег – скрип, скрип, скрип...
В терпком счастье из хвойных лап
Мы на ощупь живём, на всхлип...

Нет другого – терпеть, терпеть,
Ведь терпение – жизнь и Бог..
А не станем терпеть – смерть, смерть:
Без зазыва – и на порог.

Чьи-то губы – к губам, к губам...
Чьи-то щёки – в огне, в огне...
Что обещано было нам,
Промоталось на стороне.

Лишь на солнышке – кап, кап, кап...
А в тенёчке до полдня – скрип...
Вынь из сердца занозу-кляп:
Не на всхлип надо жить – на вскрик!

2022

* * *

Еле-еле солнце в теле,
Время к ночи и луне.
Кто мы есть на самом деле
В уходящем этом дне?

Всё надеялись: износа
Свету нет и небесам.
И чертила тень вопроса
След орбиты по сердцам.

Не себя, конечно, жалко,
Не лучей, ещё живых.
Света нет – душе не жарко,
Значит, нечем греть других.

Хоть бы отблеск, хоть бы лучик...
Ночь. Луна. И лай собак.
Ничему года не учат.
Или учат, но не так.

2022

* * *

По клеточкам, по веточкам,
По синим лоскуткам
В сердца заходит вечное
И остаётся там.

Чирикает воробушком,
Порхает мотыльком,
Чтоб помнили хорошее,
Забыли о плохом.

Чтоб всё сиюминутное,
Всё сумрачное зло
Сменилось на уютное
Душевное тепло.

Горят на щёчках ямочки,
Влюблённый льётся бред...
У вечного мы ляпочки –
Тянуть идущих вслед.

2022

* * *

В сентябре всё дожди, дожди,
Хмарь небесная – с горизонт.
И грибов, поди, пруд пруди,
Что ни шляпка – роскошный зонт.

Жаль, натурой я не грибник,
Не охоч до лесной глуши.
Я с рожденья – степной мужик
С горизонтом в размах души.

Глянесь – всюду поля, поля,
В речке плавают облака.
И вмещается вся земля
В глубину моего зрачка.

Даже хмарь здесь совсем не та.
От того, видно, взор мой чист.
И с сорочьего длинь-хвоста
Грусть слетает, как жухлый лист.

2022

БРУСНИКА

Грянул первый мороз – и трава в серебре,
На подворьях всё громче утиные крики...
Прогуляюсь по лугу с утра в ноябре,
На болоте нарву горсть подмёрзшей брусники.

В девяностые кто-то из местных дельцов,
В предприимчивой хватке себя выражая,
Посадил здесь бруснику – аж тыщу кустов,
Но, к несчастью, собрать не успел урожая...

Разрослась куда зря – от ручья до бугра,
Одичала совсем у заросшего дота.
А когда созревать наступает пора –
Будто капельки крови роняет здесь кто-то...

Лает пёс за соседским забором с тоски,
Завывает, бедняга, в неволе от скуки...
Погружаюсь в брусничные эти деньки,
Как в озябшие – с улицы – женские руки.

И ныряю в ладони на пару секунд,
И глаза закрываю в растрёпанных чувствах.
Но кроваво-брусничные будни секут
И сердцам не дают от себя же очнуться.

А ещё этот ветер, сбивающий с ног...
А ещё эти сводки с фронтов на Донбассе...
И со всех переулков, с болот и дорог
Листья гонит, как души от взрыва фугаса.

2022

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ

Внуку Ярославу

Мы в «звёздные войны» играем с внучком.
Глазёнки – огонь, волосёнки – торчком.
Азарт – на Вселенную в тельце худом.
Уже монитор – ходуном, ходуном.
Внук щёлкнет по мышке – была ни была! –
И сразу планета свободна от зла:
От роботов, монстров и нечисти всей,
Кто лез покорить нас и править на ней...
Внук радостен, будто герой среди звёзд,
И верит, что всё происходит всерьёз.
Кричит: «Уничтожу и в пепел сотру
За маму, за папу, за деда, сестру...»

А я на диване поодаль сижу,
За «звёздными войнами» внука слежу.
Мне чудится детство, из палки – ружьё.
Не с монстрами бьюсь, зажимая цевьё.
Под танковый скрежет, под бомбовый свист
Я вижу, как в деда стреляет фашист.
...Смоленск. Окружение. Польша. И плен.
И мёрзлая свёкла картошке взамен.
Прикладом под дых: «Русиш швайн, не зевай,
Работай, работай или издыхай!»
...Дед выжил в аду, возвратился домой –
Герой безымянный, простой рядовой...

В растроганных чувствах я внуку шепну:
«А ну её к лешему – эту войну!
Ты храбро сражался и выиграл бой,
Теперь отдохнём на привале с тобой:
Планета по-прежнему к людям добра...»
...Игра хороша, когда просто игра.

2022

* * *

Вот и случилось: весна и война...
Щёлкают скворушки, бухают мины...
Так бы и вымарал из полотна
Всю неестественность этой картины!

Мне не хватает ни слуха, ни глаз.
Спешились чувства, готовые к битве...
Русские мальчики входят в Донбасс...
Скворушка, песня твоя – как молитва!

Жить бы мне, жить, не греша, не спеша,
Скуку лелеять в быту мимолётном,
Но заливаётся в крике душа,
Чтобы не слышался вой миномётный.

В трелях встревоженных кровная связь
Дух пробуждает – от деда до внука...
Русские мальчики входят в Донбасс
Ради живого скворчиного звука.

2022

* * *

Я не вижу войну – я учусь её слушать
Через грохот моторов на аэродроме,
Где в зенит устремляются МиГи и Сушки,
Словно кровные братья июльского грома.

И – на запад, на запад... Такая работа!
Каждый вылет –
 маршрут восходящему солнцу,
Чтоб в атаку на тьму русская шла пехота
За спасенье дончан и в защиту херсонцев...

Та война не идёт из меня, продираясь
Криком мёртвых детей
 в городах и на трассах...
Слушаю аэродром – душой надрываюсь:
Возраст мой вышел,
 но в чувствах я – на Донбассе.

2022

* * *

Извилист Северский Донец,
Что человечья мысль шальная.
В разрывах мин – надрыв сердец,
А посреди – земля большая.

Её не делят берега,
Не рвут, как псы цепные, в клочья
С высот снарядами врага
В англоязычной оболочке.

С обрывов лисичанских круч
Грозит костлявая с косою
Подстроить тройку новых Буч,
Взорвать цистерны с кислотою...

Но даже ворон не узрел,
Круги веками нарезаая,
Что будто тут лежит предел,
А за рекой земля – другая.

Нет, всё не так!.. И за Донцом,
У белых гор, у обелиска
Луганский юноша с отцом
За эту землю бьют нацистов.

2022

* * *

Спит Мариуполь – былинный герой.
Берег ласкает азовский прибой.
Краны в порту громыхнут иногда –
С рейда гудком отзовутся суда.
Звёзды баюкает в небе луна.
В степь за курган откатилась война.
Лишь в катакомбах завода густы
Запахи пороха и наркоты.

Спит Мариуполь – без мин и боёв.
Бездной зияют глазницы домов.
Жизнь продолжается. Жизнь не убьёшь.
Высохнут слёзы, как утренний дождь.
Город очистят от ран и руин
Жители, воины – все как один.
– Тихо-то как, – выдыхает старик
Возле подъезда, – совсем ведь отвык...
А за углом, где сирени кусты,
Парень с девчонкою строят мечты.
Соорудили из веток скамью.
– Любишь – признайся?
– Да, очень люблю!

Спит Мариуполь... От счастья вольна,
Плещется в берег без страха волна.

2022

* * *

Памяти командира батальона «Спарта»
Владимира Жоги с позывным «Воха»

Погиб товарищ Воха...
Война – часть бытия.
Но Вохина эпоха
Жива, как и земля.

Гордится Волноваха,
И знает весь Донбасс,
Что честь сильнее страха,
А подвиг – ради нас.

Тут родина – не доллар,
А счастье – не безвиз...
И смерти нет у долга,
Когда и смерть – за жизнь.

В боях мужает племя.
И каждый – Вохе брат...
Они штурмуют время,
И с ними – их комбат!

2022

* * *

Ночь вымерит взглядом комбата
Посты, снаряжение, танки
И ляжет солдатским бушлатом
На стылое тело землянки.

И выпорхнет сердце за бруствер
Случайной испуганной птицей.
И звёзды вползут по-пластунски
В траншеи, чтоб в них закрепиться.

И месяц – космический коптер,
Мелькнув отражением в луже,
В мгновеньях правды окопной,
Как все, уповаает на дружбу.

Он верит в победу, и Бога,
И в крестик под тёплой тельняшкой,
И что отоспится немного
Наутро в соседнем овражке.

А дальше – как будет, так будет.
Вернётся заря из разведки...
Война – вереница из буден
С забытой в бушлате конфеткой.

2022

* * *

Теперь уже, когда другое племя
Из пламени Донбасса родилось,
Мы провожаем собственное время,
Что перестройкой с пафосом звалось.

Оно нас расщепило до молекул –
От Беловежской Пущи до Курил.
Мы истреблялись вместе с нашим веком:
Он был нам отчим, он предатель был...

И в дни, когда с донбасскими дымами
Вдыхает юность свой победный миг,
С тревогою глядим за пацанами,
Чтоб, как отцов, не предавали их.

2022

* * *

Время стрелять и не время прощать.
Время ломать, чтобы строить потом.
Зло повторяется в мире опять,
Мир упивается заново злом.

Хочется зубы до скрежета сжать,
Губы кусать до кровавой слюны...
Странное время – желанье стрелять
И не прощать с появлением войны.

Войны приходят неожиданно, как дождь
Или как ненависть после любви...
Чтоб понималось, где – правда, где – ложь,
Сердце в помощники чаще зови.

Всё перемелется – будет мука
В юных висках и горчинка в зрачках...
Если стреляли в былые века,
Чем же кто лучше в текущих веках?

Мир обрушается в чём-то большом,
Мир не меняется в мелких штрихах...
Время стрелять, чтоб прощалось потом
И не пылало стыдом на щеках.

2022

* * *

Пока я жил в один мазок,
Почти в набросок,
Мир с полотна сошёл в песок
Снегами с просек.

И был художник именит,
И своенравен,
Творил меня, как Бог велит,
Как совесть правит.

Небритость – в несколько недель,
Глазища – с обруч...
Штрихами в лёгкую метель
Рождался образ.

Скрипел по сердцу карандаш –
Туда, обратно...
Входил с художником я в раж –
В свой, неотвратный.

Но и в набросках, и в мазках
Душа – на милость! –
В моих недрёманных зрачках
Вся отразилась.

Не по касательной, не вскользь,
А с ходу, с бою
Прошла блаженная насквозь,
Чтоб быть со мною...

Я душу берегу как есть:
Она ведь – знамя.
Ютится где-то слева, здесь.
Я точно знаю!

2022

* * *

Время ты, времечко – прялка бабуси.
Что ни случилось бы – ссучена нить.
– Кончу куделю – другою займуся:
Зиму-то надо хоть как пережить!..

От Покрова и до Пасхи Христовой
Крутится, вертится веретено.
– Будет бойцам на Донбассе обновы...
Было ж такое, пускай и давно!

Нет перерыва у прялки бабуси.
Что ни куделька – Господен ей суд...
Овцы – в хлеву, в палисаднике – гуси:
Хлопают крыльями – время пасут.

– Бабушка хватит, устала, наверно!
Можно ли днями сучить да мотать?..
Русское время – бабушина вера
И в Иисуса, и в Родину-мать.

2023

* * *

Разожгу камин. Затрещат дрова.
Будет в сердце жар, в голове – дурман.
Я прильну к плечу, прошепчу слова
И пойму, что сам без вина я пьян.

Положу ладонь на твою ладонь.
Меж ладоней – жизнь на двоих одна,
И одна любовь, и один огонь,
И единый мир в глубине окна.

Отработил день. Ночь под Рождество.
Колокол едва сердцу уловим.
Если б знал камин, было каково
Сберегать огонь наших лет и зим.

Отгоревший миг для сердец – не шлак...
Тихо ходит снег от ручья к сосне,
Не меняет путь, не сбавляет шаг,
Продлевает век и тебе, и мне.

2023

* * *

Дождаться апреля – и к предкам
Поехать на родину. Там
Синицей докучной соседка
Вспорхнётся – и рада гостям.

Поманит крылами к погосту,
К родительским тихим крестам.
– Куды дольше жить – девяносто?!
Избави Господь, чтоб до ста...

И выплеснет жалость рекою
Из чуткого сердца она:
– Вон горе-то нонче какое,
Как в нашенском детстве – война...

Одна я на целой серёдке,
Других не осталось годков.
Недавно помёр и Серёнька –
Последний из всех мужиков...

Спасибочки, птица-синица,
За светлые в грусти часы,
Что есть нам куда возвратиться
Из чёрной своей полосы!

2023

* * *

По мёрзлым былинкам бурьяна,
По льдинкам на дне колеи
Зима к нам приходит неожиданно,
Как тайная весть о любви.

Как вера – в себя или близких,
Как птичье паренье ресниц
Девчонки из школьной записки
В заоблачных высях страниц...

Как заячий след – на сугробе
И стёжка – по соснам к реке...
Как самое важное – чтобы
От ненависти вдалеке.

Чтоб в поисках нужного счастья
Январь не слетал кувырком,
И к светлому был бы причастен,
И тёмное скрыл бы снежком.

В желанье быть чутким и точным
Черкнёт пусть на полном бегу:
«Останься, любовь, многоточьем
На чистом январском снегу!»

2023

* * *

Вдох – на выдох и выдох – на вдох.
Дышим, дышим, и значит – живём.
Ветры сеют свинцовый горох,
Превращая Донбасс в смертозём.

В ветрах – гарь, хоть хватай горстями.
В хатах рыщет спецназ сквозняка...
У калитки мальчик лет восьми
Укрывает под курткой щенка.

Дышим, мать твою, дышим в такт!
Нам дыхалка в сраженьях – как Спас.
Сердце – сорванный танковый трак
Под огнём с терриконовых трасс.

Вёсны будут, и будет тут сев.
Ты погодь-ка, дружок ячменёк!..
С гранатомётом на холм присев,
Дышит через прицел паренёк.

Он оставил за Доном поля,
Для него страда сегодня – война.
Он-то знает, как дышит земля
И как стонет от боли она.

Вдох – на выдох... И новый вот вдох...
В счастье – выдохнем, в горе – вздохнём.
Слушай землю, пока не оглох:
Не помёрла... И мы не помрём!

2023

УЛИЧНЫЙ ГАРМОНИСТ

На углу Комиссаржевской,
Вдоль пилеястр кинотеатра
Ходит люд – мужской и женский –
То туда, а то обратно.

Ходит, думает о всяком,
О плохом, и о хорошем,
И о том – пора бы слякоть
Заменить уже порошей...

В перекрестье судеб встречных
В тёмной курточке кургузой
Гармонист поёт сердечно
Песни бывшего Союза.

Токарь высшего разряда
С оборонного концерна
В горбачёвскую разрядку
Для державы стал не ценным.

Слава улиц – мёда ложка.
Нет обид на век коварный.
Даже рад, что на гармошку
Поменял станок токарный.

Он по кнопочкам пройдёт
И зальётся баритоном.
На столбе фонарь качнётся,
Вспыхнет ярче на полтона.

Мастер уличного пенья
Ладит гаммы как детали,
В общей массе – для веселья
И отдельно – для печали.

Сохранил он честь и душу,
Пережил позор и беды...
– Спой-ка, батя, про Катюшу...
– Не-е, сперва про День Победы!

2023

ВЕЧНОЕ И ЗРЯШНОЕ

Краткостишия

ЗА СТРОКОЙ – СТРОКА

Над огрызком карандаша
Бьётся трепетная душа.
И летят – за строкой строка! –
Время, судьбы и облака.

1990

СОЛДАТОМ ИДУ

Словно бы спятили в крике вороны.
Сжался над парком осенний денёк.
Листья, как сорванные погоны,
Липнут на грязные плечи дорог.
Честно окончена долгая служба.
Клёны столпились в нестройном ряду...
Сердце, ну что тебе, милое, нужно?
Снова на зов твой солдатом иду.

1991

ЖИЗНЬ ЦВЕТАСТАЯ

Жизнь не чёрная, не белая,
Жизнь цветастая, как сад,
Где, от яблонь очумелые,
Пчёлы царственно парят;
Где соседская красавица,
Щуря синие глаза,
Смотрит так, что сердце плавится,
Будто в них – гроза, гроза...

1992

ПОСЛЕ ССОРЫ

Научиться бы жить, не страдая,
И любить без печали и слез,
Чтоб пчелою душа молодая
Трепетала над клумбою роз;
Чтобы звёзды спускались в ладоши;
Чтобы камень ласкался с волной...
Ах, мечты в этот день непогожий
После ссоры с тобой!

1993

БАРЬЕР И КАВАЛЕР

Года ведут к барьеру.
И ты как кавалер
Готов сменить карьеру
На шпагу и барьер.
А если нет, к примеру,
Ни званий, ни карьер,
То все равно – к барьеру,
Чтоб знали: кавалер!

1996

ВКУС И ИСКУС

Живи и не думай о вечном.
У вечного – собственный вкус.
Хотелось бы быть безупречным,
Счастливым сверчком запечным,
А вдруг это только искус?
И утром не встретишь восхода,
И птицы откажутся петь.
...Хотелось бы быть первородным,
А вдруг она не плодородна,
Мертва – изначальная твердь?

1998

СТАБИЛЬНОСТЬ И УЧЁТ

Уже акация цветёт.
Уже любовь не ищет страсти,
А лишь стабильности отчасти,
Где – что ни день, то свой учёт.
Времён не нарушая ход,
Не устремляя шею в петлю,
Грустим и любим безответней,
Пока акация цветёт.

1999

В КОПТИЛЬНЕ ЛЕТА

В июльский зной, в его грозу
Без понуждения вползу
И, трижды влечь перекрестясь,
В коптильне лета, как карась,
Лениво сплавлюсь, чтоб душа
Жирком подкожным изошла
И золотилась до поры
Румяной корочкой жары.

1999

ВЕЧНОЕ И ЗРЯШНОЕ

Приворожи и не оставь
На сердце пятнышка вчерашнего,
Где мы смешали сон и явь
Чего-то вечного и зряшного.
Не дорожи – наш долгий путь
Потомки выверят когда ещё...
В крови свершившаяся суть
Кочует в поисках пристанища.

1999

НРАВИТСЯ ОСЕНЬ

Мне нравится осень дождливою,
Неспешною и морозящею,
Клоками тумана висящею
У старой запруды над ивою,
И нас ни о чём не просящею.
Мне нравится осень стыдливою,
Без буйной листвы облетающей,
Совсем по чуть-чуть убывающей
У старой запруды под ивою,
Любимую напоминающей.

2001

ДЕШЁВЫЙ СПОСОБ

Писали классики в альбомы,
Читали чувственные девы,
Мигренью мучились неделю,
Не покидая спален дома...
Теперь альбомов нет. Девицу
Строкой не сманишь – способ дешёв.
И разве старую вахтёршу
Застанешь спящей над страницей.

2001

ВЕРНЫЕ РЕШЕНИЯ

Под натиском верных по сути решений
Окажется мир этот хрупок и тонок,
Когда в вороха золотые мгновенья
Сгребём мы на прутиках гибких метёлок.
И дворник сигарку расплющит подошвой,
И сплюнет на кучу вчерашнего чуда...
И осень ранимой седой книгоношей
Шарахнется в сторону, словно от блуда.

2001

ВОПРОС

Скажи, ну что же в том хорошего,
Когда в душе твоей на грош
Живёт принцесса на горошине,
На доллар – уличный Гаврош?

2002

ОТКРЫТИЕ

Наш век не выдан нам на вырост,
И для меня нет места в нём.
Никто из нас страны не вынес
Из хат, пылающих быльём.
И липнет к пяткам гарь столетья.
И новый век на злобу дня
Провозглашает быть в ответе
Опять за всех – не за меня.

2002

ДУША ПАРИТ

Река Битюг не вошла в берега:
Она пустилась в бега – в луга.
Болотцев сотни и озерков,
Десятки русел и островков.
Куда же править, ступить – куда?
Душа в смятенье: кругом вода.
Но что за чудо и что за вид:
Душа в восторге, она парит.

2003

БЫЛО – НЕ ПРОШЛО

Ведь было в нас что-то, и мир этот был.
Меня ты любила, тебя я любил.
И дождик слепой на качелях-лучах
Задорно раскачивал девичий страх.

И ветер листвою шуршал, как жених,
Чтоб ветку сирени сломать на двоих.
Да нет же, не было, ещё не прошло.
Готовит любовь для полёта крыло.

2003

ДВУЕДИНСТВО

Метельная округа.
Мятежная страна...
Не могут друг без друга
Здесь Бог и Сатана.

2004

ЗНАЮ НАПЕРЁД

Люблю ли я, ответить не готов.
В сумятице душа, как от ликбеза.
Я буду завтра каяться без слов
От чувств похмельным слесарем из ДЭЗа.
Пускай запишет август в мой доход
Авансом все не пройденные дали,
Любил я точно – знаю наперёд,
И за любовь я не прошу медали.

2004

СЕРДЦЕ И ТОСКА

Третий день метели,
Третий день тоска...
Жили мы – как пели.
Песня – коротка.
И мороз, и солнце –
Ясные деньки...
Что же снова рвётся
Сердце от тоски?

2004

ДОЛЯ

Заблудился я, что ли?
Не пойму, как живу.
Я гоню свою долю,
Словно ветер листву.
«Ты куда её гонишь?»
В чьи края-рубежи?»
«А за город Воронеж...»
«Это где ж, покажи!»

2004

ПЕЧАЛЬ И ПОКОЙ

Скучающий куст молочая.
Июльская душная даль.
Мне эхо на клич отвечает:
«Зачем тебе эта печаль?»
На сердце и горько, и знойно.
Ошпарен глухой пустотой.
И шепчет камыш беспокойно:
«Зачем тебе этот покой?»

2004

НЕ У ВСЕХ

В моем окне на север
Ни солнца, ни луны,
Лишь горизонта веер
С холодной стороны.
Качают липы мрачно
На мёрзлых ветках снег...
Бывает ли иначе?
Бывает! Не у всех!

2005

ТЩЕТНАЯ ПАМЯТЬ

Я говорил – сидела ты в печали,
И ты была в молчании права.
И звёзды нашу искренность качали,
Не различая в дальностях слова.
Я их шептал как святцы, как молитву,
С любовью путал истину подчас.
Ломилась память тщетная в калитку
И серой мглой окутывала нас.

2005

ГОДЫ И ЗОРИ

Годы – не зори,
Годы – вода,
Мелкое горе,
Злая беда.
Зори погаснут,
Вода утечёт...
Годы всечасно
Катят вперёд.

2005

ТРУДНО БЕЗ ВИНЫ

С виду я образцовый начальник:
Стол в бумагах, в заботах – башка.
И на людях – не хмур, не печален,
Ровен – как гробовая доска.
Мёю волосы каждое утро,
Бреюсь начисто, глажу штаны...
Делать это не то чтобы трудно,
Трудно жить так без всякой вины.

2006

НА ДНЕ

Такого дна, такого перегруза
Не знала ты, душа моя – обуза.
Как дремлетя поодаль от ракушек,
Где каждый норовит друг друга скушать?
Терпи! Когда-нибудь из тьмы на свет
Ввысь вознесёт счастливый твой билет,
Туда, туда – в воздушный слой планеты...
Там нету дна, но и бездонья нету!

2006

СКУЧНЫЙ СУМРАК

Метёт пурга. Скучают мысли.
Одолевают сон и лень.
Качает вечер коромыслом
Нежданной мысли свет и тень.
Отмерен, и ополовинен,
И взвешен наспех, кое-как,
Небесный сумрак сам повинен
За совершённый кавардак.

2006

ДВЕ СТОРОНЫ

Живу на чётной стороне –
И столько светлого во мне!
А на нечётной стороне –
Душа во мгле, душа в огне!

2006

В ОДИНОЧКУ

Ты живи себе, не парься,
Ум в тоске не напрягай.
Каждый божий день по пальцам,
Как цыплят, считай, считай.

Загибая от мизинца
До большого, не забудь:
В одиночку сердцу биться
Трудно очень... Рядом будь!

2006

ДАВЛЕНИЕ НА ЧЕСТЬ

Когда друзья забудут,
А жёны предадут,
Покинутым повсюду
Приюты возведут.
Пускай наивно верят,
Что справедливость есть,
И лишний раз не мерят
Давление на честь.

2006

БЕЗОТВЕТНЫЙ ВОПРОС

Кому несёшь своё ты слово?
К нему бесчувственно глухи
В хлеву жующие коровы
И на насесте петухи.
Глухи премьеры, президенты:
У них свои слова – указ...
Твоё – уложено в конверты,
А их – гуляет напоказ.

2006

БОГАДЕЛЬНЯ

Снежным дням говорю: «Побудьте!
Помашите метлой метельной,
Чтоб кому-то собачья будка
Стала лучшей богадельней;
Чтобы души ломались с хрустом,

Как начальные в речке льды,
В необузданном нашем русском
Понимании красоты».

2007

БАГАЖ

На старом багаже
Уеду далеко.
Ещё или уже,
Но чувствую: легко!
Багаж моей мечты
Спокойно спит в авто.
Багаж мой – это ты.
Я без тебя – никто.

2007

БЕРЕМЯ И БРЕМЯ

У меня откололось ползуба.
Ну, ползуба – ещё не полнеба.
А под кроной у вечного дуба,
Вызрел желудь краюхою хлеба...
Ох, чудны же дела твои, время!
Мы чудны, твои дети, не меньше.
Ты – беремья, а мы – твоё бремя,
Точим зуб на тебя безутешно.

2007

МАЕТА

Оскал клыков, звериный рык.
Свинцовая округа.
Оставьте веру, и язык,
И рядом голос друга.
Всё остальное обрету,
Зубами вырву напроць.

Вот только сердца маету
Не уложу я навзничь.

2007

БУДЬ СЛЕПЫМ

Обвинят ли в грехах,
Уличат ли в тоске?
Возведут впопыхах
Зыбкий дом на песке.
И оставят таким,
С миром выведут в свет...
Будь слепым и глухим –
Без любви и без бед!

2007

ПРОЗРЕНИЕ НА ГОРЕ

Подняться в гору, увидеть долину
С клубящихся пределов громовых...
Остаться вровень с песней журавлиной,
С пространствами со всех сторон земных.
Взойти туда по внутренней потребности –
Без рук чужих, без посторонних глаз...
И вдруг прозреть, что душу давит небо
Сильней земли в такой высокий час.

2007

ПУРГА

Снега обступают. Ах, если б снега –
Трёхдневная злая колдунья пурга!
Не просто метёт – по-звериному рыщет.
Тоскует по ком ли? Кого-нибудь ищет?
Всех умных и добрых до крыш замело,
Всем алчным и злым, как всегда, повезло...

Лишь сердце с пургой не желает мириться
И тычется в грудь, как в окошко синица.

2008

ШТРИХ-КОД

Ты не живёшь – порхаешь мотыльком,
Мир для тебя – весёлый гипермаркет,
Где всё по полкам – валом и рядком:
Шампуни, гели, лаки, кофеварки...
Восторга потребительского храм
Давно из душ выцеживает Бога,
И упаковок разноцветный хлам
Становится иконою двуногих.

2008

ШЁЛ ДОЖДЬ

Шёл дождь внезапный, проливной.
Шёл – ни осенний, ни весенний,
А весь до капли неземной –
Без туч, без гроз и потрясений.
Он лил из звёздной глубины,
Из мирозданной, непробудной...
И были в струях не видны
Ни лик Христа, ни образ Будды.

2008

ЦВЕТА И КРАСКИ

Не люблю цветастый шёлк заката –
Одеянье ношеного дня:
В нём оттенок грусти и утраты,
Этот цвет пока не для меня.
Я люблю льняной платок восхода
С золотистой свежестью зари...
Даже в красках мудрую природу
Не обманешь, сколько ни хитри!

2008

НЕСУ В ПОДОЛЕ

Разве мне-то в моём положенье...
Разве мне при знакомых в Кремле...
Опустился до стихосложения,
Что нажил, то несу в подоле.
Понимаешь ли, есть и севрюга,
Есть камса, и минтай, и тунец...
Нет в моём положении друга,
А коллеги – кто вор, кто подлец.

2008

И Я ТАКОЙ

Теплеет климат – мёрзнут души.
Они черствей и холодней.
Лад равновесия порушен
Слепой гордынею людей.
И я, и я такой, не лучше!
Один из миллионов тех,
Кто замыкает цепь заблудших,
Утяжеляя общий грех.

2008

ВСЁ РАВНО

Ну, подумаешь – жил
Камышинкой в пруду.
Ну, подумаешь – был
На виду, на виду!
Жить да быть – не умно.
Быть да жить – это да!
Большинству всё равно...
Вот в чём наша беда.

2008

БОЛТОВНЯ

Живёт пустая болтовня
Внутри меня и вне меня.
Прошу её: «Уйти изволь!
Глаза без дела не мозоль».
А болтовня, а болтовня,
Та, что сидит внутри меня,
Подружке шепчет той, что вне:
«Мир держится на болтовне!»

2008

ДУША СИГНАЛИТ

Не гомоните: я ещё не умер!
И не топчитесь в глубине двора.
Моя душа, замкнувшая как зуммер,
Сигналит мне живее, чем вчера.
Очищенный от всяких наслоений,
Остатки пыли отряхну с ресниц
И, проморгавшись, с лёгким удивленьем
Не обнаружу рядом чьих-то лиц.

2008

НЕУМЕСТНЫЙ ТОРГ

Они от меня не желали бунтарства,
И я запросил у них только полцарства,
Полцарства всего за чужое коварство!
...За слово, живущее в пропасти сердца.
...За чьё-то смешное в трагизме соседство.
...За крик, за любовь и за страх самоедства.
Зачем мне бунтарство?
Зачем мне полцарства?
Не мог, не могу, не терплю торговаться.
Возьмите всё сердце, чтоб не надрываться!

2008

ЖЕСТОКИЙ РАСПОРЯДОК

Не сумраком дремотным,
Не птицей взаперти –
Живём с рефлексом рвотным
С восьми и до пяти.
Жестокий распорядок.
Чуть выбился – тебя
Раздавят сотни пяток
Чинуш, служак, жулья.

2008

СЕМЬ ЧАСТЕЙ

Моя земля – семь округов,
Семь резерваций маргинальных.
В них нет давно оригинальных
Лучистых глаз, открытых лбов.
Моя земля – клубок страстей
Семи погод, семи ненастий...
Случилось страшное несчастье:
Я сам разъят на семь частей.

2008

ОТКРОВЕНИЕ ОТ МАРГИНАЛА

Я сложен в четыре тетрадных листа,
Чтоб там не вместились ни мысли, ни духа.
Натура моя далека от Христа,
И самое ценное в ней – это брюхо.
Я думаю брюхом, я брюхом люблю.
А есть у меня и ещё одно место:
Я им свои думы и чувства давлю –
Так брюху не тесно и жить интересно.

2008

ПОРТЯНКИ

Говорят, нас с тобою отправят в отставку –
Две портянки с упревшей солдатской ноги.
Раскроют на клочки и засунут под лавку,
Чтоб забыли скорей про свои сапоги.
За победы другим достаются награды.
Сколько жаждущих мнётся у важных ворот!
Посмотри, как они нескрывая рады
Разом кинуться слизывать скисший пот.

2008

НЕ СУДИ ЛЕГКО

Тот пока не уходил,
Тот ещё не возвращался...
Кто-то выбился из сил,
Кто – из сердца в одночасье.
Не кори их сгоряча,
Не суди легко об этом.
Всем в последний путь – свеча,
Восковой огарок света.

2008

ПРО ГЛОБАЛИЗМ

Мир устал от геноцида,
Как сорняк от пестицида.
Не поможет даже клизма
От запоров глобализма.

2008

НА ВЫРОСТ И ВРАЗНОС

Из здешних мест приятней не найти:
Река, холмы – за самый горизонт.
И дымчатый, как ангел во плоти,
Ракитовый кустарник в зыбях вод.

Как трудно жить на вырост и вразнос,
И ящеричьим гибким языком
Снимать с травинок изумруды рос,
И от опасности нырять под бурелом.

2008

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Мало проку, много грязи...
Что поделаться, таковы
Все общественные связи –
Боль здоровой головы.

2008

УЗЕЛОК

Дом. Проулок. Сад. Плотина.
Пустота – что вверх, что вниз.
Камышину с паутиной
В узелок связала жизнь.
Речка. Берег. Вербы, вербы.
Осень. Дым. Слоистый смрад.
И струной по телу – нервы...
Что ж тебе молчит, брат?

2008

ПРОЩАНИЕ

Я вчера попрощался с домом –
Дом в ответ проводил меня.
Дымной струйкой в долине Дона
Просочился остаток дня.
До рассвета – ни дня, ни ночи,
До заката – и день, и ночь...
И прошу я у Дона мочи
Дно бездомное превозмочь.

2008

ВОПРОШАНИЕ

В светлый день Казанской Божьей Матери
Лишнего себе я не прошу.
Об одном молю, как не утратить мне
Веру, что в душе своей ношу.
Дорожу дедами я и бабками,
В памяти храню не за пятак
Дни, когда таскал я им охапками
С луга солнце с сеном на чердак.

2008

ПОЭЗИЯ – НЕ РИНГ

Я не встречал поэзии для хохмы,
Стишки, пожалуй: легковесный жанр.
В их болтовне живое слово гложет
И, как в трубу, уносит сердца жар.
Поэзия – не ринг для зубоскалов,
Для шалунов и мелких шутников.
Она – меж рёбер роковое жало
Сквозь сердце до грудин материков.

2008

БУДНИЙ ДИАЛОГ

На полуслове прервано дыханье.
Но выдох был и повторился вдох,
Чтоб в воздухе повис напоминаем
Незавершённый будний диалог.
Пылинкой каждодневного общенья
Клубился он, не согласуясь, рос
И вдруг в одно нескладное мгновенье
Потребовал ответа на вопрос.

2008

ПРО ГАЗ И ГЛАУКОМУ

Позади – Новый год, Рождество и обжорство.
Впереди – перекрытые с газом задвижки...
На хохлов с москалями дивится Заморство,
По славянским сердцам раскидав свои фишки.
Холодает заметно. И дело не в газе тут только.
Просто оттепель в мире – почти глаукома...
Крыть в России дома опрометчиво тóлью,
Лучше жестью, а может быть, даже соломой.

2009

ПРИЮТ

Заблудшая душа нашла приют
В снегах глубоких, в трепете свечи...
То не метели – ангелы поют
Или сверчки в расщелинах печи.
То на реке, тревожась, камыши
Метёлками сметают с полдня снег...
Не легче участь у твоей души:
Пройти по кромке, не сорваться в грех.

2009

СЧАСТЛИВЫЙ ФИНАЛ

Всё ближе развязка. Финал за углом
Фортуны за талию радостно тискает.
В истории той с непонятным концом –
На память лишь фотка с улыбкою кислою...

2009

НЕ ПРОБИЛ ЧАС

Мышиная возня
Без глаз чужих, в тени...
Кто вытянет меня –

Тяни, тяни, тяни!
Ещё не пробил час,
Не наступил тот миг,
Чтоб в наш с тобой анфас
Врезали профиль их.

2009

ТРАВА ЛЕБЕДА

Глухое затишье. Трава лебеда...
И писем не пишут. И в рюмках – вода.
И платье на рюшках скосилось по швам.
И кажется: вьюжит уже по вискам.
Уходим бесславно. Сменяют кто зря.
Затишье – как знамя большого вранья.
Подчёркнуто вежлив пейзаж за рекой:
Не давит, не режет, не душит собой...

2009

ПОСЛАНИЕ ПОРУЧИКУ КИЖЕ

На имя моё наложили запрет,
На память мою нацепили корсет.
Я есть – и меня одновременно нет.
Привет, легендарный поручик Киже.
Ты ждал меня в гости? Я – вот он уже.
Сойдёмся, дружище, в одном кураже.
Не спрашивай имени, в память не лезь.
В них – чьи-то игра, озабоченность, лезть.
Важнее, что оба в России мы есть.

2009

ТАК ЛЕГЧЕ

Легко рассуждать на досуге,
Когда граммов триста в груди
Рвут с душ сыромятных подпруги,

Не ведая, что впереди.
Наверно, так лучше и легче.
Нельзя постоянно в напряг
Жить, чтобы вгрызалась в заплечья
Ремённая свора дворняг.

2009

НЕДУГИ

Обложенный то насморком, то ложью,
Недугами, я навзничь не уложен.
Ещё бодрюсь, шучу и верю в дружбу,
Намериваюсь летом съездить в Джубгу.
Не Бог весть что из выбора, но всё же
И по карману, и – пардон! – по роже...
Всё остальное, кажется, нормально:
То ложь, то насморк, то на морде марля.

2009

ПОРА

Тогда была нелепая жара
И каждый день – подобный испытанью.
Ты Пушкина: «Пора, мой друг, пора!..», –
Читал с улыбкой, будто в назиданье.
Зачем – пора и для чего – пора?
Куда мы рвёмся, наглухо зашторив
Сердца, чтоб эта жуткая жара
На наши души нацепляла шоры?

2009

ЦЕЛЕБНАЯ АКУСТИКА

От кустика до кустика,
С травинки на травинку –
Целебная акустика,
Пчелиная пластинка.

Густое, злое, серое,
Беззвучное, щемящее
Немым, пустынным берегом
Ушло из дня звенящего.

2009

СРОКИ И ПРЕДЕЛЫ

Луна похудела,
Листва поредела.
Над поймой туманы
Белёсо-багряны.
На ветках сороки
Судачат, что сроки
Достигли предела:
Луна похудела,
Листва поредела...
Как жизнь оскудела!

2009

БЛИЖЕ К ВЕЧНОМУ

Ближе к вечному – зори прохладней,
Дни короче и ночи длинней.
И у чувств – горизонт неотвратней,
И у мыслей – вершины скромней.
Ближе к вечному – чаще и строже
Спрос с себя и с других заодно.
И для чувств всякий выплеск – до дрожи,
И для мыслей – отчётливей дно.

2009

КТО ВИНОВАТ

Старый вяз – разлапистая суть.
Осень в тихом дворике несмело
На денёк присела отдохнуть

И неделю сиднем просидела.
Ровно столько ж буйный листопад
Пировал под вязом без пригляда.
Разве был он в чём-то виноват,
Что оставил осень без наряда?

2009

ОБНЯТЬ В БЕДЕ

До первых заморозков – шаг,
До остального – как придётся.
Не холод нам с тобою – враг,
А то, что в души к нам крадётся.
Беда к беде, вода к воде...
По капле рушатся основы.
Хочу обнять тебя в беде,
Не говоря о ней ни слова.

2009

ВЕЧНЫЙ ДОЛГ

Если гордый, то это надолго,
Если трус, то, считай, до конца.
В состоянии вечного долга
Не справляются с болью сердца.
Поиск смысла важнее рекорда,
Только сердцу нельзя объяснить:
Нелегко жить заведомо гордым,
Трусом – легче бы вовсе не жить!

2009

СПУСК – ПОДЪЁМ

В ноябре – ни строки,
Будто нет ноября.
Будто жил вопреки,
Оказалось, что зря.

Будто минул большак
И земной окоём...
Жизнь, всегда ты вот так:
Спуск – подъём, спуск – подъём.

2009

Я – ШАР... Я – КРУЗО!

Я – шар из лузы. Шарит свет
Твоих зрачков в сукне зелёном.
Мгновенье... Кий... Двойной дуплет –
И в лузе я! Надежды нет...
И на лице твоём скривлённом –
Испарины счастливый след.
Финала нет у той борьбы.
Мгновенье... Кий... Свободна луза...
Сукном зелёным морщат лбы
Зеваки из хмельной толпы...
Финала нет! Я – шар... Я – Крузо,
Я – Пятница своей судьбы.

2010

ДО ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Не умел дорожить – поплатился.
Не хотел рисковать – проиграл.
Спохватился – на свет народился
И на этот раз не сплеховал.
В путь-дорогу – до нового края,
До последней черты, до конца...
И клубит над тобою, мерцая,
Золотистых созвездий пыльца.

2010

ХЕРУВИМ МЕТАМОРФОЗЫ

Вы сказали мне: печален.
Я признался, что согласен.
Вы мне что-то пробурчали
Про капризного Пегаса.
Ох уж этот конь гривастый,
Вечный странник пастбищ звёздных,
Не капризный он – всевластный
Херувим метаморфозы.

2010

ПАМЯТЬ РАСХРИСТАНА

Песня далёкая –
Слово неясное.
Даль синеокая –
Девка глазастая.
Так бы и взвихрился
Пылью обочины.
Память расхристана,
Не оторочена...

2010

ОТ ВСЕГО УСТАЁШЬ

От всего устаёшь: от себя, от любви,
От времён, что тебя возводили на трон,
И свергали с него, и валяли в пыли
Полинялые символы чьих-то знамён.
Но чуть-чуть отойдешь, и цветущий рассвет
Унесёт на простор, в неоглядный покой
Твою душу, в которой кровавых мет нет,
Только светлая память и даль за спиной.

2010

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Сквозь череду нелепых превращений
В одно мгновенье ощутишь вдруг груз,
Что ты отныне – лишний в поколенье,
Хоть не Онегин, не Печорин пусть.
Вслед за звездой у края небосвода
Почувствуешь ненужный, злой покой
И не поймёшь, почём теперь свобода
За гранью той, где нет тебя с собой.

2010

ДВОЕВЛАСТИЕ

Двоевластие души,
Горький плод дуумвирата –
Два следа одной межи
У рассвета и заката.
Трусом будь, или тупым,
Или храбрым, будто воин,
Расслоением твоим
Мир расколот и раздвоен.

2010

ТЕРПКАЯ СВОБОДА

Свободен будь, как зимняя метель,
Пахуч и свеж, как тонкий прутик хвои.
Вся остальная жизни канитель –
Служение в общественном конвое.
Пока по душам в марше каблука
С проворной злобой день не сумасбродил,
Кружи метелью, чтоб под облака
Вздымалась хвои терпкая свобода.

2010

МЫ И ПУСТОТА

Зима не уйдёт от зимы,
А осень не станет весной...
Зачем же так яростны мы
В желанье владеть пустотою?
Бежим мы от света и тьмы,
Спасаемся светом и тьмою...
Зачем же так мелочны мы
В попытках дружить с пустотою?

2011

ГОРА И ЗВЕЗДА

За горой – гора,
У горы – ветла...
Жизнь ко мне добра,
Жизнь во мне светла.
Над горой – звезда,
Под горою – ключ...
Тут со мной – вода,
Там – небесный луч.

2011

ВОСТОРГ ВЫСОТЫ

И в ясный день, и в сумрак непогожий,
И в злую ночь, когда глухи мосты,
Ты жил – парил, на голубя похожий,
Подхваченный восторгом высоты.
И облака кружили, как невесты,
И обращался в точку отчий дом.
И сколько б всё продлилось – неизвестно,
Но всех высот не обоймёшь крылом.

2011

НЕ ЖИВУ ОТДЕЛЬНО

В моём краю я не живу отдельно
От воздуха, от пашни, от реки,
От милых губ, созревших вопреки
Морозам и метелям запредельным.
И, если вдруг меня минует счастье
Стать сразу пашней, воздухом, рекой,
Лети, мой прах, за далью снеговой,
Чтоб тут не быть развеянным напрасно!

2011

ЗАПАСНЫЙ ПУТЬ

У меня – меня украли...
Не потеря. Не урон.
От меня – меня угнали,
Как отцепленный вагон.
Путь запасный – век напрасный.
Кто-то – гений, кто – злодей.
В тупике мигает красный
Семафор людских затей.

2011

НА СВИДАНИЕ К КРАСОТЕ

И подумалось мне: для чего?
Для чего эти листья красивы?
Для чего напрягалось чело
И на глупости тратило силы?
Красоту не воспримет душа
В воспалённом тупом прозябанье...
К ней на цыпочках, еле дыша,
Я приучен ходить на свиданье.

2011

ЧУВСТВА

Отвязались чувства мои – кони гривастые.
Разве думается под поводком о чём-то им?
В октябре дни гарцуют, как девки скуластые,
Поигрывая золотилистыми чёлками.
Неужели всех осень опять растревожила?
Не задеть бы зрачком зрачка в наваждении.
И пошли мои чувства в галоп не стреножено –
За манеж, за стальные его ограждения.

2011

ТЕРРИТОРИЯ ЗАПРЕТА

Отлегло, отвалило – прощён я,
Но осталась в пространстве нутра
Территория, где запрещён я
Даже искрою быть от костра.
Гаснут искры... Без искры ответа
Не дождёшься на русской версте.
Я прощён – и спасибо на этом!
Предок мой был распят на кресте...

2011

УЛИЦА ХУДОЖНИКА БУЧКУРИ

Густые чай и морозное эхо
Январского снега, девичьего смеха.
И к юности зависть, и завязь зари
Над улочкой, названной в честь Бучкури.
И утро в неузнанной памяти сердца
Ложится мазками в надежде согреться.
И гаснут в полотнах зари фонари.
И голос в калитку: «Мужик, прикури!..»

2012

ЛАЮТ СОБАКИ

Лают за лесом, за лугом собаки –
Как ни посмотришь, куда ни взглянёшь.
Лают и лают без пользы, без драки.
Что, почему, на кого – не поймёшь.
Лают собаки пород всевозможных.
Хором единым, в экстазе одном.
Лают собаки, и что-то тревожно
В пасмурном этом пространстве ночном.

2012

КОРЕНЬ И КРОНА

Не люблю я красивых слов,
Не приучен к эстетству с детства.
У таких корневых основ
Корня нет, лишь одно кокетство.
Я за слово, в котором грязь
Чернозёма и удаль Дона.
С этим словом душа срослась,
Стала корнем его и кроной.

2012

ПРО ПРОСТЕЙШИХ

Россия – амёба, большая амёба,
Где счастье – в полнеба, достаток – в полнёба,
Где каста простейших в делёжке бабла
Не делится с обществом – всё загребла.

2012

ДИАЛЕКТИКА РАСПАДА

Жила плетнёвая держава,
Была просторна и вольна.
Росла, влюблялась и рожала
На зависть миру имена.
Теперь заборная – в три метра...
Исчезла даль, поникла высь.

И негде разгуляться ветру,
И именам не вознестись.

2012

ВЕЧНАЯ ЗАГАДКА

Что важнее – ведро или дождь,
Менеджер-очкарик или вождь
С золотой подтяжкой на лице?
Истина, как водится, в яйце.
В курице присутствует отчасти –
В качестве свершившейся напасти...
Дождь прошёл. Раскисшая дорога –
Лучшая надежда от подлога.

2012

КТО МИРУ ТЫ?

Когда ты, в сущности, никто:
Прохожий, бомж, игрок в лото, –
Ты есть, и нет тебя нигде:
Средь обвиняемых – в суде,
Средь победителей – в игре,
Средь побеждённых – на ковре, –
В эгоистической борьбе
Кто миру – ты, а мир – тебе?

2013

КАКОЙ ТЫ В ЕСТЕСТВЕ?

Какой ты в естестве? Всё в маске, в маске,
в маске!
Не помню глаз твоих, не ощущаю щёк.
Зачем среди других восторжен ты и ласков?
Зачем наедине как молодой зверёк?
Довольствуюсь лишь тем, что не предал
огласке,
Не разболтал в сердцах скупое хвостовство.

Не модно быть собой? А в маске, в маске,
в маске?..
Надеешься сберечь родное естество?

2013

НА ПРИЁМЕ У ОКУЛИСТА

Отставьте лупу, окулист очкастый:
Мне много лет, а я ещё глазастый.
Я даже в детстве не был близоруким,
Не по глазам был подростковой муке.
Чуть дальнозорок ныне, но пороком
Нельзя назвать, что вызревало к сроку.
Гляжу, и пялюсь, и сверлю зрачками,
И вижу всё, что схвачено сердцами.

2013

ЛИНИЯ СМЕРТИ

Ещё не запущена линия смерти
И щедро нас потчуют культом вождя,
Но крутятся около резвые черти,
Червями шевелятся в струях дождя.
А мы говорим о России, о чести,
О долге священном – её защищать.
А вот от кого, для кого, если вместе
И черти, и черви, и прочая тать?

2013

ДЕВУШКИ ПОСТМОДЕРНА

Девушки постмодерна
Пьют по глотку мадеру.
А маргиналки-дурашки
Балдеют с дешёвой бражки.
Девушки постмодерна
На «Пёрше» – такие ж стервы,
Как маргиналки-марфутки
Из городской маршрутки.

2013

ПРАВДА И ДЕНЬГИ

Говорил мне старый дед:
– Мало денег – счастья нет!
Пал с души советский век...
Что ты ищешь, человек?
Отвечает старый дед:
– Много денег – счастья нет!
Что за тайный дедов знак:
Плохо так и плохо так?
И глаголет старый дед:
– Деньги есть, а правды нет!

2014

ГОРЬКАЯ ШАЛОСТЬ

Я о Родине думал,
А они – о себе.
Ветер времени дунул –
Загудело в трубе.
Звуки неба смешались
С трубным зовом земли...
Эту горькую шалость
Мы с собой унесли.

2014

НИ КРАЯ, НИ ДАЛИ

Такая жизнь – ни края нет, ни дали...
А разве вы другое что видали?
Идёшь, идёшь – дорога есть и свет,
А для души пространства дальше нет.
Нет идола, нет образа, нет смысла.
И чувства паутинами повисли,
Цепляются за вязкую деталь,
Скрывая край, отодвигая даль...

2014

НЕНУЖНЫЕ КУПЮРЫ

Как угадать тут, осень ли, зима ли,
Но в чувствах понимается острее:
Нас не рублём – сердцами изымали
Из банкоматов мрачных декабррей.
И, словно две ненужные купюры
В глобальных играх мороси и вьюг,
Сминали нас де-факто и де-юре
В ладонях потных у нечистых рук.

2014

НАУКА ПРОЩАТЬ

Не ради дешёвой поблажки
В узде себя прочно держу,
Дружу с васильком и ромашкой,
С синицей садовой дружу.
И сколько с собою ни бился,
Одно лишь сумел я понять:
Предательству не научился,
Зато научился прощать.

2015

СОН И СУТЬ

Попробуйте заснуть,
Как море, как волна,
Чтоб оседала муть
Во время сна до дна.
Попробуйте уснуть,
Чтоб совесть не спала,
Чтоб обнажалась суть
До мути, догола...

2015

СТИХИ НА ПРЕДСТОЯЩИЙ ДОЖДЬ

Весь день ломало, и крутило,
И шею гнуло, как весло...
Да разве ж в молодости было,
Чтоб небо так мне дождь несло!

2015

КРАСИВЫЕ РЯДОМ

Я думал: красивые где-то –
За полем, за морем и там,
Где Золушка ездит в карете
По самым престижным балам.
А в жизни всё проще, ребята,
Без сказочной пошлой брехни:
Красивые женщины рядом...
Глаза продери и мозгами тряхни!

2015

ЕЩЁ И УЖЕ

Жить не переставший,
Я уже уставший,
И любовь познавший,
И хулу хлебавший,
Но ещё шипящий,
Но ещё кипящий
В этом дне бурлящем...
Значит – настоящий!

2015

АССОЦИАЦИИ ПЕРВОГО СНЕГА

Первый снег уже до Покрова,
До кленовых жёлтых горизонтов...
Меркнут в нём восторги и слова,
Сообщенья о донбасском фронте.
Отложить бы войны и печаль,

Рабскую зависимость холопа,
Чтоб, как недостроенный «Мистраль»,
В доках зим покоилась Европа...

2016

ПЕРЕШЛА ДОРОГУ

Я женщине спасибо говорю
За то, что мне дорогу перешла
С кувшином, расплескавшим, как зарю,
Избытки августовского тепла.
Расплёсканного хватит до конца,
Чтоб полно жить, не опасаясь жажд...
Не звёзды отражались там – сердца,
В любовь переплавляя летний жар.

2017

ПРО АЙСБЕРГ И ПРОЧЕЕ

Люблю твой апрель я,
Как собственный август.
Подснежник над прелью –
Глазастенький айсберг.
Лишь треть на смотрины –
Для чувства, для страсти.
Две трети – в глубины
Упрятан под настом.

2018

ПРО БЮРОКРАТИЮ

Может, это лунное затмение,
Может, солнце не оттуда освещало:
Не пишу давно стихотворений я,
А строчку порядка совещаний.
Бренды, тренды и флешмобы с братией...
Первый пункт, двенадцатая строчка...
Потом прёт от фарса бюрократии
Компетенций влажная сорочка.

2018

ИЗДЕРЖКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Солнце и ветер меняем на вещи мы.
Небо уходит с радаров окрестности
В бездны, где в пленницах истины вещи;
Там же в отшельниках ангелы вечности.
С тем и живу в виртуальном и ветреном
Мире – без солнца, с душой обесточенной...
В пробках удушливый стон километрами
Тащится помощью скоро-бессрочною.

2018

НЕНАСТЬЕ И ЛЮБОВЬ

Мне б увидеть тебя, остального не надо...
Старый тополь в сугробе увяз, словно джип.
И котёнком слепым залегла автострада,
Тычет морды машин в белоснежную сыпь.
Всё хотел по теплу, был уверен – успею.
Но ненастье проворней желаний и чувств...
Я к тебе по серебряной мгле снеговья
Пробираюсь и снова влюбляться учусь.

2018

КАК РЕЧЬ СБЕРЕЧЬ

Я чей? Ничей! Ты чья? Ничья!
Среди речей лишь ты и я.
У леса речь, речь у ручья...
Как звук сберечь, коль речь ничья!
Мне страшно, друг, что мы – не мы,
И мир вокруг немее тьмы...
Гортань суха, тропа – хоть вброд...
Страна глуха, и в ней – народ.

2019

УСТАЛОСТЬ ОТ СОЛНЦА

Усталость от солнца и жажда дождя.
И губы в кувшинное горлышко свиты.
Я чувства вгоняю по шляпку гвоздя
В дымящее чрево небесной орбиты.
Мгновенье застыло, как пыль от колёс.
И сколько ему ещё длиться и длиться!..
Сосед с речки ряску гусятам привёз –
Пускай охолонет упревшая птица.

2020

ЗИМЫ ДОЖДАТЬСЯ

Ну вот – зима! А думали, не будет,
Не верили мы в чары волшебства,
Пока мороз на пыльном лунном блюде
Каракули чертил из колдовства.
Но грянул снег – и мир забыл о грусти.
Из далей свет, свет – от любых широт...
Топтались шумно у соседа гуси
В сапожках красных около ворот.

2021

ЧИТАЮ ШАГИ

Каждый шаг свой читаю, как книгу,
Лишь запомнить, про что, не могу.
Шаг гуляки – как шлёп в холодрыгу,
Шаг влюблённого – звень на снегу.
Никуда от шагов мне не деться,
Настигают в абзацах дворов
И пустым содержанием сердце
Извлекают из мёрзлых шрифтов.

2021

РОМАН
БЕЗ ЗНАКА
ПРЕПИНАНЬЯ

ПОЭМА

РОМАН БЕЗ ЗНАКА ПРЕПИНАНЬЯ

**История одного замысла
в стихах и дневниковых записях
провинциального чиновника**

Глава первая.

ЗАТЕЯ

Из дневника:

4 августа 2000 года.

Перед обедом позвонила знакомая О.: «Лето заканчивается. И комаров уже – не как в июне: один-два на версту, и те с переломанными крыльями. Так что решайтесь, господин Номенклатурщик! Костёр, шашлык и чудный запах дыма – что ещё надо для маленького человеческого счастья? В противном случае Дон может не выдержать вашего долгожданного обещания посетить его живописные берега: через неделю в студеные речные воды ступить будет проблематично».

Мне жутко некогда, и я бурчу в трубку мало-вразумительное что-то, вроде этого: «Запах дыма в декабре будет...»

Моя знакомая – из бывших комсомольских работниц, и сразу понимает, на что намекаю: «Ах да, выборы!.. Третья беда России... Гоголь про две писал, а мы теперь классика переплюнули... Скучные, кислые вы, мужики, и жизнь у вас ненормальная, точней, непутевая. Все потому, что не рожаете и настоящую цену жизни не знаете. Это мы, бабы, всегда успеваем и жить, и любить; и с «гоголевскими» бедами управлялись, и к третьей, вот увидишь, приуровнимся!.. А некогда – оно так всегда...»

Как она права! Все-таки женщины мудрей, дальновидней нас.

Третий день в коридорах областной администрации переполох. Глава на пресс-конференции объявил: идёт избираться на второй срок. И чиновничий муравейник закипел, заползал, зашущукался. Хотя какая тут новость, и так всем было ясно: главные соперники – наш, действующий, и генерал УФСБ.

К сослуживцам в кабинеты хоть не заходи: ну ты что думаешь? а что говорят?.. и т.д. и т.п.

Чиновник средней руки с огромным стажем С. ликует: «Молодец наш! Давно бы так! С весны резину тянул: пойдёт – не пойдёт...»

Столоначальник из смежной структуры К. негодует: «Дурак! Отговорить некому... Да я каждую неделю в районах. Его там не как четыре года назад – ненавидят... Ух, ослы! На смерть человека толкают».

Зам. зав. И., поправив очки, философски обосновывает ситуацию о неизбежности второго тура: «Клянусь! Я это печо-онкой чую».

А у меня в дни всеобщей кабинетной истерии своё. С прошлого четверга две строчки по-

котя не дают: «Когда-нибудь свободным стану
// От суеты и должностей...» Смешно, стыдно,
может, но что я могу с собой поделывать?! Не
скажешь ведь начальству: пошли вы, у меня
творческий подъём! Вот и киваешь в трубку:
«Угу!.. Понял!.. Да!.. Хорошо!.. Бу-ут сдела-
но!..» А сам – к черновику при первой возмож-
ности. Я и дома за стол усаживаюсь, как толь-
ко мои улягутся.

1

Когда-нибудь свободным стану
От суеты и должностей
И, может, наконец, к роману
Я подступлюсь... Из всех затей
И по профессии дипломной,
И по отметкам в трудовой
Она мне кажется резонной
И наиболее родной.
Она за дружеской беседой
И в эксклюзивном интервью –
Уже заявка на победу
В ещё не слаженном бою.
Затее этой небывалой
Не автор я и не герой...
Она – как в печке поддувало:
Попробуй только перекрой –
И ни огня тебе, ни тяги,
Ни жара в комнате твоей,
Лишь дым, пронырливый бродяга,
Из всех немислимых щелей
Повыползает, словно шашель,
И нагло выставит на свет
И резь в глазах, и в горле кашель –
Конечный, так сказать, эффект.

Она пронзит тебя любовью,
Предъявит гамбургский свой счёт
Почти забытой в сердце болью
И перепутает черёд
И лет из молодости давней,
И новых дней, что у висков,
Как пульс, толкутся в ожиданье
Иных, неведомых оков.

2

Чтоб равновесья не нарушить
И не внести разлада в строй,
Меня не принуждаю слушать
И слепо следовать за мной.
Я это долгое вступленье
Для тех в душе моей берёг,
С кем час заветного общенья
Уже оттягивать не мог.
Томить поклонников надеждой
И в сердце замысел таить
Небезопасно, небезгрешно
И очень глупо, может быть.
Мы значим многое, коль вместе!
Признать взаимность – разве грех?
Строка ко времени и к месту
Пусть не победа, не успех,
Зато она из уст соседа
Порхнёт в уста других, как весть,
И будет тоже не победа,
Но что-то в том, признаться, есть!

3

Другое что могу я в жизни?!
Господь не дал торговца дар.
Идти в защитники Отчизны,

Хоть генералом даже, стар.
Годки – и те давно в отставке!
Попрятав кители в шкафы,
Они сегодня на гражданке
От Петербурга до Уфы
Кочуют в поисках работы
С предоставлением жилья
И от правительства ждут льготы,
Как сострадания от жулья.
Таков из Вологды полковник –
Мой одноклассник, лучший друг.
Таков всех уровней чиновник.
Таков ученый. И пастух.
И такова твоя родная,
С кем ты делил свою любовь,
В плену у чувств не сознавая,
Что всё начать придется вновь.
Таков теперь артист из ТЮЗа,
Десантник, раненный в Чечне...
Мы все осколками Союза
Разбросаны в своей стране.

Глава вторая.

ТОЧКА

Из дневника:

8 августа 2000 года.

*Два дня назад умер мой любимый поэт Ж.,
наш прославленный земляк. Откликнулись
всего две газеты. Почти никак не отреагировал
город с его огромной аудиторией читателей
исповедальной лирики. О власть предержа-*

щих вообще не говорю. Они ненавидели его всегда, сделали всё, чтобы поэт не стал Почётным гражданином города...

А, собственно, что это я заладил: они? А я? Я – не они разве? Лучше? Ой ли! Их же – плоть от плоти, коль правила игры принял, повадками овладел.

Да, со школы люблю стихи Ж. Зачитывался ими. Многие знал наизусть. Девчонкам, бывало, нащёпывал: «Две родинки, две отметинки // На груди у тебя, на плече...» С докладами о его творчестве выступал на научных студенческих кружках. Даже когда-то давным-давно, в годы комсомольской юности, моей знакомой О. под хмельком читал у костра на донском берегу... Ну и что из того?! Убаюкивать сейчас начну себя: ты, конечно, тоже чиновник, но не такой, у тебя вон и книжки выходят... А другой – классный рыбак, а третий – охотник... Хобби!

Ах, как красиво, благородно звучит: ты внутренне рвёшься за этот круг. Рвёшься! Но как бы понарошку. Натурально, физически – духу не хватит. И они не дадут! И обстоятельства вынудят. А там еще – жена, дочь, сын... Вот и крутишься как сработавшаяся шестерёнка – с пробуксовкой, со скрежетом, но однозначно по функционально заданной траектории.

...О выборах сегодня молчу. Нигде не был, ни с кем ни о чём не говорил... Чиновник средней руки с огромным стажем С. в обл. Думе на парламентских слушаньях... Столоначальник из смежной структуры К. опять укатил в район... Зам. зав. И., весь какой-то дерганный,

нервный, звонил до обеда, но, правда, по сугубо личному делу...

...Продолжаю писать. Сплю уже часа по два-три. Усталости, правда, ноль. И только какое-то чувство, что не успею к сроку (будто кто мне его определил!) и что нужно это обязательно сейчас или ни-ког-да! А что пишу, пока не понимаю.

1

Итак, вступление есть! Но точку
Рука поставить не спешит,
Ещё, ещё выводит строчку,
То негодует, то смешит,
То философствует без дела,
То в сердце трогает струну
Таинственного запредела,
Где, невзирая на вину,
Демонстративно станут в позу,
Экспромтом выдадут скандал
И в состоянии психоза
Плеснут в лицо вина бокал,
А то прильнут к устам устами,
Сольются в общий кровоток,
Чтоб не понять, какой мы сами
Преподаём себе урок...

2

Чему удивиться?! Жизнь сюжеты
Клепает круче, чем роман,
Подчас не ставя точек... В этом
Не главный замысла изъян.
Как угадать тут, где начало,
Конец терзаниям творца,
И где начало вдруг кончалось,

Чтоб начинаться от конца?
Мудрено скручено, но точно!
А точка будет, как велит
Сюжет. Ему за проволочку
Не буду ставить я на вид!
Ни малодушья нет, ни дружбы
В такой лояльности моей.
Что взять с чиновника, в ком служба –
Любого творчества важней?
Но при реалиях возможных,
В силках инструкций должностных
Одно тревожит безнадёжно:
Как быть свободным мне от них?
И от параграфов контракта,
Где в каждом пункте – в том и сём –
Лишен манёвра ты, как трактор,
По брюхо севший в чернозём.
Трудней при галстукe, во фраке
Носить, не пряча в блеск очков,
Лицо казённого служаки
И сочинителя стихов.
Но как тут выглядеть нормальным
И адекватным быть, когда
Живёшь в эпохе аномальной,
Где чувства – стыд, где ум – беда;
Где ты во всем – наполовину:
В любви, в карьере и в мечтах,
Захлётнут туго пуповиной
Сомнений, вызревших в сердцах;
Где среди дней, начальства, строчек,
Жены, детей и прочих лиц
Твой мир безжалостно курочат,
Подобно плитам от гробниц?
Но никуда уже не деться!
И мне сегодня не судьба

Своё натруженное сердце
Отдать на вольные хлеба.
Привык я тут! Среди интрижек,
В кругу зевак, дельцов, льстецов
Я сам себя частенько вижу
Таким же точно с тех годов,
Когда по принципам партийным
И по советскому клише
Мою анкету в списке длинном
Отдали плавать в неглиже.
Не надувал я щёк, но всё же
Микроб куриной слепоты
Во мне осел, а после ожил,
Затем и вовсе стал на «ты».
И, вбитый монолитной пробкой
В номенклатурный постамент,
Я не узрел, что, как подлодку,
Нас волокло в пучину бед.
Задаться мне б тогда вопросом,
Зачем, куда и с кем плывём,
Но сердце преданным матросом
Ушло под воду с кораблём.

Глава третья.

ДНИ

Из дневника:

20 августа 2000 года.

*Двенадцатого августа в Баренцевом море
затонула атомная подлодка «Курск».*

*Вечерами лихорадочно щёлкаю кнопками
телевизора, ищу последние сообщения с места*

трагедии. На глазах выступают слёзы. Больше, видимо, от жалости к ребятам. А может, от обиды за страну, за флот, за себя. Или просто от безысходности ситуации.

Гибель атомохода на время поубавила накал кабинетной трескотни о предстоящих выборах.

Чиновник средней руки с огромным стажем С. спешно мобилизован на помощь областной службе МЧС по формированию гуманитарного груза в Видяево.

Столоначальник из смежной структуры К. по неотложным делам вновь колесит по районам: не за горами копка свёклы, идёт проверка готовности заводов к сезону сахароварения.

И только зам. зав. И. вроде бы тайком задействован на спецпоручении – составляет список близких к губернатору начальников из различных структур, чтобы под видом уполномоченных те негласно готовили почву в райцентрах под декабрьское политическое шоу.

Вчера с ним случайно столкнулся в столовой администрации. Без всякого умысла, больше для проформы, спросил, чем тот занят. И подозрительно стусевался, глазки забегали, заблестели, и, с усилием овладев собой, он нараспев, с чуть-чуть надменным выражением лица протянул: «Да та-ак, дельце есть!..» И вдруг резко склонился к моему уху: «А второй тур будет. Обяза-ательно!» На странный пассаж коллеги я не нашелся что ответить. «При чём тут второй тур, вообще все эти выборы, когда с “Курском” творится непонятное?» – подумалось.

Наутро в одной из лояльных к губернатору газет прочитал интервью под симптоматичным заголовком «Трагедия «Курска» – наша боль. Пора делать выводы». В свойственной ему манере главный областной начальник пинал своих оппонентов. Цитирую: «...Десять лет разваливался экономический потенциал страны, разрывывались с помощью грабительской приватизации её богатства, гробились Вооруженные Силы... И вот сегодня те, кто приложил к этому развалу максимум усилий, хотят взять политический реванш. Через подконтрольные им средства массовой информации они вбивают в головы мысль о том, что в трагедии виноват Президент, что он в трудный час не покинул место отдыха, что вообще мы не того главу государства выбрали и что курс у нас не тот...»

Теперь мне окончательно ясно: никогда одно (даже если это страшное событие!) не затмит другое, где на весах судьбы поставлены карьера, власть, положение в обществе с возможностью манипулировать человеческим настроением.

...О., видимо, обиделась. «Не пойму я вас, чиновников, – заявила на днях по телефону. – То выборы у вас круглый год – дрожите, то из-за подлодки нюни распускаете! Страшная беда – гибель “Курска”. Но бесконечные выборы – бедствие для народа пострашнее. Страну вместо городов и сёл на избирательные закутки поделили. Не сеем. Не пашем. Металл не льём. На что рассчитываем? Обещания крикунов с бюллетенями жрать будем? Куда ни ткнишь – одни новоявленные “христосики”! Вот он – я, голосуйте за меня: горы с места сдвину... Чего

их двигать? Кому мешают? Ты что, на сто лет вперед выдвигаешься? Флоту бы лучше помог подлодки нормальные строить... Вместо дружбы и помощи – предательство, подкупы, компроматы. Вместо любви и сострадания – ложь и обман, зло и корысть... Гадко! Дико! Азиатщина!.. Гоголю наша беда в страшном сне не снилась...»

1

Вчера шёл дождь. Мне было грустно.
Дремал компьютера экран.
Открыл я было томик Пруса,
Но скучен читанный роман.
Не утолит седая древность
Сиюминутной жажды страсть,
В которой верность либо ревность
Готовят сердцу втуне снасть.
Я весь – из этих дней текущих,
Из дождевых литых прохлад,
То возвыщающе-гнетущих,
То гомонящих невпопад
На остановках, у киосков,
В толпе под зонтиком цветным
С физиономией неброской,
Но с чем-то милым, дорогим.
Они меня, как мальчугана,
По лужам тащат при грозе
Сквозь дымку легкого тумана
В прибрежной лесополосе.
Мне дела нет до фараонов
И обольстительных цариц
С их беззастенчиво-фаворным
Обличьем ненасытных жриц.
У дней моих иная прелесть!

Люблю я то, что есть сейчас:
И этот дождь, и чью-то ересь
С телеэкранов в поздний час.
Люблю, когда жена в отъезде –
Спокойно можно пить пиво.
Люблю, когда сосед в подъезде
Щенку выносит молоко.
Дедок – на пенсии лет двадцать,
Хватает дни беззубым ртом;
Ему пора б давно питаться
Таким же точно молоком,
А он ещё на молодуху –
Вдову спецназовца косит
И шепелявит мне на ухо:
«Ах, что за баба! Динамит!»

2

Люблю я многое, ей-богу,
Из наших дней, из наших лет.
Люблю светло, люблю убого,
Люблю – и всё! Какой секрет?!
Пока у дней моих есть выбор
Быть на слуху и на виду,
Себя я чувствую, как рыба
В глухом нетронутым пруду,
Вдали от оживленной трассы,
От браконьерских тайных троп,
Чтоб жить раскованно и страстно
На стыке Азий и Европ,
На перекрестье дня и ночи,
В переплетенье ярких чувств
И ясных мыслей непорочных –
Родоначальников искусств;
Чтоб, одногодков не ревнуя,

На мир глядеть из-под руки,
Где, о насущном памятуя,
На службе собственной строки
Пером без страха бы водила
В графлёных буднях естества
Неубывающая сила
Заквашенного мастерства
И где б душа творить не смела
Внутри империи своей
Очередного передела
Нажитой собственности дней.

3

А дождь... Он шёл, стучал по стёклам,
Воображение томил.
И был мой замысел промоклый
Озябшим чуть, но полным сил.
И не давал он мне покоя.
И дрёму гнал к балкону, прочь.
И, как оружие какое,
Хватал я ручку и всю ночь
Сражался с чистою страницей,
Не ставя точек в тех местах,
Где в пирсах глав и композиций
Мой день дышал на всех парах.

4

О чём роман? Я сам не знаю!
Наверно, зря наобещал!
Пока в уме перебираю
То букву «И», то букву «Щ».
Пока колеблюсь, даже трушу,
Уже подумываю: зря
Я в ситуации не лучшей
Нашел забаву для себя!

Зачем мне это? Разве мало
Оклада, чтоб спокойно жить,
В своих кругах хорошим малым,
Как все былые годы, слыть?
И, может, хватит приключений,
Их нынче столько за спиной,
Что из иных таких сражений
Я выходил едва живой?!
А разве втайне не сдавали
Из состоявших «при дворе»,
С кем мы из горлышка хлебали
В райцентрах водку на жаре?
Былое здесь, под сердцем, свято!
Подлодкой бухнулось на мель...
А с ним – и пыл восьмидесятых,
И перестроечный наш хмель,
И боль редакторского груза,
И заказных статей вар...
Тогда моя скучала Муза.
Зато резвился «Коммунар»*.

5

О чём роман – гадать не смею!
Идея есть, но смысла нет,
А будет смысл – её, идею,
Под ручки выведут на свет.
Вопросов лишь, прошу, не надо –
Я теоретик небольшой.
Роман мой слизан, как помада
При поцелуе под луной.
Или листом вдоль тротуара
За подворотню пронесён,
Забился где-нибудь под тару

* Воронежская областная молодёжная газета «Молодой коммунар».

До лучших будущих времён.
Одна лишь мысль встает горою
На только начатом пути:
Кого же в главные герои
Успеть к утру произвести?

Глава четвёртая.

СОН

Из дневника:

2 сентября 2000 года.

Несмотря на субботу, утром ходил к главе. Был у него не один, с редактором ведущей газеты области. Визит инициировался лично самим, никак не афишировался.

В кабинете было тепло и уютно. На главе ладно сидела белоснежная рубашка при дорогом золотисто-чёрном галстуке. Беседовал он с нами по-приятельски откровенно. Даже я, человек, ему подчинённый, через минуту-другую раскрепостился и вел себя непринуждённо. Надо отдать должное, наш шеф умеет расположить к себе собеседника.

«У меня сложилось впечатление, что Ф. самоустранился от работы с прессой, – проронил он между прочим. – А теперь каждый упущенный день подобен поражению. Схватка, сами видите, идёт нешуточная. Хочу посоветоваться, как мне эффективнее использовать прессу на выборах».

И я, и редактор с оценками и советами не спешили, чтобы по торопливости не вляпать-

ся в какую интригу. Оба знаем, что хозяин кабинета в подковёрной игре непревзойдённый мастер... А может, ему и не требовалась наша реакция. И упрёк мимоходом в адрес зама скорее был ритуальным. Чем и смахивал то ли на реплику привыкшего в течение многих лет повелевать руководителя, то ли был незримым индикатором большой внутренней напряжённости и усталости: ну вот, мол, и прессой самому нужно заниматься! А ещё показалось, что в глубине души он так и не отыскал убедительных аргументов собственному выдвижению на новый срок. Болтают: засобирался на выборы больше из обиды на злополучное коллективное письмо 219-ти «уважаемых людей региона». Через СМИ они обратись к генералу контрразведки с просьбой выставить свою кандидатуру на губернатора и избавить, наконец, область от позорного звания – столица «красного пояса». Вот и прыгнул наш, как мальчишка с обрыва, в омут, а оказалось-то: рядом ни единой души, готовой протянуть руку... Почти десять лет руководил он областью и, конечно же, не предполагал массового исхода элиты: две трети из них были либо его ставленники, либо воспитанники. Выходит, предали...

На днях мой знакомый, близкий к главе человек, намекнул: шеф в узком кругу, за рюмкой водки, признался: мол, даже своих заместителей не может послать в районы «под выборы». А ведь на селе всегда жил главный электорат действующего губернатора!

И вообще тональность утреннего разговора только усиливала правоту уличных настрое-

*ний: общество устало от лидера. Первыми это
почуяли вчерашние соратники.*

Так всегда бывает! Недаром говорят: заложить ближнего – святое дело...

1

Был из приёмной голос: «Срочно!
Вас губернатор просит быть».
Визит вне плана первой точкой,
Видать, в сюжет пора вносить,
Пока никто в превратном свете
Не преподнёс в недобрый час
На блюбочке из свежих сплетен
Задумки авторской алмаз.

2

Мир удивителен по части
Преображенья тайны в явь,
Упрячь ее хоть в волчьей пасти,
Хоть за кордон с гонцом отправь!
Бывают дни: в недоуменье
С кровати вскочишь, поражён:
Явилось что тебе – знаменье
Или обычный глупый сон
С круженьем образов нелепых,
Фантасмагорий и причуд?
В смятенье начинаешь слепо
Житейской логики приют
Искать загадочным виденьям,
Чтоб от досады и вины
Признать под вечер: объясненью
Не поддаются наши сны!

3

Я человек не суеверный,
 Но, чтоб не сглазили роман,
 Задумку берегу от скверны,
 Пока мне свыше знак не дан.
 Астрологическим прогнозом
 И тайной сменой лунных фаз
 До тика или до невроза
 Я не желал бы даже раз
 Себя за чтеньем «жёлтой прессы»
 Вдруг довести и целый день
 Под прессом горестного стресса
 Глазеть на мир, как в роще пень.
 Я даже в сон с присловьем «вещий»
 С натяжкой верю иногда –
 Когда угрюмо и зловеще
 Ворвётся в трещину беда,
 Как в носовой отсек подлодки
 Пучины гибельный поток,
 Чтоб с кровью выдавить из глотки
 Последний воздуха глоток.

4

Но быть тому, что быть в нас должно!
 Мы им сполна окружены.
 Чиновник ты или художник –
 Не снятся по заказу сны!
 Мы в них живём, смеёмся, плачем,
 Вчерашних дней мгновенья длим,
 Частенько ничего не значим,
 И лишь, как в зеркало, глядим,
 И обнаруживаем сходство
 С собой без лести и прикрас:
 Лиц напомаженных уродство,

И пустоту усталых глаз,
И бездну душ, и скудость мысли,
И равнодушный стук сердец,
И не зализанной корысти
До крови колющий венец...
Мы видим сны и верим в чудо:
Светлы – послал их, значит, Бог,
Черны, как ночь, – быстрее будим
В сознание Бога, чтоб помог.

5

Во мне не раз об этом думы
Рождали муку. Я их гнал
И тайный замысел угрюмо
В груди поглубже укрывал.
Был для меня мой сон неясен
И, с целью не понять какой,
Меня младенцем брал из яслей
И направлял на путь земной.

6

И я бежал на зов приёмной.
Приказ начальника – закон.
Шёл день к исходу утомлённый.
Дымился в знойной мгле газон.
Стрижи носились над фонтаном,
До хруста клювы разодрав,
И брызги с возгласом гортанным
Хватали, чтоб умчаться стремглав.
Работал ум мой, что компьютер,
Наскоком мысли брали сквер:
«Зачем?.. Нельзя ли было утром?..
А вдруг!.. Не трусь!.. Не будет мер...
А может, он для консультаций
По СМИ?.. Иль чей-нибудь звонок?..»

И в «дипломат» вплавлялись пальцы,
Как электроды в уголок.
А перед взором – лица, лица...
И где то подлое лицо,
Что заложило сослуживца,
Сопроводив крутым словцом?
Теперь уж точно дописали
К моим Ф.И.О. приставку «НЕ»,
Чтоб сдвинуть по горизонтали,
Измазав в собственном говне.
Я хорошо манеру эту
Усвоил; с ней с тех пор знаком,
Когда в районную газету
Распределял меня обком.

7

Теперь чиновный век короткий –
Ушли советские года.
Успеешь разве выпить водки,
А дальше думай сам, когда
По сводкам выборным итоги
Волну удачи понесут:
Или слегка промочат ноги,
Иль напрочь смоют, будто тут
Ты не стоял ни дня в дозоре;
И подчинённый прежний твой,
Нос в нос столкнувшись в коридоре,
Вдруг резко став к тебе спиной,
Спешит шмыгнуть за дверь любую
(А их здесь много на пути!),
Лишь бы в атаку любовую
С тобою, бывшим, не идти...

Чего с избытком в службе нашей,
Так это подлости... Я сам –
Чиновник в звании, со стажем –
Её лакал не по годам,
Когда был изгнан и унижен
Без объяснений и причин,
Испачкан сплетнями, как жижей
С колхозной фермы, и один
Без всякой помощи сторонней
На свет карабкался впотьмах,
С колен вставая на ладони,
А дальше – в рост, чтоб сделать шаг...
Здесь не нужны твоё уменье,
Квалификация, разряд
И в деле искреннее рвенье...
Как ни постыдно, ты – снаряд:
Тобой таранят неугодных,
Тебя взрывают всякий раз
Под маркировкой благородных
Задач и целей в нужный час.
Открыл я эту тайну рано,
Когда впервые шёл во власть
По приглашенью... О романе
Не помышлял тогда и всласть
На новом поприще трудился,
В заботах не считая дней.
И зря, быть может, тяготился
Невоплощённостью идей.
Они терялись в папках где-то
Начальников... Каков с них спрос?
Ну что ж, и в этом для сюжета
Есть свой резон и свой вопрос!

9

Пока к главе на встречу мчался,
 Хотел узреть взаимосвязь:
 Каким он был, каким он стался,
 Как поменяла душу власть?
 Когда-то слыл он добрым парнем,
 На подчинённых не орал
 И аппарат хреновой псарней,
 Как прежний тот, не обзывал.
 Любил охоту, знал гармошку
 И был по линии интриг
 Ловчее, чем при ловле кошка
 Мышей в местечках потайных.
 С Чубайсом знался, как ни странно,
 За что по партии друзья
 В моменты сборов беспрестанно
 Его клеймили почём зря.
 И с Президентом препираться
 Хватило в нем однажды сил,
 Когда в Совете Федераций
 Того с поста уйти просил.
 Незаменим был для веселья
 И шахматистом слыл (не вру!) –
 Не сыщешь равных в Черноземье,
 Чтоб хоть к ничьей свести игру...

10

Он предложил при встрече чаю.
 И начал без обвиняков:
 – Послушай, я тебя ведь знаю
 Почти десятка два годков.
 Зачем же прёшь то вкривь, то вкось ты?
 Не видишь, что ли, тем живых?
 Нет сочинить про сенокос бы
 Да про уборку зерновых...

Или ещё подброшу темку:
Возьмись за авиазавод.
Сюда слетались Кириенко
И Черномырдин... Только вот
Как был и есть гигант – проблема.
От слов премьерских – чистый пшик...
Вот это тема так уж тема –
Откусишь в ужасе язык.
А «красный пояс»?! А трансферты?!
В Кремле их режут пополам.
А с ВПК эксперименты?!
За эти темы всё отдам!
Помеха делу – заморочки:
От них тоска бросает в дрожь.
Нужна не в этом месте точка,
Тут многоточий знаки сплошь!

11

На протяжении беседы
Он не давал мне рта раскрыть.
Мелькали темы и сюжеты,
И я не знал, как с ними быть.
Они в мой план первоначальный
Пытались втиснуться бочком,
Чтобы в пометке календарной
Совсем не выцвести потом,
Чтоб накануне новогодья
В корзину не швырнули б их,
Как перетёртые поводья
С жеребьих холок молодых.
И выходил я из приёмной
Со странным чувством, будто вдруг
Устал быть в замысел влюблённым,
Чтобы о нём поведать вслух.
Вселялось в грудь мою смятенье:

Каким он должен быть, роман?
И многоточьем многотемье
На свет тащило новый план.

12

Нет-нет, сомнения не скрою,
Не утаю и не совру,
Кого в заглавные герои,
В конце концов, я изберу
И быть каким он должен, главный!
Лишь про себя шепну, как вздор:
«Тактичный? Умный? Своенравный?..
Авантюрист? Начётчик? Вор?..»
А вдруг в провинции далёкой,
В полтыще вёрст от стольных мест,
В обнимку с поиском глубоким
Тоска глухая грудь изъест?
Кого тогда возьму с собою
В поход, в разведку, либо в бой?
Или в похмелье, с перепоею
Шагну за угол у пивной?
Коль так, прощайте, губернатор!..
В полночных бденьях над строкой,
Как настоящий гладиатор,
Не дам расправиться с собой!

Глава пятая.

СЕНОКОС

Из дневника:

7 сентября 2000 года.

*На два дня уезжал в командировку в самые
дальние южные районы. С дороги по мобиль-*

нику звякнул О. Извинился, что завернуть в райцентр даже на часок не смогу. «Сволочи вы, аппаратчики! – шутливо отреагировала она. – И мой такой же: доверенным лицом вашего губернатора вот назначили. Готов ночевать на работе – доверие это самое оправдывать. Прощу огород в выходной подготовить к вспашке – орёт как бешеный».

Зато на обратном пути заехал к матери в село – повидаться. Не тут-то было! Калитка, дом, сарай, погребка и всё, что только можно, – на замках и замочках, на щеколдах и запорах, проволочках и верёвочках.

«Ишь ты, умник какой! – всегда кипятилась мать, когда я подтрунивал над её природной страстью к замыканию. – Подальше положишь – поближе найдёшь! Алкаши враз усё растаскают».

Через дорогу, в избе напротив, скрипнула дверь, и писклявый голос бабки Парашки, словно мяч, подпрыгивая на задубелых от жары колдобинах, перекатился через улицу: «Сынок, ты, што ль, родненький?! А я-то слепу не пойму: хтой-то на “воронке” к Нюрочке заявился... Дык она нонеча (кабы тебе не сбрыхнуть!) у райцентр первым рейсом умотала. К вухо-горло-носу».

Соседке давно за восемьдесят, вот и сидит она днями у окна, ничто мимо старческого глаза не проскользнёт. Мать об этом знает, порой злится: «Око века какое-то!» Но ведь и польза, оказывается, есть от этого ока, как теперь!

Прежде чем уезжать, спустился по проулку в конец огорода, к речушке. Тихо тут, светло, просторно! Ни страстей городских, ни этих

грубоватых закидонов чиновника средней руки с огромным стажем С., ни нитья столоначальника из смежной структуры К., ни циничной зауми зам. зава И.

Кукушка невдалеке годы считает, как в детстве. Лысуха в камышах трескучим голосом округу донимает. И ивы вдоль извилистого берега. Большие стали, раскидистые, в настоящие деревья превратились...

Минуя терновник, прошёлся по лужку. Какой он, оказывается, малюсенький, крохотулечка! С восстановлением плотины вода поднялась, поднапёрла, и, будто пятясь от подтопка, перебрался он повыше, аккурат к огородам. А там, где раньше мы с дедом мураву косили, камыши стеной стоят – такие и комбайном не возьмёшь.

Поодаль, примостившись на покато́й, рыжей от глины боковине плотины, мальчуган лет семи удит рыбу. «Здорово, мужик! – окликнул его. – Как клёв?» «А-а, фигня! – поморщился тот. – Всего два карасика, вот такие», – и показал половинку своей чумазой ладошки. «А когда я маленький был, тут сазаны с руку водились», – поддразнил я его. «Пацаны говорят, что есть. А я вот ни ра-азу не видел», – будто пропел он с досадой и добавил: «Да и дядь Саша тоже говорит». «Ну ладно, удачи тебе! И расти большой...» – вдруг ни с того ни с сего свернул я беседу и быстро зашагал наверх: пора было возвращаться в город.

«Нет, какой маленький луг, а как много значил он в моей жизни!» – думал я.

1

А сенокос, пожалуй, вспомню!
 Пусть в общем замысле моём
 Тоской по детству, по Придонью
 Живёт, не думая о том,
 Что на ближайшей встрече с музой
 Краёв российских пилигрим
 Рискует выглядеть обузой
 Иль хуже – выскочкой каким;
 Что в маете концептуальной,
 В повествовательной канве
 Смотреться станет тривиальной
 Допиской к авторской главе...
 Зачем чинить себе расправу
 И чьим-то вкусам потакать?
 Имею полное я право
 По ходу замысел менять!
 Что за роман без отступления
 От форм привычных и от норм,
 Коль рядом нет сопровожденья
 Из назревающих реформ?

2

Мой сенокос – моя планета,
 С небес скользнувшая строка,
 Ютится в краешке сюжета,
 Не посягая на века.
 Нет, мне в пути не притомиться,
 Не раствориться в пустяках,
 Пока журчит, журчит водица
 В чистейших детства родниках!
 Пока из памяти туманной
 Плывет желанный сенокос
 Частицею элементарной
 С орбит янтарных летних рос,

Пока в округах пахнут травы
Звонящей свежестью косы, –
Душе не сыщутся отравы
И яд от самой злой осы!
Пока от трели соловьиной
Луна резвится в вишняке,
Для казни голову повинно
Мостить мне рано на пенёчке.

3

Мой сенокос – сезон открытий.
На острие косы он нёс
И боль трагических событий,
И горечь первых детских слёз.
Мне было от роду двенадцать.
Отец погиб. Нас мать одна
Растила. Горю поддаваться –
Не в том характере она.
Стремилась выдюжить и выжить,
Вселить уверенность в сынов,
Усталость в женском сердце выжгла,
Лишившись отдыха и снов.
Держала кур, овец, корову –
Под стать соседским мужикам.
Души крестьянскую основу
Вдыхала в души трём сынам.
И, чтоб ослабить боль утраты
И облегчить чуть-чуть беду,
Я с ней учился на закате
Косить в проулке лебеду.
Коса ходила неуклюже,
Втыкала в кочки острый нос.
И я пугался, что не сдюжу,
Не одолею сенокос.
А лебеда – сплошные прутья.

С размаху бьёшь – стоит, крепка.
Как изловчиться, рубануть бы
Под корешок наверняка?!

4

Мужая в этих тренировках,
Бросал украдкой жадный взгляд
На луг у речки. Для сноровки
Мечтал пройти на нём свой ряд –
По шелковистой, изумрудной,
По этой чудо-мураве,
Что завлекала поминутно,
Хмельно бродила в голове.
Там к берегам сазаньи спины
С антеннами из плавников,
Оставив быстрые стремнины,
Входили в камышовый кров
И при явлении коротком
Вселяли веру в нас всерьёз,
Что это – мощные подлодки
Стеречь приплыли сенокос...
Мечтал, чтоб юная соседка
Со мной делила мой успех
И укоряла бы не едко
За каждый маленький огрех,
Когда при встречах лунной ночью
Под сенью старого крыльца
Нас миг любви вдруг вёл на ощупь,
Чтоб слить в единый ритм сердца...
О, деревенские крылечки –
Влюблённых парочек приют!
Хранят усердно наши встречи
И никому не отдают.
Там жив сердечный пыл: и старших
Сестёр и братьев, пап и мам,

И всех последующих даже,
Тех, кто пришёл на смену нам...
От сенокоса к сенокосу
Крылечки свято берегут
Суть философского вопроса:
Зачем мы здесь и кто мы тут?

5

И вот он – день братанья с лугом!
Наставник самый главный – дед
Для узнавания друг друга
Мне выдал на покос билет.
Спокойно, царство лягушачье,
Стрекозья шустрая страна!
Стараться буду не мешать вам
Кружить и прыгать дотемна.
Ждёт впереди большое дело
И стариковский цепкий взгляд
С ворчаньем: «Выше локоть левый!
Веди, веди его назад!
Не гнись! Зачем горбатишь спину?
Ну, прямо вылитый горшок...
Начни я так – косы не сдвину
На самый махонький вершок...»

6

Простые дедовы советы –
С ехидцей, с шуткой, с блеском глаз –
Вели по жизни как сюжеты
И выручали всякий раз.
И в лютый год, и в миг ужасный
Всегда я слышал за спиной:
«Ну, что горбатишься напрасно?!
Держи повыше локоть свой!»

Глава шестая.

ТРОПА

Из дневника:

18 октября 2000 года.

Сегодня поцапались с зам. главой Ф. Никогда его таким не видел! Всегда сдержанный, хоть и часто ироничный, вдруг стал на нас орать: «Пора определяться!.. Вам что ни поручи – на корню зарубите! Не умеете – увольнитесь!» Глаза кровью налились. А когда рыкнул: «Вам коров на колхозной ферме убирать доверять нельзя!» – пресс-секретарша ринулась в контратаку. Тут и мы с начальником информационно-аналитического управления осмелели и кинулись ей на подмогу. Стихийная схватка лишней раз подтвердила, что с нашей стороны никакой целенаправленной работы по выборам нет. Сплошная фикция и амбиции.

Не успел прийти к себе, позвонила О. Она была явно в хорошем настроении: «Золотая осень, господин Номенклатурщик!.. Была вчера в лесничестве – чудо: всюду опавшая листва, паутинки с ветки на ветку, как серебряные нити от сердца к сердцу... Ну выкинь ты эти выборы из головы! Работа, работа... Скучно! Пошло!.. Я тебя завтра жду!» И бросила трубку. Может, таким образом надеялась спровоцировать меня на поездку в гости. Может, даже была уверена, что следом перезвоню. Но я этого не сделал – опаздывал: через 20 минут в редакции одной из газет встреча главы с журналистами.

...Телевидение «мочит» нашего по всей программе. Из пяти вечерних передач в самое смотрибельное время четыре – уничижительная критика в адрес действующей команды, обвинения в полной некомпетентности и неумении управлять областью.

Где ни бываешь, только и разговоров: «А ты видел вчера по телеку? Нет?! Ну ты, я тебе скажу, много потерял!.. Оказывается...» – и пошёл пересказ эфирной мути...

Наивен русский человек. Бьют его веками, обманывают, пичкают брехнёй – всё равно верит. До пены у рта будет первому встречному доказывать, что это так и есть.

Чиновник средней руки с огромным стажем С. выражений не подбирает: «Гады! Я этих тележурналигов собственными руками бы давил... Чего наш терпит? Неужто управу не найдёт?»

Столоначальник из смежной структуры К. ехидничает: «По хорошо информированным источникам, к шефу председатель телекомпании позавчера наведывался. Водку пили. Два часа квасили. На прощанье, поговаривают, целовались...»

Зам. зав. И., почесывая вальяжно подбородок, сакраментально резюмирует: «Извивы кадровой политики партии непредсказуемы, батенька!.. Хотя полностью отрицать второй тур будет крайне опрометчиво!»

...Пишу по-прежнему жадно. Может, это компенсация за моральные издержки на работе.

Читал отрывки знакомому писателю Б. Тот одобрил. Форма понравилась. Кажется, и главные герои, наконец, обрисовались. В их числе, конечно же, наш непотопляемый отечествен-

*ный чиновник. Сколько их, Его Величества
Государства подданных, по всей великой ма-
тушке России! И у каждого своя стезя...*

1

Как ни светлы мгновенья детства,
Как ни целительны для ран
Душевных, в их тепле погреться
Сюжет претит. И в мой роман
Они, как крохотные гирьки,
На чашу замысла легли
Без умысла и без придирки,
С одной лишь целью, чтоб могли
Уравновесить построенье
В ранжире глав, в шеренгах строк
Орбит высоких вдохновенье
И смысла здорового виток.

2

Мой сенокос был мне тропинкой
В большую жизнь. Она вела
И разжималась, как пружинка,
И за окраиной села,
С глухой обочины просёлка
И с пыльной тверди большака,
Взмывала жаворонком звонким
Под голубые облака.
То в переполненный автобус
Ломилась – видеть белый свет,
Судьбы раскручивая глобус,
Как нескончаемый сюжет.
То от причала альма-матер
С названием звучным «ВГУ»
Бесстрашно правила фарватер
В филологическую мгу

И, пересытив душу чтением
Великих классиков, себя
Самовлюблённым поколением
Преподносила, не терпя
Литературного контроля
Со стороны иных особ,
Чья незавидной службы доля,
Высокомерно-громкий соп
И в пальцах карандаш точёный
Страшной бывали партбюро
Талантам новоиспечённым,
Посмевающим в руки взять перо.

3

Она стыда тогда не знала!
Губ пересохших жалкий стон
На сцену актового зала
Несла легко под микрофон,
Чтоб из динамиков неброских
В неудержимости шальной
Средь знаменитостей московских
И местной публики хмельной
В стократ усиленная строчка
Селила б в людный полумрак
Благорассудство мирной точки
И восклицанья буйный знак!..

4

Тропинок давних неуместность
Сродни верёвочке в клубке:
То выплывают на поверхность,
То исчезают вглубоке.
И редко чьи потом способны
Неподалёку от клубка
Стать узнаваемы особо

По отпечаткам каблука,
Чтоб сладострастно упиваться
Персоной собственной; она
Добычею для папарацци
Служить была бы не годна:
Не тот размах, не та фигура
И статус, видно, что не тот...
Кому охота полной дурой
Под вспышки лезть, разинув рот?!
Таков удел любой дороги!
Лишь стоит за угол свернуть –
Осядет пылью понемногу,
Припорошит: и жизни суть,
И гвалт начальственных приёмных,
Честолюбивых клерков страх
Со скрипом кресел неподъёмных,
С мобильниками в поясах;
И схроны тайных микрофонов
Да скрытых камер в чреве бань,
Где новорусские Афони
Хмельно ласкают голых Мань;
И роскошь еврокабинетов,
Где под процент или под мат
По сейфам прячут для сюжетов
Приобретённый компромат...

5

Как не вскричать тут: всё от Бога!
Ценить никто не перестал
Судьбу! Трудна её дорога,
Чтоб всех тащить на пьедестал...
Я не могу сказать, чтоб часто,
Но иногда мне с ней везло.
О, как зашкаливало счастье,
Чуть к пьедесталу не несло!

Душа не ведала покоя,
Ум сторонился суеты...
Жаль, состояние такое
Легко проходит, как мечты,
Как та, стремительно-шальная,
Святая первая любовь,
Что огорчает, возвышая,
Не возвращаясь в сердце вновь
Ни юным образом наивным
Кудряшек из восьмого «А»,
Ни той, что около плотины
Жила в другом конце села.
Ни к ней ли вечерами, молод
И страстью вдохновлён до слёз,
Шёл на свиданье в лютый холод,
Шёл, обморозив уши, нос?
Шёл, но не в валенках громоздких,
В ботинках, с бляхой на ремне
Армейской, выглядеть чтоб взрослым
И респектабельным вполне.
Шёл, вместо шапки из овчины
Напялив кепку с козырьком,
Из-под которой уши чинно
Торчали – вьюга нипочём!
Шёл, игнорируя протесты,
Упреки мамыны: «Жених!
Простуду, что ль, из-за невесты
Схватить надумал? Больно лих!..»
Шёл к долгожданному: «Любимый!»
Шёл к вечному: «Хочу тебя!..»
Шёл с верой непоколебимой:
Любовь не кончится моя...
То состояние тумана
Безумству сладкому сродни
В сюжете нового романа,

Где все – любовь, где мы – одни,
Где за зимой – весна; на зорьке
И сенокос, и душный мрак...
Продлить бы всё... Да вот ведь только
Не продлевается никак!
И сколько б память не дышала
Росистым хмелем синевы,
И у косы тупится жало
От шелковистой муравы.

Глава седьмая.

ДИАГНОЗ

Из дневника:

21 ноября 2000 года.

Вчера встретился собкор Е. «Есть важная информация для тебя, – сказал. – Подходи к Т. (владелец небольшой фирмы)». Жена запричитала: «Куда на ночь глядя! Ну что он тебе скажет!.. И когда это кончится?!»

Но я пошел!

Пока снимал в коридорчике куртку, успел уловить интонации знакомого голоса. Вне всякого сомнения, это был наш самый философический аппаратчик зам. зав И. «Мужики! Погодите, мужики! – неслось из-за двери. – Я вам ответственно заявляю: второй тур по логике и при столь длительном сидении нашего многонеуважаемого губернатора на первых ролях в области должен был бы быть. Но сейчас я не верю. Всё свершится сразу, мужики! Вот увидите!»

«Ага, туда же!» – ухмыльнулся я и резко распахнул дверь к голосам.

«О-о! Кого вижу! – прокричал еще громче И. – Водка? Коньяк?» Я помялся: пить, честно, не хотелось. «Да ладно, старик! – не унимался зам. зав. – Скоро всё закончится. Второй тур, о котором так долго говорили большевики... сам понимаешь, пшик!.. И вообще, чем дольше агония, тем невыносимее... А у нас, старик, семьи, дети... Извини, их кормить надо... Пусть наш шеф нам простит... Шансов у него всё равно не-ету! Я тебе ответственно заявляю!»

Заправлял застольем светло-русый, аккуратно стриженный молодой человек крепкого телосложения. «Столичный пиарщик», – заранее предупредил меня собкор. Стаканы в мгновение ока наполнялись горячительным содержимым. Тосты были эффектны и уместно ложились в сценарий ситуации. Пока собеседники опорожняли очередные порции зелья и всё больше хмелели, незнакомец склонился ко мне: «Генерал оценит вас, если не будете мешать через районные газеты...» Без раздражения, равнодушно заметил ему: «Есть закон о выборах... Они им и руководствуются».

Позже, через пару дней, звонил один из близких мне редакторов «районки» и шёпотом предупреждал: «Под тебя копают... Компромат ищут... Извини, в случае чего, я тебе не звонил...» Я поблагодарил его и рассмеялся: мелко всё! Когда-то человек, которого сегодня предают, унижают, оплёвывают все, кому ни лень, протянул мне руку сотрудничества. Не посмотрел, что в начале 90-х я его часто критиковал со страниц «молодёжки». Должны же

мы хоть иногда быть порядочными по отношению друг к другу? К себе. К своей работе. Ко времени, в котором живём...

Права таки О. Всё – суета и пошлость. Золотой лист в осеннем лесу значит куда больше всего этого мелкого, продажного мельтешения...

О. теперь наверняка и меня презирает, чопорного, трусливого червяка-столовладельца, у кого давно не душа, а стопка ненужных, сцепленных между собой скрепками планов и мероприятий.

В разгорячённую спиртным минуту в офисе владельца небольшой фирмы Т. я было уже намерился схватить телефонную трубку, набрать её домашний номер и чумным голосом самца протрубить: «Завтра!.. Я приеду завтра!» Но тут зам. зав. И. окликнул меня, и внутри меня как клубок цементной пыли под неосторожным движением лопаты на ворох тронутый первым морозцем листвы что-то вдруг разом и грузно осело. «Дурак! – дошло до меня. – Звонить знакомой женщине домой, где муж, дети...»

1

Пора заканчивать прогулку
От той главы к главе другой.
Уже ноябрь по переулку
С метелью водится порой.
Уже вот-вот, не за горами,
Иных сюжетов сквозняки
Поволокут над головами
Баталий выборных дымки.
Трубит грядущее столетье,

Несёт ладонь под козырёк...
Что будет в завтрашнем сюжете,
Мне, если честно, невдомёк.

2

Прости мне замысел мой трудный,
Читатель – главный мой герой!
Жжёт стыд в груди моей подспудно
За преждевременный отбой.
Себя взять в руки был не в силах.
В висках – не пульс, а чехарда
Хмельной девицей веселилась,
Звала неведомо куда.
Бежал, бежал за ней, теряя
Свой пылкий разум в гуще дней,
Порой себя не понимая
И самых преданных друзей.
Не отрезвлял от помутнения
Суровых будней нашатырь.
Был каждый день – как день рожденья!
И каждый миг – как поводырь!
Но там, где всё казалось прочно
И ладно скроено, к утру
Опять вымарывал я точку...
Я и теперь её сотру!
Роман без знака препинанья –
Не лучший, может, вариант,
Зато – готовое название
И повод выпить за талант.
И за любовь, за ту, слепую,
Что – от тебя же ни на шаг! –
Плела сюжет напропалую,
Как нить иллюзий классный маг,
Чтоб мог я дальше жить надеждой,
Места укромные искать,

Где этой точке неизбежной
По сути надобно стоять.

3

Давай, читатель, без обиды
Договоримся тет-а-тет
На мой роман оставить виды
До лучших дней, до прочих лет.
Вдруг жизнь таких ещё сюжетов
Подкинет щедро нам – сам чёрт
Сломает голову при этом
И в кучу их не соберёт.
Уж лучше б женщина-подруга
Явила жалость и меня
Взялась бы выволить из круга
Нас поглотившего вранья.
И привела бы снова в чувства,
И оживила к будням вкус,
Ведь в этом – высшее искусство
Из всех известных нам искусств!
Раз так, зачем сюжет и точка,
Носиться с ними день-деньской?
Даю им временно отсрочку,
Пока не вышел возраст мой,
Пока тружусь, не меря силы
И пульс с давлением у врача,
Пока звучит во мне Россия
Хрустальной музыкой ручья...
Сполна водил тебя по сходням
Своей затеи – сам устал.
И будней наших преисподню
Почти в натуре показал.
Но признаюсь: не ставил цели
Чернить, порочить, клеветать.
Кто я такой на самом деле,

Чтобы судить и поучать?
Привык я жить со всеми в мире,
Не быть глупей, не быть умней.
В моём чиновничьем мундире
Удобней так мне и честней:
Не жмёт в плечах, не тянут полы
И рукава – точь-в-точь по мне,
Типичный представитель школы,
Где только классика в цене.
И пусть не все оценят выбор,
Он мой и мне нужней всего!
Из прочих дней я напрочь выбыл,
Хоть сам не знаю, для чего.
При самомненье непомерном
И слаб, и жалок человек,
Чтоб выдать дню диагноз верный,
Не говоря уже про век.
Пускай потомки ставят точку,
Коль сыщут днём её с огнём!
Романа нет... А был ведь точно!
Мы даже выросли при нём.
Мы даже шли к нему в герои,
Смеялись, плакали, блюли,
И что-то рушили, как Трою,
И сор в углы его мели...
Всего, увы, не перечислить.
Не нужно это никому!
Роман по чувству и по мысли
Подвластен Богу одному.
Сюжет мой проще и короче,
Без наворотов, подоплёк.
Беру в основу многоточье...
Хороший знак! В нем всё: намёк,
И недосказанность, и удаль,
Свободы ширь, и страсти глубь, –

Туда несёт тебя, оттуда ль
Иль поцелуем рвет из губ...
Иного выхода не мыслю,
Соблазном сладеньким не льщусь.
Что будет это – компромисс ли,
Победа – предсказать не тщусь!
Бокал вина давно осушен.
В припасе только лишь вода.
Не виноват! Хотел как лучше,
А получилось, как всегда!

4

Прощай, читатель мой любезный!
Сегодня время – дефицит.
На службе, в должности известной,
При «Волге» цвета «антрацит»
С шофёром около подъезда
Сказать всего не мог, не смел...
Опять готовлюсь вот к отъезду
Для выполнения срочных дел!

Глава восьмая.

ВЫБОР

Из дневника:

24 декабря 2000 года.

Без четверти полночь. Только что возвратился из района. Был уполномоченным от облизбиркома на выборах главы администрации.

Весь день жутко болела голова. Не помогли ни таблетки, ни водка. Время тянулось, будто кто внутри тебя специально с жестоким зло-

радством длил тягостное предчувствие поражения.

В начале десятого вечера наш звонил районному главе, интересовался первыми результатами подсчёта. С завидной аппаратной изворотливостью тот убеждал: «Всё будет нормально!.. Только-только всё началось... Да, о тенденции говорить рано...» Но мы-то уже знали о первых данных голосования по 10-12 участкам! Тенденция там такая-я!!!

Минут через пять был ещё один звонок по «вертушке». Глава района мгновенно менял тон. Отвечал бодро, чётко, уверенно, почти повоенному. «Всё идёт по плану!» – заключил он и с облегчением положил трубку. По выражению глаз нетрудно было догадаться: звонил генерал!

Остаться до окончательного подсчёта голосов не имело смысла. Хорошо, что район – пригородный, до дома минут сорок езды; и я быстренько прервал миссию уполномоченного.

Молча ехали с водителем. Думалось не столько о бесславном завершении карьеры областного чиновника, сколько о чём-то отвлечённом, совершенно далёком от состоявшегося события. В голове в такт редким снежинкам за лобовым стеклом крутилась невесть откуда сошедшая строчка: «Человек, уставший от вниманья...» Крутилась так навязчиво, что я невольно увлёкся, как бы включился в игру – сочинял!

При въезде в город, на посту ГИБДД, нас тормознули. Долго проверяли документы водителя. Мордатый инспектор с ухмылкой поинтересовался: «Твой-то, небось, лыка не вя-

жет?!» Я едва сдержался, чтобы не ответить на хамство. Прежде автомобили с номерами администрации области «гаишники» без крайней нужды не останавливали. Неужели уже поступила команда на «отлов» бывших управленцев? Так быстро, не дожидаясь формальностей по передаче ключей от главного кабинета области?..

Стихотворение досочинилось уже дома. О ком оно? О проигравшем губернаторе? О себе самом? А может, о нас всех? Позвонить бы О. и почитать, чтобы оценила: она это умеет великолепно, но разве такое возможно!

Кстати, вот это стихотворение:

Человек, уставший от вниманья,
С первым светом в утренней избе
Топит печь; и дым воспоминанья,
Гулко пробираясь по трубе,
В небеса клубит, не затмевая
Дней прожитых в огненных зрачках,
Жарким треском углей выжигая
Тишины абсурдной боль и страх.

Человек, уставший от вниманья,
Чистит снег к калитке от крыльца
Резво так, как будто на свиданье
Кличут, как когда-то, молодца.
Кормит птиц на стылых зимних ветках,
Ходит в лес, где каждая сосна
Освежает грудь сильнее конфетки,
Ум пьянит искуснее вина.

Человек, уставший от вниманья,
От предательств, сплетен и интриг,

Лечится осознанным молчаньем
И неспешным чтеньем умных книг.
Курит трубку мира и покоя,
Страхивая пепел суеты
В плошки из-под розы и левкоя,
И разводит новые цветы.

Человек, уставший от вниманья,
Сам готовит завтрак и обед,
Верит снам и в чудо покаянья,
В скоротечность славы и побед.
Неохотно думает о вечном –
Вечное же дымом сквозовым
Ввысь стремится, чтобы в бесконечном
Рассосаться облаком седым.

Глава девятая.
P.S. (Постскрипtum)

Из дневника:
2 марта 2001 года.

Нас до сих пор не увольняют. Слухи ходят: не до «бывших» – в разгаре выборы депутатов областного Законодательного собрания и городской Думы. Если что и прояснится, то не раньше конца марта – начала апреля.

...Позвонила О. По голосу чувствовалось: она чем-то сильно расстроена. Сколько её знаю, всегда иронична, тут же, хоть и попыталась скрыть свое неважное настроение за эпатажной манерой разговора, а получилось вяло и невыразительно: «У нас, конечно, кра-

сотища необыкновенная! Лыжня с крутояров – прелесть. Толпы отдыхающих... Но я тебя, увы, не приглашаю». И после некоторого молчания с горечью выдохнула: «Переезжаем...» Назвала населенный пункт в соседней области. «Моего после выборов с должности выгнали, – продолжила она. – А там недавно мама умерла, хороший дом остался с огородом – жалко продавать. По железной дороге до Москвы пять часов езды... Мужа уговорила: мол, спокойней будет... – И вдруг выпалила: – Спасибо тебе за всё! Даже за то, что так и не соизволил минувшим летом и по осени приехать. Когда-нибудь обязательно напишешь: “По окончании выборов телефонный роман с ней нежданно прервался. Удивительным, странным был он. Можно сказать, отзвучал в трубку – как строка за строкой, без всякого знака препинания...”» При последних словах я кожей ощутил на себе колючий взгляд её карих глаз, зримо представил, как резко при этом взмахнула она головой и в сторону легко и дерзко отлетел туго увязанный жгут золотистых крапчатых волос. «Вот видишь, пришёл и мой бабий час с третьей российской бедой потягаться!» – попрощалась она.

2000 – 2001, 2005

Послесловие

ТЕРПКИЙ ЗАПАХ ЁЛОЧНОЙ КОРЫ Отблески судьбы в лирике Ивана Щёлокова

Не однажды в русской литературе возникал вопрос об отличии и сходстве художественных примет в раннем и позднем творчестве того или иного писателя и поэта. Несомненно, рассматривать давние и новые произведения художника в отрыве от его личности нелепо. Эволюция внутреннего мира и самого «голоса» автора есть то самое сквозное свойство его наследия или живой работы, которое помогает объяснить многие загадки и смутные места в его творениях. И потому важно понимать: в чём разница вещей давних и новых и как подобная взаимная несхожесть соотносится со временем, в котором тот или иной создатель художественного космоса жил и радовался, надеялся и горевал, негодовал и признавался в самом сокроенном. Только тогда мы сможем не только понять, но и оценить самые искренние порывы мятежного сердца молодого поэта, равно как и его поздние, умудрённые

жизненным опытом и нередко налитые печалью, слова, адресованные современнику.

Стихи воронежского поэта Ивана Щёлокова содержат два важных акцента, часто словно вступающих в скрытый спор друг с другом. Это – понимание себя наследником русской традиции и желание быть в разумном и эмоциональном согласии с веком: его духом, эстетикой, тенденциями, идеологемами.

«Молодые» стихотворения поэта полны оптимизма и упоения жизнью, что вполне объяснимо: на дворе – советская эпоха, её недостатки тесно сплетены с достоинствами, а юная душа стремится только к хорошему, и горечь ещё не поселилась в деятельном, полном упований сердце.

Более зрелые сюжеты Щёлокова связаны с десятилетиями безудержных экономических и идеологических «реформ», когда жестокость и цинизм, ложь и вероломство проникли во все поры российского общества. Здесь измученный сомнениями ум и пленённое социальными обстоятельствами чувство иной раз опутаны отчаянием и скорбью, но всё ещё помнят прежнюю житейскую свободу и упоительное творческое вдохновение.

И наконец, лирика нынешних лет, в которой созерцательность не отменяет авторскую способность называть вещи своими именами, добрыми или безжалостными, но соединяет локальные лирико-поэтические картины и наблюдения с обширным пространством бытия. Как будто произошла некая трансформация ощущения лирического героя в наличном мире: расстояние между предметами внезапно резко увеличилось,

воздуха стало ровно столько, чтобы поддерживать дыхание, и всякое движение оказалось возможным чуть замедлить или, напротив, подтолкнуть и ускорить.

Увидев, как менялась с годами способность поэта услышать время и понять собственную роль в происходящих событиях, более подробно остановимся на интонациях автора и особенностях его художественной речи, на соотношении всего вещественного и отвлечённого, умозрительного. Того, что как бы «не обязательно» для житейского существования, но совершенно необходимо для жизни души, умеющей задавать вопросы и находить ответы – простые и сложные, умные и наивные, взрослые и детские... Это позволит понять, какой собеседник перед нами и что общего у поэта, читателя и мгновения, в котором они живут.

Надо сказать, что у Щёлокова многие строки, фиксирующие реальность (даже если она даётся в «расширенных» чертах), большей частью остаются привязанными к дате создания соответствующего сюжета. Только лирические истории, в которых давняя боль не избыта до сих пор, выпадают из этого правила. И тогда становится понятно, что с личным устройством сложившегося ныне автора более соотносимы наблюдения горькие, нежели оптимистичные, хотя эти последние представлены в своде написанного поэтом вполне объёмно. Нарастание душевной тяготы, разочарования в приманках реальности для поэтической эволюции кажется в порядке вещей. Но это сухое наблюдение никак не подменяет собою перемещения авторской души от одного переживания к другому и рождённых

ими проникновенных слов, пропитанных пережитым чувством.

*Человек, уставший от вниманья,
С первым светом в утренней избе
Топит печь; и дым воспоминанья
Гулко пробираясь по трубе,
В небеса клубит, не затмевая
Дней прожитых в огненных зрачках,
Жарким треском углей выжигая
Тишины абсурдной боль и страх.
<...>*

*Человек, уставший от вниманья,
От предательств, сплетен и интриг,
Лечится осознанным молчаньем
И неспешным чтеньем умных книг.
Курит трубку мира и покоя,
Страхивая пепел суеты
В плоски из-под розы и левкоя,
И разводит новые цветы.
<...>*

*Неохотно думает о вечном –
Вечное же дымом сквозовым
Ввысь стремится, чтобы в бесконечном
Рассосаться облаком седым.*

Строки, прикрепленные к текущему мгновению, не избавлены от упреков самого разного толка, но у Щёлокова эти лирические «фото-снимки» впоследствии рождают созвучные сюжеты уже другого качества – сосредоточенные и внутренне просторные. Как будто автору важно предварительно «потрогать» предмет и уже потом взвесить его на ладони и сказать что-то о скрытых его свойствах. Сначала вступает в действие некая импульсивность: резкое перемеще-

ние взгляда от одного к другому, потом происходит вглядывание в происходящее, после чего поэтическое «око» резко перемещается к чему-то иному. С подобной повадкой смотрят на окружающий мир птицы и некоторые звери, и в том определённое свидетельство естественности такого созерцания. А смысл его – в полноте обзора картины, а не в поиске её доминанты.

Здесь совершенно отчётливо проявляется изобразительное качество лирики Ивана Щёлокова. Причём интонация стихотворения может быть какой угодно, потому что в нём голос – только помощник зрению, а вовсе не его «заместитель». Поэт способен нарисовать скупыми штрихами узнаваемый социальный или исторический этюд: внешний мир ему послушен, и автор находит самые выразительные приметы сиюминутности – «вехи времени». В его строках нет высокомерного суда, только строгие слова, которые называют реальность. Да ещё сожаление или едва уловимое сочувствие в моменты, когда речь идёт о пропавшей жизни и красоте:

*Здесь покоится Валюха –
Забубённая деваха,
Городских окраин шлюха
И невинных скромниц сваха.*

*Лет прошло – а помнят Вальку.
Кто осудит, кто поплачет:
– Непутёвая, а жалко!
Не могла, видать, иначе...*

*Над могилой – чёрный мрамор,
А на нём – точёный профиль.*

*– И не пьётся, вот, ни грамма,
И не любитя дурёхе!*

*Чёрный мрамор, словно плаха,
Для души, спалённой в жажде...
Мрамор тот последний хахаль
Притащил сюда однажды.*

Некая отстранённость позволяет автору вести рассказ скупо, приводя чужие замечания, но оставляя неявный простор для собственного чувства. Сдержанность, выборочность характеристик – то, что формирует собственно художественную ткань стихотворения. Случается, что в более общих вещах у Щёлокова не хватает сквозного яркого образа, который заменяется сменяющимися друг друга яркими деталями, создавая своего рода «беглость» изображения. Но тут сказываются издержки его склонности к ретроспективе, которая в иных случаях позволяет автору создавать органичные поэтические сюжеты на материале драматической русской истории.

Понятие Раскола так или иначе отражает весь исторический путь России – от Крещения Руси до распада Советского Союза. Внутри хронологических «скобок» – Аввакум и Никон, Пётр I и его преобразования по западной мерке, 1917-й – «белые» и «красные», советские и эмиграция, противостояние консерваторов и либералов последних десятилетий XX века... Отблеск этой «распри» время от времени вырывается на поверхность реальной жизни, показывая, что старый огонь былых противостояний ещё тлеет в глубине русского сердца.

Стихотворение Ивана Щёлокова «Речка Красная» – содержательная и яркая вещь: отголоски древнего уже Раскола отражены в зеркале

знакомой с детства реки и на страницах хроник родного края. Старые смыслы соединяются с новым обиходом, и великий круг событий никак не может преодолеть почти мистическую линию разрыва нашего бытия.

*Доля-долюшка неясная,
Всю испей, да не отравишься!
Отчего ж ты, речка Красная,
За камыш водой цепляешься?
Отчего же тиной-ряскою
Затянулись родники?
Лишь торчат живыми распрями
Из трясины топляки.
Берег левый – глушь пустынная,
Правый – тишь от большака...
Сторона моя старинная,
Больно рана глубока!*

Словарь поэта в тематически разных стихотворениях довольно широк: в нём и городская речь органична, и сельские приметы выглядят «своими», хотя уже как бы и находящимися в отдалении. Вполне литературный слог, в зависимости от конкретного сюжета, может уходить и в разговорную лексику. Заметим, именно словарь определяет у Щёлокова достоверность пространства, в котором существует его лирический герой. Старый сельский окоём с бездонным небом и дыханием какой-то неизъяснимой свободы уступает место городскому пейзажу, в котором вроде бы куда больше мелких подробностей, но пространство жизни и действия сжимается и словно даже мельчает, становится менее объёмным: в нём неуловимо начинает прочитываться некое бытийное дно.

У Щёлокова часто внешние детали и предметы отражают внутреннее состояние и устройство души лирического героя. Конечно, можно сослаться на психологический параллелизм, однако здесь прочитывается, скорее, переключка осязаемого и умообразного, а совсем не взаимное «ауканье» эмоционального состояния человека и окружающей его среды.

*Пыхти, любимый катерок!
Плыви, душа, против течения!
Не всякий пройденный урок
Нам ценен поздним повтореньем.*

*И не маршрут привычный плох,
Тревожит мощный ток стремнины...
Молю, чтоб только не заглох,
Едва доплыв до середины.*

Поэт порой вдруг соединяет некие общие слова с замечаниями прочувствованными, ранимыми сердце, и эта лирическая склонность становится приметой авторской речи, как, например, в стихотворении «Наше время хворает...»:

*Для кого эти хвори – надежда и свет,
Обагрённые славой знамёна побед.*

*Для кого-то они – это плен и рабы,
Кубометры досок на родные гробы...*

У Ивана Щёлокова отчётливо видно, как стихи держат душу героя внутри нравственных координат, как они не позволяют ему заступить за черту правды и справедливости. Поэзия тут определённо формирует личность, хотя уже ста-

ло дурным обыкновением использовать поэтические формы исключительно для самовыражения и самоутверждения. Перед нами ещё один наглядный пример влияния русской литературы на русскую жизнь.

*Уходим не мы, а уходит эпоха.
Уходит тихонько, не хлопая дверью,
Как трёпанный жизнью сосед-выпивоха
И как деревушка в болотах под Тверью.*

*Ей наших напутствий в дорогу не надо,
Она не сторонница людных прощаний.
Уходит – и всё! Как пора листопада,
Как девушка в женщину после венчанья.
<...>*

*Пока я с народом на пляже под Сочи
Согретому морю восторженно внемлю,
Эпоха с подножки вагона соскочит
И скупо дождемкой впитается в землю.*

Публицистика у Щёлокова идёт рядом с бытийным наблюдением, и уже как следствие возникают строки сосредоточенные, как будто отвлечённые от внешних событий, в большей степени погружённые в потаённую душевную жизнь автора. И если в стихах, кажется, напрямую обращённых к «собеседнику», угадывается воля поэта и его социальная закалка, то в сокровенных сюжетах он беззащитен и одинок перед уже невидимым читателем, скрытым в тени. В этот момент поэт со всеми иными людьми, и его внутренняя мука перекликается со страданием, разлитым сегодня по всей России.

*Эта птица не машет крылами,
Только душу скребёт
Изнутри роковыми когтями,
Зная всё наперёд.
<...>
Даже зеркало следа не выдаст
От незримой борьбы.
Носим в душах, как платье на вырост,
Эту птицу судьбы.*

В пространстве подобных сюжетов и рождается подлинный сокровенный человек, не ведомый никому внешнему. Невысказанная до конца боль напоминает нам о лермонтовской музе и об экзистенциальном одиночестве земного сердца. Драматические вопрошания «Кто я такой?», «Зачем я тут? Куда теперь из сада?» с неуклонной закономерностью возникают в лирике Ивана Щёлокова. Рассыпанные по всему корпусу его произведений, они, на первый взгляд, выглядят случайными оговорками, но на деле являются базовыми, опорными словами, лежащими в основании всего творчества поэта. В них есть оттенок разлада между печальным внутренним миром автора и зримым его обликом, в котором он появляется перед читателем.

Между тем его герой в череде мгновений ощущает себя человеком «срединным» – между светом и тьмой, между наглядным и скрытым, между даящим и опустевшим, почти опустошённым... И возникает вопрос, который многое определяет: какой же фигурой поэт предстаёт в своих стихах? Социальное властно захватывает его думы и чувства, однако в итоге нередко оказывается только порывом, о котором чуть погодя он размышляет наедине с самим собою. И это по-

следующее размышление становится более важным, чем все обстоятельства, извне терзающие его второе «я».

Сокровенные состояния и решения, по отношению к самому себе порой беспощадные, вот что весомее всего остального. Потому и «после-событийность» в стихотворениях Ивана Щёлокова куда интереснее самих событий и сопутствующих им переживаний.

*А ветер гнал остуду,
Клонил к обочью колос
И оставлял повсюду
Мой глуховатый голос.
И я сходил на землю
И замыкал пятою
Меж светом и меж тьмью
Зияние пустое.*

Щёлоков любит описывать природу и её движения. Очевидно, в подобной авторской склонности есть что-то от стремления к вечному, не обманному, предсказуемому, тяга к большим понятиям и явлениям, смысл которых не зависит от лживого говора нынешней эпохи. Постепенно это становится для поэта самым важным и доверительным.

*Друзья мои, я вышел из игры,
Из ваших душ, из ваших слов и снов,
Сменив подтексты истин и основ
На терпкий запах ёлочной коры.*

В стихах появляется интонация спокойной мудрости, и всё то, что прежде было инструментом убеждения или гражданской декларацией,

обретает свою необходимую громкость и спокойную степенность речи. Всё чётче обозначается дистанция между собственной душой автора и временем, прошлым и настоящим. Ритм слов и наблюдений получает некоторую расстановку и неспешность – обычно это называют «глубоким дыханием». Мотив воспоминаний выглядит более вятым, а в признаниях ясно угадывается пережитое, передуманное и решённое...

В отличие от прежнего изобразительного ряда, похожего на динамичную серию фотоснимков, в поздних стихотворениях Ивана Щёлокова автору ближе постепенное вглядывание в предмет. Словно он поверяет собственное место в земном и духовном пространстве вещами строго отобранными, для него непреходящими. Это похоже на подведение первых зрелых итогов воплотившейся судьбы, когда развеяны иллюзии, важные решения приняты, а жизнь, вовлекая поэта в своё донное течение, неуловимо меняет его зрение.

*В том краю, где меня не увидишь,
Не коснёшься губами щеки,
Зацветают старинные вишни
Над обрывом у самой реки.*

*Даже ветер залётный, пацански
Демонстрируя юную стать,
В лепестково-вишнёвое царство
Прокрадётся тебя целовать.*

*В том краю ты меня не узнаешь,
Обойдёшь этот сад стороной.
И устелет вишневая завязь
Завитушки тропинки пустой.*

*Следом ветер, пацан-забияка,
Зря блудивший в густом вишняке,
Из цветущего вырвется мрака
И с обрыва сорвётся к реке.*

Творческая эволюция Ивана Щёлокова есть скрытый от внешнего взгляда пример присутствия русского человека в земном мире. Все терзания и заблуждения отошедших в прошлое лет уступили место мудрости, которая не спешит догнать век и встать с ним наравне. Предназначение, угаданное и испытанное, позволяет ему сквозь неверные очертания жизни видеть удивительные волны бытия.

Что ещё нужно художнику?

Вячеслав Лютый

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.....	5
------------------------------	---

Время поворотное

«Ещё поголовно в деревне дома...»	7
«Куда мне от этих степных берегов...»	8
«Плясово-Снежково...»	9
«В полночь на дальней станции...»	10
«Бьётся чайка крылом безрассудным...»	11
Хлебное	12
«Бросает КамАЗ на сугробах...»	14
Диалог у колодца.....	15
«Прохлада от низины...»	16
Триптих о возрасте	17
«Был вид у местности культурен...»	18
На краю уходящего века.....	19
«Оставь меня. Хочу побыть один...»	20
«Гори, костёр...»	21
«Затерялись гудки паровозные...»	22
«Здравствуй, дед – седая голова...»	23
Дичка	24
«В теориях отец был слабоват...»	25
«Что случилось со мной, славянином...»	26
«Что гогочите, гуси, на том берегу...»	27
«Постою у фамильного склепа...»	28
«Приходи и садись. И рассказывай...»	29
Послание доктору филологии	30
«День. Глубинка. Начало апреля...»	31
«В саду отца ни деревца, ни ветки...»	32
Переулоч Клинический	33
Сумерки	34
«После ливней осенних и грешных...»	35

Чужая остановка	36
Два знака	37
В городе N	39
Снег в листопад.....	40
Успенская церковь.....	41
«О, звон колокольный...»	43
Половодье	44
Баллада о старом доме.....	45
«На просёлках вчерашней империи...».....	46
Сентябрь.....	47
«Я у матери не был давно...».....	49
«Скучая, осень ворожила...».....	50
«Уйду в поля и не оставлю памяти...»	51
Плот.....	52
«Я тебя уводил...».....	53

Чтоб каждый миг возвысил

«Устав от роли вольнодумца...».....	54
Современная молитва	55
Крещенское.....	56
Поэт и держава	57
Мчался поезд	59
«Уже ноябрь на середине...».....	60
Четыре сонета для любимой	61
Осенние многоточия.....	63
«Танцуй, огонь, в портале каменном...».....	64
«Пускай кончается столетье...»	65
«Дом порушен, а берёза...»	66
«В запасе ни водки, ни песен, ни слёз...».....	67
«Красовался я лебедем белым в воде...».....	68
«Сохранить бы на миг шум багряной листвы...».....	69
«Охраните меня от ненастного...»	70
«Эта боль...Эта грусть...».....	71
«Вместе с дождями и пух тополиный сошел незаметно...»	73
«Меня моя мысль уведёт, уведёт...»	74
«Безумно бежали, бежали, бежали...»	75
«Кого-то Бог берёг...»	76
Терра инкогнита	77
«За мартом случится апрель...»	80
«Среди дубрав заметней позолота...».....	81

«От границы липецкой к ростовской...»	82
«Жить бы, жить и не быть на виду...»	83
Сказание о Первомайском парке	84
«Ничего больше нет из того, что тебя вдохновляло...»	87
Лето на двоих	89
«Жду весны ли, признанья ли, славы...»	91
«Ездил к матери... Родина милая...»	92
«Я живу в наших днях без прописки...»	93
«Соберу про запас себе время...»	94
«Наскучила толпа...»	95
Крестики-нолики	96
«Платье твоё в горошину...»	98
«Ранняя птица летит на восток...»	99
«Печали нет, есть грусть невоплощенья...»	100
«С дороги звонить я не стану...»	101
«Ничто не вечно, кроме суеты...»	102
«Душа давным-давно в покое...»	103
«Может, жизнь – только прах...»	104
«Я родился, где стени и балки...»	105
В гостях	107
За арбузами	109
«Приезжайте! Мы поедem...»	111
«В затянувшейся непогоде...»	112
«Старина, времена неважные...»	113

Выбираю сердце

«Уживитесь, даль и ветры...»	114
«В частной коллекции чьей-то души...»	115
«Сокрушаясь от собственных дат...»	116
«Устав от стыда – не рыбалки...»	118
«А где оно, это Коршево?...»	119
«Твой липовый город...»	120
«Понимаешь не всех...»	121
«Почему уходят люди...»	122
«Вторую натурой субъекта...»	123
«Ты не предложишь с гордостью...»	124
«Уйти бы, уехать, умчаться...»	125
«О чём ты, скрипка, плачешь на бульваре...»	126
«В цветной накидке формы паруса...»	127
В день открытия памятника Есенину	128
«В три петельки – роспись...»	129

«Здесь покоится Валюха...»	130
«Вот и зима неожиданно рано...»	131
«В пророки не гожусь... И не беда...»	132
«Тихо. Спокойно. Звёзды...»	133
Слушаю Бетховена	134
«Черноземье! Даль и солнце...»	135
«Подхвачу в охапку ветер...»	136
Речка Красная	137
Прощание с домом	140
«Может, Бог создал землю зря...»	141
«Неужели снится?...»	142
«Сам себе я открылся не сразу...»	143
«Когда и как я стал не отличимым...»	144
«Могильная тишь околотка...»	145
Катерок.....	146
«Не к месту дождь. Не вовремя гроза...»	147
«Мои стихи – толпа моих ровесниц...»	148
«Наше время хворает, не ест и не пьёт...»	149
«Мир мой, скроенный по лекалам...»	150
Белый бок и чёрное крыло.....	151
Зонтики	152
«Уходим не мы, а уходит эпоха...»	153
«– Покурим! Покурим! Покурим!...»	154
«– Ты откуда, народ?...»	155
«Выхожу из игры...»	156
«Из рожи всей берёзы две в поре...»	157
«Я оттуда – из земных глубин...»	158
«Я весь ещё спросонья, весь не свой...»	159
«Ты жди меня в гости! Как выдаться случай...»	160
«Эта птица не машет крылами...»	161
«Часы под шпилем башни...»	162
«Старый город. Вертявые упочки...»	163
Свободные стихи. Цикл	164

Не думай, что будто тут не был

«Ранним утром, когда, побуянив, сопят города...» ..	179
«Ничто тебя не сделает счастливым...»	180
«Я от собственной мысли отрину...»	181
Царь-колокол	182
Прощание с колоссом	183
Февральский пролог	184
«Сторона моя глухая...»	185

Тополиный пух в День пограничника.....	186
«Увези меня, молодость, в Прагу...».....	187
«Ближе к ночи прояснится небо...».....	188
Зачем.....	189
Замок из песка.....	190
«Лупоглазые дни мои, сущие...».....	192
«Давай с тобой решимся на игру...».....	193
«Непрененно с тобою мы выпьем...».....	194
«На ветру, на снегу, на морозе...».....	195
«В Воронеже февраль. Ещё морозно...».....	196
«Малины куст жирует на задворках...».....	198
Мой Кольцов.....	199
«В том краю, где меня не увидишь...».....	200
«Я не хочу, но подчиняюсь воле...».....	201
«Бреди по лужам, шлёпай по грязи...».....	202
Акварельный прибор.....	203
«О, жизнь – влюблённая особа...».....	204
«Домик Буниных, вяз, виноград...».....	205
В саду в межсезонье.....	206
«За трепетной гранью...».....	208
«Ты скажи мне, какое нам время по вкусу...».....	209

Себя постигаем по капле росинки

«Ты возникнешь ниоткуда...».....	210
«Не наважденье, а вождизм...».....	211
«Стервенеем, черствеем, звереем...».....	212
«Мне какому крыльцу помолиться...».....	213
«Суд небесный, суд земной...».....	214
«Ничего я не имею против...».....	215
«Балтийская чайка на мокром песке...».....	216
«Созревает шиповник – в разгаре сентябрь...».....	217
«Молодо-зелено, зелено-молодо...».....	218
«Друзья мои, я вышел из игры...».....	219
«Мой город пробуждается легко...».....	220
Снег.....	221
«Не волнуйте мне душу словами сердечными...».....	222
«На фоне чахлого разлива...».....	223
«Нарисую тебя акварелью, гуашью...».....	224
«Родина стареет вместе с нами...».....	225
Последняя поездка Лермонтова на Кавказ.	
1841 год.....	226
«Таких сентябрей я давно не припомню...».....	227

Дивногорье	228
«Не будем говорить о вечном, о великом...»	229
«Перезвоны, перезвончики...»	230
«Мы себя постигаем по капле росинки...»	231
Песнь о живой земле	232
«А болото – всего лишь болото...»	233
«Не вышло родиться святым, непорочным...»	234
Слово	235
Каштаны	237
«Как всё в этом мире бывает случайно...»	238

Жизнь нарасхват

«Когда не бывает дождя...»	239
«Тополиное, звериное...»	240
«Спрячь солнца луч за пазуху...»	241
«Служение пуще охоты...»	242
«Где он, город колокольный...»	243
Стихи у картины	244
Три дня в Ялте	245
«Мы не племя – мы пламя, мы пламя...»	249
«Запросто мог бы на дно опуститься...»	250
«Бабушка Елена...»	251
«Ясность ночи шальная...»	252
«Красный паук на чёрной земле...»	253
«Забыть того, кто был тобой...»	254
«Ловите бабочек, друзья...»	255
«Море. Полночь. Вертолёт...»	256
«Они наступают – не дни, а мгновенья...»	257
«Ещё до Святков больше, чем неделя...»	258
«Назад обернусь – докучно...»	259
«Ну что ты всё тревожишь...»	260
«Век мой белый, век мой красный...»	261
«Грачиный грай, дворовый плач...»	262
«Дачный сюжет с виноградной лозой...»	263
«Ходит по берегу чайка...»	264
«Я в море Чёрное влюблённый...»	265
Блины	266
«Коснёшься в раздумье щекою коры...»	268
«У юности есть имя и судьба...»	269
«Пройди точку роста дневного сна...»	270
«Белым днём у всего на виду...»	271
«Минута слабости – как вечность...»	272

«Как тонко, как нежно и чуточку нервно...»	273
«Сенокос на авиазаводе...»	274
«Смятенье... И листья метут и метут...»	275
«Я уеду от прошлого дальше...»	276
«Гадать – привычка скверная...»	277
Река и речь	278
«Много ветра и мало любви...»	279
«Волосы треплет, волосы треплет...»	280
Звонок	281
«Бабочка пальцекрылка – как Христос...»	284
«Быстрее время...»	285
«Когда-то был я октябрёнком...»	286
«Смотрю я за окошко...»	287
«Не сгорал над костром мотыльком на лету...»	288
«Давно не целовал твоей руки...»	289
«Она бушевала манерно, как дамочка...»	290
«Книга новая на тачке...»	291
«Когда мы не спешим, степенно ходим парой...»	292
«Внучка просит деда – огоньки из глаз...»	293
«Для Пушкина – Чёрная речка...»	294
«Годы торопят, и жизнь нарасхват...»	295
«Узкий двор. Дом-музей Никитина...»	296
«Храм Покровский. На морозце...»	297
«С крыш на солнышке – кап, кап, кап...»	298
«Еле-еле солнце в теле...»	299
«По клеточкам, по веточкам...»	300
«В сентябре всё дожди, дожди...»	301
Брусника	302
Звёздные войны	303
«Вот и случилось: весна и война...»	304
«Я не вижу войну – я учусь её слушать...»	305
«В моём мирном июльском Воронеже...»	306
«Извилист Северский Донец...»	307
«Спит Мариуполь – былинный герой...»	308
«Погиб товарищ Воха...»	309
«Ночь вымерит взглядом комбата...»	310
«Теперь уже, когда другое племя...»	311
«Время стрелять и не время прощать...»	312
«Пока я жил в один мазок...»	313
«Время ты, времечко – прялка бабуси...»	314
«Разожгу камин. Затрещат дрова...»	315

«Дождаться апреля – и к предкам...»	316
«По мёрзлым былинкам бурьяна...»	317
«Выпорхнуло зябликом солнце в окоём...»	318
«Вдох – на выдох и выдох – на вдох...»	319
Уличный гармонист	320
Вечное и зряшное	
Краткостишия	322
ПОЭМА	361
Роман без знака препинанья.	
История одного замысла в стихах и дневниковых записях провинциального чиновника.....	363
Послесловие. Терпкий запах ёлочной коры.	
Отблески судьбы в лирике Ивана Щёлокова	411

Литературно-художественное издание

Щёлоков Иван Александрович

Дыханье твоё
Избранные стихотворения
Поэма

Обложка И.А. Ивановой
Компьютерная вёрстка Е.В. Саввиной
Корректор Е.С. Стрельникова

Сдан в печать 2.05.2023 г. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 0453.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143.

Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900, 277-75-77